

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИЯ —
СВИДЕТЕЛЬНИЦА
ВРЕМЕН

ТОМ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ
ДЕКАБРЬ 2017

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИЯ —
СВИДЕТЕЛЬНИЦА ВРЕМЕН

ТОМ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

Под общей редакцией Ф.Г. Тараторкина

МОСКВА, 2017

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Редакция

А.Э. Титков

главный редактор, кандидат исторических наук

Ф.Г. Тараторкин

зам. главного редактора, кандидат исторических наук

И.Я. Керемецкий

зам. главного редактора, художественный редактор, член-корреспондент Международной академии культуры и искусства

Т. Лефко

редактор английской версии

Е.А. Радзиевская

ученый секретарь

Редакционный совет

В.Э. Goldman

Ph.D., профессор кафедры истории Исторического факультета Университета Карнеги-Меллона

А.А. Горский

доктор исторических наук, профессор Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

С.В. Девятков

доктор исторических наук, профессор, советник директора ФСО России, заведующий кафедрой истории России XX–XXI вв. Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Д.Р. Жантиев

кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

С.М. Исаков

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, заместитель председателя Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций

Г. Кантор

доктор философии Оксфордского университета, Сент-Джонс колледж

И.В. Курукин

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Средневековья и Нового времени Факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ и Учебно-научного института русской истории РГГУ

Г.Д. Ленхофф

Ph.D., профессор кафедры истории Исторического факультета Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе

А.В. Марей

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ

Ф. Мартинес Мартинес

профессор истории права, Мадридский университет Комплаутенсе

Д. Панатери

Ph.D., доцент истории права Университета Буэнос-Айреса

Е.И. Пивовар

председатель редакционного совета, доктор исторических наук, президент РГГУ, профессор, член-корреспондент РАН

А.Л. Смышляев

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, ведущий научный сотрудник Института мировой культуры МГУ имени М.В. Ломоносова

А.Э. Титков

кандидат исторических наук, проректор РГГУ

Я.М. Хамеен-Анттила

профессор арабских и исламских исследований, Эдинбургский университет

THE HISTORICAL REPORTER

Editorial Administrative Committee

Alexey E. Titkov

Editor-in-Chief, Candidate of Historical Sciences (Ph.D.)

Filipp G. Taratorkin

Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Historical Sciences (Ph.D.)

Igor Ya. Keremetskiy

Deputy Editor-in-Chief, Art Editor, Corresponding Fellow of International Academy of Art and Culture

Todd Lefko

Editor of the English Version

Elizaveta A. Radzievskaya

Academic Secretary

Editorial Board

Wendy Z. Goldman

Ph.D., Paul Mellon Distinguished Professor of History at Carnegie Mellon University, History Department

Anton A. Gorskiy

Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), Professor at Moscow State University, Historical Faculty, Distinguished Researcher of Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History

Sergey V. Deviatov

Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), Adviser to the Director of Federal Protective Service of Russia, Head of Russian History in XX–XXI cc. Department at Moscow State University, Historical Faculty

Dmitriy R. Zhantiev

Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor at Moscow State University, Institute of Asian and African Studies

Salavat M. Iskhakov

Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), Distinguished Researcher of Russian Academy of Sciences Institute of Russian History. Vice-Chairman of the Scientific Council of Russian Academy of Sciences on the History of Social Reforms, Movements and Revolutions

Georgy Kantor

D.Phil. (Ancient History), St. John's College, University of Oxford

Igor V. Kurukin

Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), Professor at Russian State University for the Humanities Institute for History and Archives, Medieval and Modern History Department

Gail D. Lenhoff

Ph.D., Professor at University of California Los Angeles, History Department

Alexander V. Marey

Candidate of Sciences in Theory and History of Law and the State (L.D.), Distinguished Researcher of Higher School of Economics, Center of Fundamental Sociology

Faustino Martínez Martínez

Associate Professor of Complutense University of Madrid, History of Law and Institutions Department

Daniel Panateri

Doctor in History (Ph.D.), Lecturer at the University of Buenos Aires, History of Law

Efim I. Pivovarov

Chairman of the Editorial Board, Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), President of Russian State University for the Humanities, Professor, Corresponding Fellow of Russian Academy of Sciences

Alexander L. Smishliaev

Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Senior Researcher at Russian Academy of Science, Word History Institute, Distinguished Researcher of Moscow State University, Institute of World Culture

Alexey E. Titkov

Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Vice-Rector of Russian State University for the Humanities

Jaakko Markus Hämeen-Anttila

Professor at University of Edinburgh, Arabic and Islamic Studies

ОТ РЕДАКЦИИ

В любом общеисторическом (не тематическом) номере журнала всегда хочется увидеть не только мозаику и эклектику тем и научных проблем, которые в таких номерах вполне уместны, но и некие осевые линии, смысловые и тематические стержни, скрепляющие разнообразный и разнородный материал.

Подобных сквозных тем в настоящем номере — три: история личности (в том числе религиозного самосознания личности), история территории, история науки.

В статьях С.В. Белавенца, А.И. Левина, А.В. Морохина, Е.А. Черновой и А. Черниной предложен интересный анализ биографии личности в историческом контексте, причем в самые разные эпохи — в средневековой Испании времен Альфонсо X, в николаевской России второй четверти XIX в., в СССР и русском зарубежье 1920–1940-х гг. Здесь и вечный вопрос: каковы механизмы и превратности формирования исторической памяти. И не менее «вечный» вопрос о соотношении личности и общества в переломные исторические эпохи, особенно в эпохи революционных потрясений и «послевкусия» революции.

В исследованиях Н.А. Охотиной-Линд и Е.Е. Рычаловского рассматриваются вопросы, связанные с исторической географией, традиционно занимающей важное и почетное место в «репертуаре» научных исследований современных историков. Историческое пространство в последние десятилетия стало для мировой исторической науки одной из фундаментальных категорий знания о прошлом. Вспомним Фернана Броделя, считавшего историю территории важнейшим ключом к пониманию прошлого. Или В.О. Ключевского, еще на рубеже XIX–XX вв.

утверждавшего, что история России — это история страны, которая колонизируется.

Наконец, постоянные наши рубрики — историографическая и критико-библиографическая — представлены работами Г.Н. Ланского (автора целой серии научно-биографических портретов советских историков в нашем журнале), С.В. Девятова, В.Ж. Цветкова.

Рецензия С.В. Девятова на посвященную спорам о Ленине монографию Е.А. Котеленец продолжает центральную тему 2017 г. — столетие революционных событий 1917 г. Некоторые современные исследователи предлагают называть эти события новым обобщающим — Великая российская революция. 2018 г. является юбилейным именно для ленинского революционного идейного наследия и соответствующей революционной политической практики (особенно после невоплощенной исторической альтернативы — Учредительного собрания, канувшего в небытие сто лет назад).

Рецензия В.А. Токарева посвящена монографии польского исследователя Славомира Дембски «Между Берлином и Москвой. Германско-советские отношения в 1939–1941 гг.», в которой проанализирован комплекс острых геополитических вопросов, сформировавших мотивы и проблематику внешней политики СССР и гитлеровской Германии в предвоенные годы, а также повестку дня и контекст их двусторонних отношений.

А.Э. Титков

*главный редактор журнала
«Исторический вестник»*

EDITORIAL

In any issue on General History we always aim to create not only harmony of eclectic themes and scientific problems, but as well tend to find certain leading lines, semantic and thematic cores that hold the diverse material together.

In this particular issue, there are three such themed lines: the history of personality (including religious identity), the history of territory and the history of science.

Articles by Sergey V. Belavenets, Leonid I. Levin, Alexey V. Morokhin, Elizaveta L. Chernova, and Lubov Chernina offer an interesting analysis of individual biographies within the historical context of the most diverse epochs: medieval Spain during Alfonso X reign, the second quarter of the 19th century in Russia — the Nicolas I reign, the USSR and the Russian emigrant environment of the 1920s-1940s. Naturally comes the eternal question of what are the mechanisms and obstacles for historical memory formation. And another eternal question of what is the relationship between an individual and the society at the turning points of the history, especially during revolution and revolution's «aftertaste».

Researchings made by Nataliya A. Okhotina-Lind and Evgeniy E. Rychalovsky touch upon issues related to Historical Geography, a branch of knowledge that occupies an important and honored place in scientific works by modern historians. In recent decades, definition of particular historical landscape has become one of the fundamental categories of knowledge of the past. Fernand Braudel believed that the history of a territory was the key to understanding the past, and famous Russian historian Vasily Klyuchevsky, who dared to publish the work of his life only in the be-

ginning of the 20th century suggests colonization to be the main factor, affecting Russian history.

Finally, our regular rubrics, Historiography and Historical Thought, are represented by Grigory N. Lanskoj (author of a series of scientific and biographical portraits of Soviet historians previously published), Sergey V. Devyatov and Vasiliy Zh. Tsvetkov.

A review by Sergey V. Devyatov of the monograph by E.A. Kotelenets on the disputes about Lenin, continues the central theme of 2017 — the 100th anniversary of the 1917 revolution, which some contemporary scientists suggest to refer to as — the Great Russian Revolution. This year, 2018, is an anniversary for the revolutionary ideological heritage of Vladimir Lenin and the political revolutionary practice based on it (especially after the failure of the Constituent Assembly, a historical alternative that vanished one hundred years ago).

A review by Vasiliy A. Tokarev is dedicated to the monograph by the Polish scientist Slavomir Dembsky «Between Berlin and Moscow. German-Soviet Relations in 1939–1941». The monograph analyzes a set of crucial geopolitical issues that shaped the motifs of the USSR and Nazi Germany foreign policy in the prewar years, as well as the agenda and context of their bilateral relations.

Alexey E. Titkov

Editor-in-Chief

*Comments to the authors may be submitted
to the Editor — historical.reporter@gmail.com*

СОДЕРЖАНИЕ

- Иеромонах Никон (С.В. Белавенец).** Русская Православная Церковь, Русская Православная Церковь Заграницей, Российский Императорский Дом Романовых. История взаимоотношений после революции 1917 г. 10
- Л.В. Чернина.** Проблемы религиозного обращения в юридическом творчестве Альфонсо Х. 56
- Е.Л. Чернова.** Обновленческий митрополит А.И. Введенский: личность как государственный проект. 86
- Е.Е. Рычаловский.** Географические открытия и расширение границ империи в переписке иркутских губернаторов и генерал-губернаторов с центральной властью. 1760-е — 1790-е гг. 104
- Н.А. Охотина-Линд.** Где был похоронен Витус Беринг? 134
- А.В. Морохин.** «Я узнаю себя в моем отце»: Николай I и культ императора Павла I во второй четверти XIX в. 160
- Л.И. Левин.** Дело о «Брауншвейгском семействе» (В.В. Стасов и М.А. Корф) 194

ИСТОРИОГРАФИЯ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Г.Н. Ланской.** Особенности развития советской исторической науки в исследованиях А.А. Шапиро 224

ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

- В.Ж. Цветков.** Рецензия на монографию: А.М. Матвеева. Геополитическая концепция истории России П.Н. Савицкого: монография. 232
- С.В. Девятов.** Жизнь и деятельность В.И. Ленина в современной исторической литературе. Рецензия на книгу Е.А. Котеленец «Битва за Ленина. Новейшие исследования и дискуссии». 237
- В.А. Токарев.** С. Дембски Между Берлином и Москвой. Германско-советские отношения в 1939—1941 гг. 242

CONTENTS

ISSUE ON GENERAL HISTORY

Editor: Filipp G. Taratorkin

- Hieromonch Nikon (Sergey V. Belovenets).** The Russian Orthodox Church, the Russian Orthodox Church Abroad, the Russian Imperial House of the Romanovs. The History of Relations After the 1917 Revolution..... 10
- Lyubov V. Chernina.** Problems of Religious Conversion in the Legal Work of Alfonso X..... 56
- Ekaterina L. Chernova.** Renovationist Metropolitan A.I. Vvedensky: Personality as a State Project..... 86
- Evgeniy E. Rychalovsky.** Geographical Discoveries and the Expansion of Imperial Borders in the Correspondence Between Irkutsk Governors and Governors-General with the Central Government. 1760s — 1790s 104
- Natalia A. Okhotina-Lind.** Where is Vitus Bering buried? 134
- Alexey V. Morokhin.** «I Recognize Myself in My Father»: Nicolas I and the Cult of Emperor Paul I in the Second Quarter of the 19th Century. 160
- Leonid I. Levin.** The Case of the «Brunswick Family» (V.V. Stasov and M.A. Korf)..... 194

HISTORIOGRAPHY AND ACADEMIC LIFE

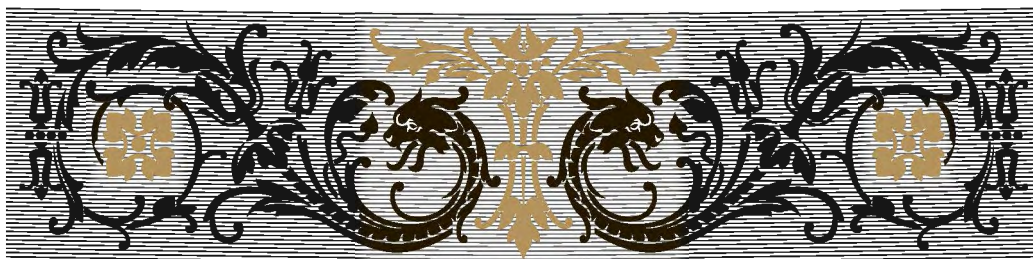
- Lanskoy G.N.** Development of the Soviet Historical Science in the Research Works of A.L. Shapiro 224

HISTORICAL THOUGHT

- Tsvetkov V.Zh.** Review of the monograph: A.M. Matveeva. The Geopolitical Concept of Russia's History by P.N. Savitsky: monograph..... 232
- Devyatov S.V.** Professional and Personal Life of V.I. Lenin in Contemporary Historical Literature. Review of the book by Kotelenets, E.A. «The Fight for Lenin. The Latest Research and Debates»..... 237
- Tokarev V.A.** Dembsky, S. Between Berlin and Moscow. German-Soviet Relations in 1939-1941..... 242

Иеромонах Никон (С.В. Белавенец)

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ, РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ЗАГРАНИЦЕЙ И РОССИЙСКИЙ ИМПЕРАТОРСКИЙ ДОМ

История взаимоотношений после революции 1917 г.
и до Второй мировой войны

течение почти полутора тысяч лет, начиная с 535 г., православный взгляд на взаимоотношения Церкви и государственной власти оставался в целом неизменным. Он базировался на изданной в этом году 6-й новелле императора Юстиниана, в предисловии к которой, в частности, говорится: «Величайшие блага, дарованные людям высшею благодатью Божией, суть священство и царство, из которых первое (священство, церковная власть) заботится о божественных делах, а второе (царство, государственная власть) руководит и заботится о человеческих делах, а оба, исходя из одного и того же источника, составляют украшение человеческой жизни. Поэтому ничто не лежит так на сердце царей, как честь священнослужителей, которые со своей стороны служат им, молясь непрестанно за них Богу. И если священство будет во всем благоустроено и угодно Богу, а государственная власть будет по правде управлять вверенным ей государством, то будет полное согласие между ними во всем, что служит на пользу и благо человеческого рода»¹.

¹ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М., 2008. С. 56.

Этот принцип, получивший наименование «симфонии», находил свое отражение и в богослужении. Так, в период Московского царства в служебнике, изданном при царе Алексее Михайловиче, на мирной ектении поминовение царя совершалось вслед за поминовением патриарха. Упразднение Патриаршества императором Петром I и учреждение в 1721 г. Святейшего Правительствующего синода привело к усилению монаршей составляющей в богослужебных текстах. Титул и имя самодержцев вопреки правилам церковно-славянского языка стали писать с прописных букв. Провозглашение России империей осенью 1721 г. привело к появлению в стране «чина коронации» вместо «венчания на Царство», которое традиционно совершалось в Московском царстве с 1547 г. Первая коронация состоялась в Москве в 1724 г., когда Петр I короновал свою вторую супругу Екатерину Алексеевну. Как пишет современный исследователь этого вопроса, «с появлением императорского титула и с введением церковных реформ значительно изменился и обряд коронации. Главная роль при совершении обряда, прежде принадлежавшая патриарху или митрополиту, перешла к самому коронуемому. Раньше царские регалии возлагались на царя высшим духовным лицом, совершавшим самый обряд коронования. Этот митрополит или патриарх рядом с царем на чертожном месте; он же обращался к царю и с поучением. Теперь, упразднив патриаршество, Петр Великий сам венчал на царство свою супругу короной, которую ему только подали архиепископы»².

И хотя при короновании в 1730 г. Анны Иоанновны корону на главу императрицы возложил архиепископ Новгородский Феофан (Прокопович), справедливость вышеприведенных слов подтверждается фактом причащения миропомазанной государыни в алтаре у престола. Точно так же у престола причащались позднее во время коронаций императрицы Елизавета Петровна и Екатерина II. Учитывая, что каноны вообще запрещают вход женщинам в алтарь, причащение женщины у престола демонстрировало, что, перефразируя святого апостола Павла, и в царском служении «несть мужеский пол, ни женский» (Гал. 3:28)³.

Однако важно помнить, что российские самодержцы и в синодальный период не считали себя внешними по отношению к Русской церкви. В статье 63 Основных Государственных Законов издания 1906 г. это было четко зафиксировано: «Император, Престолом Всероссийским обладающий, не может исповедывать никакой иной веры, кроме Православной». А статьей 62 закреплялся и статус Православной церкви в стране: «Первенствующая

² Думин С.В. Россия. История коронаций. М., 2013. С. 195.

³ Апостол богослужебный. На ц.-сл. языке. Минск, 2007. Л. 131.

и господствующая в Российской Империи вера есть Христианская Православная Кафолическая Восточного Исповедания». Статья же 64 в сжатом виде передает мысли, выраженные в предисловии к 6-й новелле императора Юстиниана: «Император, яко Христианский Государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры, и блюститель правоверия и всякого в Церкви святой благочиния»⁴.

Поэтому, критикуя синодальный период, следует помнить, что условия существования Православной церкви в Российской империи были несравненно более благоприятными, чем ее положение при советской власти. И потому та легкость, с которой в 1917 г. члены Святейшего синода своим Определением № 1226 от 7–8 марта (по старому стилю) приказали изъять все поминовения «царствовавшего дома»⁵ из богослужебных текстов, не может не вызывать удивления. После Великой Отечественной войны, когда стала возможна ограниченная издательская деятельность Русской Православной Церкви, о монархии писали либо плохо, либо ничего. Ярким примером подобного подхода может служить доклад патриарха Пимена на торжественном заседании 25 мая 1978 г., посвященном 60-летию восстановления Московского Патриаршего престола. В докладе, в частности, говорилось: «Церковное сознание синодальной эпохи не мирилось со вне навязанным Церкви характером ее взаимоотношений с государством. Сознавая патриаршую форму возглавления средством для возрождения соборности и достижения независимости Церкви от государства, широкие церковные круги стремились к восстановлению Патриаршества. Однако это удалось осуществить только в результате падения монархии в России». Говоря далее об избрании и интронизации Святейшего патриарха Тихона, докладчик особо отмечает: «Знаменательно, что это выдающееся в истории Русской Православной Церкви событие имело место непосредственно после Великой Октябрьской социалистической революции»⁶.

Подобная тенденция сохранялась почти до самых последних дней существования советской власти. Еще во второй половине 1989 г., когда Синодальная комиссия по канонизации святых готовила материалы к прославлению Иоанна Кронштадтского, невозможно было игнорировать его последовательную открытую монархическую позицию. По устному свиде-

⁴ Наследование Российского Императорского Престола / Сост. под ред. Высокопреосвященнейшего Антония, архиепископа Лос-Анджелесского и Южно-Калифорнийского. Bridgeport, 1985. С. 26.

⁵ Бабкин М.А. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. М., 2006. С. 29.

⁶ 60-летие восстановления Патриаршества. Празднование юбилея 25–29 мая 1978 года. М., 1979. С. 7.

Патриарх Тихон (В.И. Беллавин)

тельству одного из членов комиссии, была принята следующая установка: «Монархизм — трактовать как проявление патриотизма».

После 1991 г. табуированная многие десятилетия тема стала активно обсуждаться в церковных кругах. На тему монархии начали высказываться и писать многие пресвитеры и архиереи. Суть продолжающейся и в наши дни дискуссии выразил 15 августа 2000 г. в своем докладе на юбилейном Архиерейском соборе митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл: «Может ли какая-то из форм государственного управления рассматриваться как наиболее желательная для Церкви? (...) Несмотря на определения недавних Соборов, данная тема продолжает оставаться предметом дискуссий, иногда очень острых. Действительно, мы не вправе забывать, что православная церковная традиция в определенные времена включала совершенно особое отношение к монархии как предпочтительной форме государственного устройства. Сегодня одни рассматривают такое отношение едва ли не в качестве одного из догматов православной веры, другие же считают, что оно было всецело обусловлено преходящими историческими обстоятельствами и никоим образом не может переноситься на почву современной политической реальности»⁷.

В итоге Архиерейский собор утвердил «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», в которых был зафиксирован общецерковный взгляд на отношение Церкви к форме правления. Соглашаясь, с

⁷ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М., 2008. С. 13.

одной стороны, с позицией Архиерейского собора 1994 г. о «непредпочтительности для Церкви какого-либо государственного строя, какой-либо из существующих политических доктрин»⁸, документ, с другой стороны, выстраивает четкую иерархию существовавших в человеческой истории трех форм правления с точки зрения их религиозной составляющей. При этом демократия, как не ищущая «божественной санкции власти», оказывается на последнем месте после теократии и монархии. И, что самое главное, соборный документ утверждает, что «нельзя вовсе исключить возможность такого духовного возрождения общества, когда религиозно более высокая форма государственного устройства станет естественной»⁹.

Еще в 1613 г. в «Утвержденной грамоте об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова» было провозглашено: «Бояре же, и дворяне и весь царский синклит, и приказные люди, и гости и все православные хрестьяне, велегласно вси, яко едиными усты, вопияху глаголюще: целовали есмя животворящий крест, и обет дали и ныне даем, Господу Богу, и пречистой Богородице, и небесным силам, (...) что за великого государя, Богом почтеннаго, и Богом избраннаго и Богом возлюбленнаго, царя и великого князя Михаила Федоровича, всеа Руси самодержца, и за его благоверную царицу и великую княгиню, и за их царские дети, которых им, государем, вперед Бог даст, души свои и головы положить, и служить им, государем нашим, верою и правдою, всем душами своими и головами; (...) А кто убо и не похощет послушати сего соборново уложения, его же Бог благоизволи, и начнет глаголати ина и молву в людех чинити, и таковый, аще от священных чину, и от бояр царских синклит и воинственных, или ин кто от простых людей и в каком чину ни буди, по священным правилом святых апостол, и вселенских семи соборов святых отец и помесных, и по соборному уложению всего освященнаго собора, чину своего извержен будет, и от церкви Божия отлучен и святых Христовых Тайн приобщения, яко расколник церкви Божия и всего православнаго хрестьянства мятежник, и разорител закону Божию»¹⁰. Таким образом, Великий собор 1613 г. и клятва верности Дому Романовых имели важное каноническое значение.

Изучению истории взаимоотношений Русской Православной Церкви и Русской Православной Церкви Заграницей с Российским Императорским Домом Романовых и посвящена данная работа.

⁸ Там же. С. 64.

⁹ Там же. С. 63.

¹⁰ Назаров М.В. Кто наследник Российского Престола? 3-е изд., испр. и доп.. М., 2004. С. 96–98.

Православная Церковь России и революционные события 1917 г.

Как многократно подчеркивалось многими мемуаристами, мало кто даже в первые дни начавшихся в Петрограде волнений мог предположить, что страна находится на пороге грандиозной катастрофы. Не подозревали ничего экстраординарного ни члены, ни чиновники Святейшего Правительствующего синода.

Состоявшееся 24 февраля 1917 г. заседание Святейшего синода прошло совершенно в обыденном режиме. А рассказ митрополита Московского и Коломенского Макария (Невского) о задержке его кареты толпой хулиганов вызвал лишь шутки других иерархов.

Следующее плановое заседание Синода состоялось 26 февраля и проходило уже в совершенно иной обстановке. Не все иерархи смогли принять участие в заседании, отсутствовал и обер-прокурор Н.П. Раев. «Перед началом заседания, — вспоминал позднее Н.Д. Жевахов, — указав Синоду на происходящее, я предложил его первенствующему члену, митрополиту Киевскому Владимиру, выпустить воззвание к населению, с тем, чтобы таковое было не только прочитано в церквах, но и расклеено на улицах. Намечая содержание воззвания и подчеркивая, что оно должно избегать общих мест, а касаться конкретных событий момента и являться грозным предупреждением Церкви, влекущим, в случае ослушания, церковную кару, я добавил, что Церковь не должна стоять в стороне от разыгрывающихся событий и что ее вразумляющий голос всегда уместен, а в данном случае даже необходим. “Это всегда так, — ответил митрополит. — Когда мы не нужны, тогда нас не замечают: а в момент опасности к нам первым обращаются за помощью”. Я знал, что митрополит Владимир был обижен своим переводом из Петербурга в Киев; однако такое сведение личных счетов в этот момент опасности, угрожавшей, быть может, всей России, показалось мне чудовищным. Я продолжал настаивать на своем предложении, но мои попытки успеха не имели, и предложение было отвергнуто»¹¹.

Подобная пассивная позиция Святейшего синода была совершенно противоположна тому, что происходило во время революционных событий 1905 г. Уже спустя три дня после кровавых столкновений 9 января Синод выпускает определение № 28 «О возносимом на великой ектений прошении об утверждении мира в земле нашей»¹². 28 октября Синод издал Опре-

¹¹ Там же. С. 385–386.

¹² Бабкин М.А. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. Материалы и архивные документы по истории Русской Православной Церкви. М., 2006. С. 35.

Митрополит Владимир (В.Н. Богдавленский)

деление № 5429 «Об установлении особого на сугубой ектений на литургии моления по поводу происходящих в России смут и нестроений»¹³.

Что же случилось с членами Синода за 12 лет, прошедших с начала революции 1905 г.? По словам Н.Д. Жевахова, митрополит Владимир, «подобно многим другим, не отдавал себе отчета в том, что в действительности происходило, и его ответ явился не отказом высшей церковной иерархии помочь государству в момент опасности, а самым заурядным явлением оппозиции Синода к Обер-Прокуратуре»¹⁴. Однако дальнейшие события показали, что революционное помрачение не минуло и старейших членов Святейшего синода.

Уже 4 марта тот же митрополит Владимир во время заседания Синода не только приветствовал революционного обер-прокурора В.Н. Львова, но и помогал последнему выносить «из залы заседания царское кресло»¹⁵. А другой член Синода митрополит Новгородский и Старорусский Арсений (Стадницкий) комментировал это событие следующими словами: «В настоящую историческую минуту не могу не высказать несколько слов, быть может и нескладных, но идущих от сердца. Господин обер-прокурор говорит о свободе Церкви. Какой прекрасный дар! Свобода принесена с неба Спасителем нашим и Господом: «если Сын освободит вас, то истинно свободны будете» [Ин.

¹³ Там же. С. 36–37.

¹⁴ Жевахов Н.Д. Воспоминания товарища Обер-Прокурора Святейшего Синода. СПб., 2008. С. 386.

¹⁵ Там же. С. 722.

Митрополит Антоний (А.П. Храповицкий)

8, 36]; она выстрадана апостолами, куплена кровью мучеников. И великий дар свободы стоит испытаний и страданий. Двести лет Православная Церковь пребывала в рабстве. Теперь даруется ей свобода. Боже, какой простор! Но вот птица, долго томившаяся в клетке, когда ее откроют, со страхом смотрит на необъятное пространство; она неуверена в своих силах и в раздумье садится около порога дверец. Так чувствуем себя в настоящий момент и мы, когда революция дала нам свободу от цезарепапизма... Великий дар свободы куплен и приобретается всегда ценой испытаний. Утверди, Господи, Церковь Твою!»¹⁶

К сожалению, даже твердые монархисты не удержались от тех или иных проявлений «феврализма». Так, архиепископ Харьковский и Ахтырский Антоний (Храповицкий) в своей проповеди, произнесенной 5 марта в Успенском соборе Харькова, говорил об отмене поминовения Царской Семьи: «Почему не молимся за царей? Потому, что царя у нас теперь нет и нет потому, что оба царя от управления Россией отказались сами, а насильно их невозможно именовать тем наименованием, которое они с себя сложили. Если бы царь наш не отказался от власти и хотя бы томился в темнице, то я бы увещевал стоять за него и умирать за него, но теперь ради послушания ему и его брату мы уже не можем возносить имя его, как Всероссийского Государя»¹⁷. Здесь важно отметить, что архиепископ Антоний

¹⁶ Бабкин М.А. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. Материалы и архивные документы по истории Русской Православной Церкви. М., 2006. С. 54.

¹⁷ Там же. С. 61.

оправдывает отмену поминовения еще до соответствующего определения Синода, которое появилось только 8 марта. Кроме того, если в отношении персонального поминовения государя в его словах есть логика, то в данном контексте совершенно нет никакого объяснения отмене молений о Царствующем Доме.

9 марта 1917 г. Святейший синод обратился «К верным чадам Православной Российской Церкви». Этот печально известный документ был подписан всеми членами Святейшего синода, кроме уволенного на покой 6 марта митрополита Петроградского и Ладожского Питирима (Окнова). Начинаясь он следующими словами: «Свершилась воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни. Да благословит Господь нашу великую Родину счастьем и славой на ее новом пути»¹⁸. Послание Синода полностью игнорировало акт великого князя Михаила Александровича от 3 марта 1917 г., в котором, в частности, говорилось: «Одушевленный единою со всем народом мыслью, что выше всего благо Родины нашей, принял Я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, чрез представителей своих в Учредительном Собрании, установить образ правления и новые основные законы Государства Российского»¹⁹. То есть великий князь не отказывался от Престола, а откладывал вопрос о восприятии верховной власти до решения Учредительного собрания. Если же исходить из логики синодального послания, то для членов Синода вопрос о форме правления был уже решен. В послании нет ни слова сочувствия к уже арестованной царской семье, зато содержится упоминание «многих жертв, принесенных для завоевания гражданской свободы»²⁰. Сам же митрополит Киевский и Галицкий Владимир (Богоявленский), первым подписавший данный документ в качестве Первенствующего члена Святейшего синода, меньше чем через год завершил свой земной путь мученической кончиной.

Наряду с синодальными архиереями были архипастыри, которые в гораздо более тяжелых условиях не боялись продемонстрировать свое уважение к арестованной царской семье. Наиболее яркий случай произошел в Тобольске в декабре 1917 г., во время пребывания там под арестом Царственных страстотерпцев. «Во время молебна 6 декабря, когда вся семья бывшего царя была в церкви, — вспоминал комиссар Временного правительства В.С. Панкратов, — дьякон вдруг ни с того ни с сего громогласно провозгла-

¹⁸ Там же. С. 32.

¹⁹ Там же. С. 27.

²⁰ Там же. С. 32.

шает многолетнее здравие “их величеств государя императора, государыни императрицы” и т.д. и приводит всех присутствующих в крайнее изумление и возмущение»²¹.

Местный большевистский Совет потребовал объяснений от епископа Тобольского и Сибирского Гермогена (Долганова). Несмотря на то, что владыка был в 1912 г. указом императора Николая II уволен на покой, он не стал отрекаться от царственного узника. «Россия юридически не есть республика, — отвечал мужественный архипастырь, — никто ее таковой не объявлял и объявить не правомочен, кроме предполагаемого Учредительного собрания; (...) по данным Священного писания, государственного права, церковных канонов и канонического права, а также по данным истории находящиеся вне управления своей страной бывшие короли, цари и императоры не лишаются своего сана, как такового, и соответственных им титулов»²².

19 июля 1918 г. в газетах было опубликовано сообщение о расстреле «бывшего царя Николая Романова». Теперь уже голос осуждения этого злодеяния раздался со стороны самой высшей церковной власти. В тот же день патриарх Тихон наложил следующую резолюцию на протоколе совещания Соборного совета, созванного по вопросу совершения панихиды по Николаю II: «Благословляю Архипастырей и пастырей молиться о сем на местах»²³. А два дня спустя, 21 июля, в своей проповеди, произнесенной во время совершения Божественной литургии в Казанском соборе на Красной площади в Москве, Святейший Владыка так охарактеризовал происшедшее: «(...) на днях совершилось ужасное дело: расстрелян бывший государь Николай Александрович, по постановлению Уральского областного Совета рабочих и солдатских депутатов, и высшее наше правительство — Исполнительный Комитет одобрил это и признал законным. Но наша христианская совесть, руководствуясь Словом Божиим, не может согласиться с этим. Мы должны, повинувшись учению Слова Божия, осудить это дело, иначе кровь расстрелянного падет и на нас, а не только на тех, кто совершил его. Не будем здесь оценивать и судить дела бывшего государя: беспристрастный суд над ним принадлежит истории, а он теперь предстоит пред нелицеприятным судом Божиим, но мы знаем, что он, отрекаясь от престола, делал это, имея в виду благо России и из любви к ней. Он мог бы, после отречения, найти себе безопасность и сравнительно спокойную жизнь за границей, но

²¹ Панкратов В.С. С царем в Тобольске. М., 1990. С. 56–57.

²² Буранов Ю., Хрусталеv А. Гибель императорского дома. М., 1992. С. 167–168.

²³ Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти 1917–1943. М., 1994. С. 142.

не сделал этого, желая страдать вместе с Россией. (...) и вдруг он приговаривается к расстрелу где-то в глубине России, небольшой кучкой людей, не за какую-либо вину, а за то только, что его будто бы кто-то хотел похитить. Приказ этот приводят в исполнение, и это деяние — уже после расстрела — одобряется высшей властью. Наша совесть примириться с этим не может, и мы должны во всеуслышание заявить об этом, как христиане, как сыны Церкви»²⁴. В течение долгих десятилетий это слово патриарха Тихона осталось последним открытым выражением в России поддержки со стороны Священноначалия царствовавшей более трехсот лет династии.

Возникновение Русской Православной Церкви Заграницей и формирование ее общественной позиции

События, связанные с разразившейся в 1918 г. в России Гражданской войной, привели к тому, что многие епархии на юге и востоке страны оказались оторванными от церковно-административного центра в Москве. Однако жизнь требовала принятия оперативных решений по очень многим вопросам, которые ранее согласовывались с высшей церковной властью. Все это привело к тому, что и на юге и на востоке епископами соседних епархий были образованы временные высшие церковные управления.

Первым в ноябре—декабре 1918 г. на территории подконтрольной власти Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака было образовано «Высшее Временное Церковное Управление Сибири». Это управление, возглавляемое архиепископом Омским и Павлодарским Сильвестром (Ольшевским), просуществовало до конца января 1920 г., когда большая часть его руководства была арестована большевиками.

Пример сибирских архиереев оказал влияние на епископов епархий, оказавшихся на территории контролируемой «Вооруженными силами Юга России» под командованием генерала А.И. Деникина. 19—24 мая 1919 г. в Ставрополе-Кавказском состоялся «Юго-Восточный Русский Церковный собор», на котором было сформировано «Временное Высшее Церковное Управление на Юго-Востоке России» во главе с архиепископом Донским и Новочеркасским Митрофаном (Симашкевичем). Сессии ВВЦУ ЮВР проходили в Екатеринодаре, Новочеркасске, Таганроге. Затем в связи с отступлением Белой армии Управление переехало в Новороссийск, а оттуда в Севастополь. Здесь в

²⁴ Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти 1917–1943. М., 1994. С. 142–143.

Участники первого Всезарубежного русского Церковного Собора в Сремских Карловцах апреле 1920 г., в связи с тем, что архиепископ Митрофан остался в своей епархии, его возглавил архиепископ Таврический и Симферопольский Димитрий (Абашидзе). В сентябре 1920 г. председателем ВВЦУ ЮВР стал приехавший в Крым митрополит Киевский и Галицкий Антоний (Храповицкий).

В ноябре 1920 г., когда армия генерала П.Н. Врангеля была вынуждена покинуть Крым, Управление было эвакуировано в Константинополь. Здесь в декабре того же года с разрешения Синода Константинопольского патриархата оно было преобразовано во «Временное Высшее Церковное Управление за границей» (ВВЦУЗ), а затем стало называться «Высшим Русским церковным управлением за границей» или ВЦУЗ. Во главе нового Управления остался митрополит Антоний (Храповицкий).

В июле 1921 г. по приглашению Сербского Патриарха Димитрия (Павловича) ВЦУЗ переехало в Сербию в город Сремски Карловцы. Еще на своем заседании от 6/19–8/21 апреля 1921 г. в Константинополе ВЦУЗ приняло решение «организовать Собрание Представителей Русской Православной Церкви за границей для объединения, урегулирования и оживления церковной деятельности»²⁵. Упомянутое Собрание открылось 8/21 ноября 1921 г.

²⁵ Деяния Всезаграничного русского церковного собора, состоявшегося 8–20 ноября 1921 года (21 ноября — 3 декабря) в Сремских Карловцах в Королевстве С., Х. и С. Сремск. Карловци, 1922. С. 5.

в Сремски Карловцах под почетным председательством патриарха Сербского Димитрия. По инициативе своего председателя, митрополита Киевского и Галицкого Антония, Собрание единогласным решением его членов было переименовано в «Русский Всеаграничный Церковный Собор».

Прежде чем приступить к анализу Соборного документа, непосредственно имеющего отношение к теме настоящей работы, необходимо кратко охарактеризовать политическую позицию Белого движения. Несмотря на искренний монархизм многих его рядовых участников, его лидеры четко придерживались «февралистского курса». К такой позиции руководителей антибольшевистского сопротивления вынуждены были приспособляться и возглавители церковных управлений на Юго-Востоке и в Сибири. Архиепископ Иоанн (Максимович) вспоминал, что в этих кругах о царе не говорили, и даже казалось, что просто боялись вспомнить об убитом монархе.

Ситуация изменилась с разгромом белых армий и началом долгого периода изгнания. Началось переосмысление событий, приведших к февральской и октябрьской катастрофам. Поэтому, когда 29 мая 1921 г. в баварском городе Бад-Рейхенгале начал свою работу «Съезд Хозяйственного Восстановления России», то в его работе приняли активное участие самые известные из оказавшихся в эмиграции иерархов — митрополит Антоний (Храповицкий) и архиепископ Евлогий (Георгиевский). Съезд провозгласил своей главной целью восстановление монархии в России и избрал для руководства монархическим движением «Высший Монархический Совет» (ВМС). Из вышесказанного становится понятно, что открывшийся в ноябре того же года «Русский Всеаграничный Церковный собор» не мог оставить без внимания вопрос будущего государственного устройства России. «Когда Отдел о духовном возрождении России приступил к своей работе, — говорил в своем выступлении 17/30 ноября его председатель архиепископ Кишиневский и Хотинский Анастасий, — пред ним сразу стал во всей остроте вопрос о восстановлении монархии в России. Чем объяснить это обстоятельство? Уверенностию многих членов Собрания в том, что именно восстановление Царской власти в России явится лучшим и самым действительным фактором духовного возрождения последней»²⁶. В итоге непростой дискуссии большинством голосов (51 против 34) Собором было принято послание «Чадам Русской Православной Церкви, в рассеянии и изгнании

²⁶ Деяния Всеаграничного русского церковного собора, состоявшегося 8–20 ноября 1921 года (21 ноября — 3 декабря) в Сремских Карловцах в Королевстве С., Х. и С. Сремск. Карловци. 1922. С. 120.

сущим», в котором о необходимости восстановления монархии говорилось следующими словами: «И ныне пусть неусыпно пламенеет молитва наша — да укажет Господь пути спасения и строительства родной земли; да даст защиту Вере и Церкви и всей земле Русской и да осенит он сердце народное; да вернет на всероссийский Престол Помазанника, сильного любвию народа, законного православного Царя из Дома Романовых»²⁷.

Важно при этом отметить, что абсолютное большинство участников Собора поддержали призыв к восстановлению монархии. Разногласия возникли лишь по вопросу об уместности упоминания конкретной династии. Позицию 34 членов, не поддержавших послание и отказавшихся участвовать в голосовании, выразили епископ Севастопольский Вениамин (Федченков) и архиепископ Евлогий (Георгиевский). Причем оба иерарха заявили, что в личном качестве они всецело поддерживают Дом Романовых. «Н. Е. Марков сказал неправду — будто меньшинство не признаёт династию Романовых, — отмечал, в частности, епископ Вениамин. — Меньшинство этого не говорит, напротив, решительно все признаёт Дом Романовых и, если Бог даст, династия Романовых будет царствовать. Но меньшинство не считает уместным с церковной точки зрения упоминать о Доме Романовых в послании Церковного Соборания»²⁸. Сходные мысли высказал и архиепископ Евлогий: «Я полагаю, (...) что России необходим Царь законный, из Дома Романовых, и, если бы я присутствовал не на Соборе, а на каком-либо политическом собрании, я горячо бы ратовал за эту мысль, но я продолжаю утверждать, что мысль эта всецело в сфере политических воззрений и поэтому она не может быть предложена для обсуждения на Церковном Соборе»²⁹.

Позицию большинства выразил митрополит Антоний. Протокол соборного заседания изложил ее следующим образом: «Высокопреосвященный Митрополит Антоний указывает, что вопрос о династии не политический, а чисто-церковный, ибо отвергать этот вопрос — значит отвергать существующие, никем не отмененные, основные законы, соглашаться с так называемыми “завоеваниями революции”, т.е. одобрить низвержение Государя и царств. Династии, уничтожение русского народа и вместе с тем подвергать народ русский кровопролитию и ужасам бонапартизма и самозванщины. Вопрос этот моральный, нравственный, а следовательно, и чисто-церковный»³⁰.

²⁷ Там же. С. 83.

²⁸ Там же. С. 49.

²⁹ Там же. С. 51.

³⁰ Там же.

Представляется, что с исторической точки зрения в этой дискуссии был прав митрополит Антоний, так как если попытаться с позиции того же архиепископа Евлогия подходить к решению Великого собора 1613 г. о призывании на царство Михаила Федоровича Романова, то придется обвинить в политиканстве весь Освященный собор, составлявший его неотъемлемую часть. И как следует из текста «Утвержденной грамоты», роль церковной составляющей Собора была одной из решающих: «Митрополиты же, и архиепископы и епископы со всем вселенским освященным собором (...) глаголют к ним: елма убо о сем толик обет пред Богом полагаете и обещаетесь, что вам таким к великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси единодушным быти, тем же подобает нам и грамоту утвержденную написавше, утвердиться»³¹.

Ситуация в Доме Романовых после 1918 г.

Статья 25 Свода Основных Государственных Законов Российской империи гласила, что «Императорский Всероссийский Престол есть наследственный в ныне благополучно царствующем Императорском Доме»³². В тех же законах, восходящих в своей основе к Акту о престолонаследии, утвержденному императором Павлом I в день коронации 5 апреля 1797 г., подробно описывался порядок наследования Престола. Согласно этим законам по кончине императора право на Престол переходило к его старшему сыну, затем к другим сыновьям императора, затем к его братьям и их сыновьям и т.д.

После трагических событий революции и Гражданской войны в эмиграции оказалось девятнадцать представителей Российского Императорского Дома мужского пола. Старшим в порядке престолонаследия после гибели императора Николая II, наследника цесаревича Алексея Николаевича и великого князя Михаила Александровича (младшего брата императора) стал старший из двоюродных братьев Николая II великий князь Кирил Владимирович. Но наиболее известным из членов династии был его двоюродный дядя великий князь Николай Николаевич, занимавший в 1914–1915 гг. пост Верховного главнокомандующего. Среди части правой эмиграции, близкой к «Высшему Монархическому совету», вынашивался план объявления Николая Николаевича «Верховным Вождем». Некоторые шли еще дальше и вопреки

³¹ Назаров М.В. Кто наследник Российского Престола? 3-е изд., испр. и доп. М., 2004. С. 98.

³² Наследование Российского Императорского Престола / Сост. под ред. Высокопреосвященнейшего Антония, архиепископа Лос-Анджелесского и Южно-Калифорнийского. Bridgeport, 1985. С. 24.

Великий князь Кирилл Владимирович

Основным Законам готовы были даже провозгласить его императором. Также великий князь еще с предреволюционного периода был весьма популярен и в либеральных кругах, где его отставка с поста главнокомандующего трактовалась как влияние «темных сил» и монархий произвол. Николай Николаевич охотно принимал знаки внимания, оказываемые его сторонниками, поддерживая тем самым у них иллюзию своей готовности организационно возглавить эмиграцию. Амбиции бывшего главнокомандующего всемерно поддерживал его младший брат великий князь Петр Николаевич, а также сын последнего — князь императорской крови Роман Петрович.

Остальные мужские представители Дома Романовых в той или иной степени поддерживали великого князя Кирилла Владимировича как старшего в Доме.

26 июля/8 августа 1922 г. Кирилл Владимирович выпустил обращение «К русскому народу», в котором объявил о принятии им звания Блустителя Государева Престола. Это было связано с тем, что не было точных сведений о судьбе цесаревича Алексея Николаевича и великого князя Михаила Александровича.

В этот же день великий князь подписал обращение «К Российскому воинству», примечательное тем, что в этом документе он обращался к воинам сразу двух армий — и белой, и красной.

«Слава тем Русским воинам, — говорилось в обращении, — которые, неустанно борясь за освобождение России, познали тягости неравного боя и ныне в чужих странах выносят все страдания разлуки с Отечеством.

Слава и тем, которые под гнетом ненавистной им чужеродной власти на Родине хранят в душе верность Царю Православному и в день яркого восторжествования в их сердцах правды сбросят с себя мучительное иго.

Нет двух Русских армий!

Имеется по обе стороны рубежа Российского единая Русская Армия, безаветно преданная России, ее вековым устоям, ее исконным целям»³³.

Для середины 1922 г., когда подавляющее большинство эмиграции жило жаждой реванша, а на Дальнем Востоке России еще продолжалась Гражданская война, это был достаточно смелый документ. Поэтому он был принят далеко не всеми. Может быть, в том числе и из-за этого обращения отказался от сотрудничества с великим князем и генерал П.Н. Врангель, два года спустя предоставивший образованный им Русский общевоинский союз в распоряжение великого князя Николая Николаевича.

Между тем в самом обращении содержался призыв к сотрудничеству с бывшим Верховным главнокомандующим: «Молю Бога о том, чтобы просьбе Моей вняв, верховное главнокомандование над Русской Армией принял Его Императорское Высочество Великий Князь Николай Николаевич»³⁴.

Однако и этот призыв, и другие попытки Кирилла Владимировича наладить сотрудничество со своим двоюродным дядей не увенчались успехом. Поэтому в своем воззвании от 23 марта/5 апреля 1924 г. он вынужден был с горечью констатировать:

«Напрасны оказались Мои неоднократные обращения к бывшему Верховному Главнокомандующему Великому Князю Николаю Николаевичу, Коего помощь считал Я столь ценною для предпринятого Мною дела спасения России. С глубокою горестью Я убедился в тщетности Моих к Нему обращений: Его Императорское Высочество не внял Моему призыву.

Между тем люди мелко властолюбивые и легкомысленные, пользуясь неопределенным молчанием Великого Князя Николая Николаевича, ввели в заблуждение людей мало осведомленных и шатких и придали пагубное направление монархической мысли, внеся раскол в среду Русских Людей»³⁵.

³³ Закатов А.Н. Святая гора Афон, Православная Церковь и Дом Романовых в изгнании. Таллин; М., 2013. Т. 2. С. 20.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 33.

Великий князь Николай Николаевич (Младший)

В 1924 г. Кирилл Владимирович встретился с Н.А. Соколовым — бывшим следователем по особо важным делам Омского окружного суда, расследовавшим дело об убийстве Царской Семьи. Николай Алексеевич представил ему исчерпывающие доказательства, как убийства всей семьи императора Николая II, так и великого князя Михаила Александровича.

Каждый член императорского дома по достижении 21 года (кроме наследника престола, чье династическое совершеннолетие достигалось в 16 лет) при торжественном объявлении его совершеннолетия приносил присягу, в которой среди прочего говорилось: «по званию моему Члена Императорского Дома (...) обязуюсь и клянусь соблюдать все постановления о наследии Престола и порядке фамильного учреждения, в Основных Законах Империи изображенные, во всей их силе и неприкосновенности, как пред Богом и судом Его страшным ответ в том дать могу»³⁶.

Статьи 53 и 54 Основных Государственных Законов четко оговаривали действия старшего в порядке наследования престола лица после кончины его предшественника:

«53. По кончине Императора Наследник Его вступает на Престол силою самого закона о наследии, присвояющего Ему сие право. Вступление на Престол Императора считается со дня кончины Его предшественника.

³⁶ Назаров М.В. Кто наследник Российского Престола? 3-е изд., испр. и доп. М., 2004.

Епископ Григорий (граф Ю.П. Граббе)

54. В манифесте о восшествии на Престол возвещается и законный Наследник Престола, если лицо, коему по закону принадлежит наследие, существует»³⁷.

Кириллу Владимировичу, как воспитанному в духе верности законам и традициям императорской России и носившему уже звание Блюстителя Престола, просто невозможно было отказаться от принятия императорского титула. Поэтому 31 августа/13 сентября 1924 г. был обнародован Манифест, в котором в точном соответствии с Основными Законами говорилось:

« (...) Надежда наша, что сохранилась драгоценная жизнь Государя Императора Николая Александровича, или Наследника Цесаревича Алексея Николаевича, или Великого Князя Михаила Александровича, не осуществилась. (...) Российские Законы о Престолонаследии не допускают, чтобы Императорский Престол оставался праздным после установленной смерти предшествующего Императора и Его ближайших Наследников.

Также по Закону нашему новый Император становится таковым в силу самого Закона о Наследии. (...)

А посему Я, Старший в Роде Царском, Единственный Законный Правопреемник Российского Императорского Престола, принимаю принадлежащий Мне непререкаемо титул Императора Всероссийского.

³⁷ Наследование Российского Императорского Престола / Сост. под ред. Высокопреосвященнейшего Антония, архиепископа Лос-Анджелесского и Южно-Калифорнийского. Bridgeport, 1985. С. 26.

Сына Моего, Князя Владимира Кирилловича, провозглашаю Наследником Престола с присвоением Ему титула Великого Князя Наследника и Цесаревича»³⁸.

Как справедливо отмечал много лет спустя протопресвитер Георгий Граббе (впоследствии епископ Григорий): «Заявление прав на Престол и на возглавление Дома Романовых в настоящих условиях зарубежной жизни отнюдь не связано с радостями и почетом. Гораздо больше это связано с ударами по самолюбию и личными расходами. Поэтому, (...) по справедливости надо признать, что почивший Государь Кирилл Владимирович очевидно действовал в соответствии со своим пониманием долга, когда объявлял себя сначала Блюстителем Престола, а потом Императором»³⁹.

Реакция Русской Православной Церкви Заграницей на принятие великим князем Кириллом Владимировичем титула Императора Всероссийского

Издав цитированный выше Манифест, Кирилл Владимирович обратился к управляющему русскими приходами в Западной Европе митрополиту Евлогию, прося у него молитв и благословения на свое ответственное служение. 15/28 сентября он направил письмо члену Архиерейского синода РПЦЗ архиепископу Полтавскому и Переяславскому Феофану (Быстрову), в котором, в частности, говорилось: «Ввиду того, что в Сербии пребывает значительное число Преосвященных Епископов Русской Православной Церкви, Я, как верный Ее Сын, обращаюсь к Вам и к ним, прося возносить к Престолу Царя Царствующих моления, да дарует Он Мне, своему смиренному рабу, мудрость и крепость духа для выполнения долга, возложенного на Меня Промыслом Божиим»⁴⁰.

Митрополит Евлогий и архиепископ Феофан, не считая для себя возможным в силу церковной дисциплины лично ответить Кириллу Владимировичу, передали его обращение на рассмотрение Архиерейского собора, открывшегося 3/16 октября 1924 г. в Сремски Карловцах. Также в адрес Собора поступили просьбы различных лиц и организаций о разрешении русскому духовенству за границей поминать в храмах за богослужением имени Ве-

³⁸ *Закатов А.Н.* Святая гора Афон, Православная Церковь и Дом Романовых в изгнании. Таллин; М., 2013. Т. 2. С. 36–38.

³⁹ *Граббе Г., еп.* Записка по вопросу о престолонаследии при современных условиях. 1970–е гг. С.1.

⁴⁰ ГА РФ, ф. 6343, оп. 1, д. 2, л. 34.

Великий князь Владимир Кириллович

ликого Князя Кирилла Владимировича, как Государя Императора, Супруги Его Великой Княгини Виктории Феодоровны, как Императрицы, и сына их Владимира Кирилловича, как Наследника Цесаревича и Великого Князя»⁴¹. В ходе дальнейших событий прослеживается целая масса нестыкровок и логических противоречий.

Как пояснял позднее в разъяснении для прессы митрополит Антоний, «Архиерейский Собор не признал возможным входить в обсуждение вопроса о Манифесте Великого князя Кирилла Владимировича, усмотрев в этом вопросе превышающий его (Собора) компетенцию характер, и потому снял его с повестки собора и передал на рассмотрение Епископского совещания в частном порядке»⁴². Действительно, хранящийся в Государственном архиве Российской Федерации документ озаглавлен следующим образом: «Протокол № I ЕПИСКОПСКОГО СОВЕЩАНИЯ»⁴³. Однако уже в первой фразе протокола мы читаем: «5/18 октября 1924 года. Председатель Собора доложил»⁴⁴. В конце протокола опять значатся «Председатель Собора» и «Члены Собора», причем протокол заверен личными подписями всех 14 архиереев, принимавших участие в работе Собора. Возникает естественный вопрос: что

⁴¹ Там же. Л. 33.

⁴² Березина М. «Император Кирилл первый»: самозванец или помазанник? Соборный ответ русской православной церкви за рубежом. 2014. <http://www.proza.ru/diary/tihvin/2014-04-09>

⁴³ ГА РФ, ф. 6343, оп. 1, д. 2, л. 33.

⁴⁴ Там же.

же это все-таки было, заседание Архиерейского собора или частное совещание архиереев?

Содержательная часть документа гласит следующее:

«При обсуждении вопроса он был разделен на две части: вопрос о признании Великого Князя Императором и вопрос о разрешении церковного поминовения супруги его и Наследника, как Императора и его семьи, в храмах за богослужением.

1/ По первому вопросу единогласно ПОСТАНОВЛЕНО: считать издание манифеста неблагоприятным, а себя /Собор/ не вправе решать вопрос о признании кого бы то ни было Императором Всероссийским, так как, с одной стороны, Архиерейский Собор за границей не является голосом всей Российской Церкви, а с другой стороны, Церковь может дать свое благословение на вступление на престол Всероссийский только зная волеизъявление на сие всего русского народа.

2/ По второму вопросу вынесено также единогласно отрицательное решение, но когда поставлен был вопрос о поминовении только в нарочитые дни и по особым случаям по просьбе, каждый раз особой, признающих его Императором, и без публичного сказательства, то в такой постановке вопрос был решен в отрицательном смысле 10 голосов против 4-х.

3/ Единогласно решили в ответ на письмо Великого Князя Кирилла Владимировича к Председателю Синода составить особое послание от имени Собора Великому Князю в смысле вышеупомянутого решения по первому вопросу»⁴⁵.

Как видим, нестыковки продолжают продолжаться. С одной стороны, Архиерейский собор усматривает «в этом вопросе превышающий его (Собора) компетенцию характер». А с другой стороны, Епископское совещание «в частном порядке» постановляет (!) «считать издание манифеста неблагоприятным» и «составить особое послание от имени Собора (!)». По странной логике Преосвященных архипастырей получается, что частное совещание архиереев обладает большей компетенцией, чем Архиерейский собор?! И как подобное частное совещание может давать указания Архиерейскому собору?

Тем не менее 8/21 октября 1924 г. за подписью митрополита Антония Кириллу Владимировичу был направлен ответ следующего содержания:

«ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО.

В обращении своем к заграничным русским иерархам Вы просите молитв и благословения Св. Церкви по случаю восприятия Вами титула

⁴⁵ Там же.

ИМПЕРАТОРА ВСЕРОССИЙСКОГО. Собор русских епископов за границей, с отрадным чувством отмечая глубокую преданность Вашу к Св. Православной Церкви и горячую любовь к русскому народу, стонущему под игом безбожной советской власти, не может, однако, дать церковной санкции этому акту чрезвычайного, общегосударственного и всенародного значения, требующему благословения всей Русской Церкви в лице высших представителей ее власти Поместного Церковного Собора и Патриарха Всероссийского.

Мы не перестанем возносить свои молитвы о здравии и спасении ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА и всего Августейшего семейства»⁴⁶. (...)

Из приведенных документов можно сделать несколько важных выводов. Во-первых, никто из участников Архиерейского собора не подвергал сомнению неоспоримые права великого князя Кирилла Владимировича на престолонаследие, как никто из них не оспаривал и его права на издание Манифеста. Это важно учитывать при анализе полемики о престолонаследии, развернувшейся в последние десятилетия XX в. и не прекращающейся до сегодняшнего дня. Во-вторых, оформление обсуждения этого важнейшего вопроса в виде частного епископского совещания доказывает, что иерархи прекрасно осознавали ущербность своей позиции. Это также доказывает и заявление митрополита Антония для прессы, в котором специально подчеркивалось, что «Великий князь Кирилл Владимирович ни к Архиерейскому Собору, ни к Архиерейскому Синоду ни с какими просьбами не обращался»⁴⁷. В-третьих, уже в октябре 1924 г. четверо архиереев считали допустимым поминовение Кирилла Владимировича как Императора «в нарочитые дни и по особым случаям». В-четвертых, упоминание в позиции данных архиереев в качестве условия поминовения отсутствие «публичного сказательства» доказывает зависимость позиции членов Собора от внешних политических влияний.

Почему же данная позиция участников Собора столь радикально противоречила позиции Первого Всезарубежного собора 1921 г., молившего о возвращении на престол «законного православного Царя из Дома Романовых»? И если в позиции митрополита Евлогия и архиепископа Анастасия прослеживается определенная последовательность (они, как указывалось выше, отказались голосовать за соборное послание), то подход митрополита Антония не может не вызывать удивления. Ведь какие пламенные слова

⁴⁶ ГА РФ, ф. 6343, оп. 1, д. 2, л. 36.

⁴⁷ Березина М. «Император Кирилл первый»: самозванец или помазанник? Соборный ответ русской православной церкви за границей. 2014. <http://www.proza.ru/diary/tihvin/2014-04-09>

содержатся в его статье «Церковность или политика?», включенной в качестве приложения в Деяния Собора 1921 г.: «(...) православный русский народ и все разумные люди в России должны торжественно отречься от приобретенных ими “завоеваний” февральской революции, а это возможно выразить только чрез признание преступности низвержения Царствующей Династии и чрез призыв ее вновь занять царский престол. Это необходимо не только как единственное средство для спасения России, как государства, но в той же мере — для снятия с себя преступного уклонения от Божией правды и восстановления такого строя, при котором Церковь не будет в прямом гонении от государства»⁴⁸.

Сам митрополит Антоний четыре года спустя в своем письме Кириллу Владимировичу от 10/23 января 1929 г. так объяснял свою позицию: «Ваше Императорское Величество. До дня кончины Великого князя Николая Николаевича я, как и все члены Всезаграничного съезда в Рейхенгале, были связаны обещанием верности Покойному В. Князю, но с его кончиной мы (...) согласно Русским законам заявляем свою верность Вашему Величеству, как законному преемнику Императорской власти»⁴⁹.

Данное объяснение, конечно, не выдерживает критики. Ведь если следовать логике митрополита Антония, то при жизни Николая Николаевича он сознательно поступал вопреки «Русским законам»? Ради простого обещания? А ведь в своей, уже упоминавшейся, статье «Церковность или политика?» владыка утверждал, что Поместный собор 1917 г. «своим свободным голосом должен был разрешить от присяги временному правительству всех, кто ее давал — и тех, кто произносил ее над Крестом и Евангелием, и тех, кто давал присягу языческую («клянусь честью офицера или солдата» и т. д.), хотя, конечно, и помимо торжественного разрешения все, дававшие такую присягу, свободны от нее, и я, как старший иерарх из тех, кто имеет свободный голос, готов разрешить всякому, кто бы обратился ко мне с такою просьбою, потому что та присяга не имеет никакой цены в очах Божиих как клятва Ирода»⁵⁰.

Однако не только упомянутое обещание определило столь странную позицию митрополита Антония. На него и других иерархов, безусловно,

⁴⁸ Деяния Всезаграничного русского церковного собора, состоявшегося 8–20 ноября 1921 года (21 ноября — 3 декабря) в Сремских Карловцах в Королевстве С., Х. и С. Сремск. Карловци, 1922. С. 127.

⁴⁹ *Закатов А.Н.* Святая гора Афон, Православная Церковь и Дом Романовых в изгнании. Таллин; М., 2013. Т. 2. С. 163.

⁵⁰ Деяния Всезаграничного русского церковного собора, состоявшегося 8–20 ноября 1921 года (21 ноября — 3 декабря) в Сремских Карловцах в Королевстве С., Х. и С. Сремск. Карловци, 1922. С. 129.

оказало влияние и заявление самого великого князя Николая Николаевича, с которым он выступил в разгар работы Архиерейского собора:

«Ее Императорское Величество Государыня Императрица Мария Феодоровна удостоила меня нижеследующим письмом, которое преуказала передать гласности, что и исполняю.

СПИСОК С ПИСЬМА:

Ваше Императорское Высочество!

Болезненно сжалось сердце Мое, когда Я прочитала манифест Великого Князя Кирилла Владимировича, объявившего себя Императором Всероссийским.

До сих пор нет точных известий о судьбе Моих возлюбленных Сыновей и Внука, а потому появление нового Императора Я считаю преждевременным.

Нет еще человека, который мог бы погасить во Мне последний луч надежды.

Боюсь, что этот манифест создаст раскол и уже тем самым не улучшит, а наоборот, ухудшит положение и без того истерзанной России.

Если же Господу Богу по Его неисповедимым путям угодно было призвать к Себе Моих возлюбленных Сыновей и Внука, то Я, не заглядывая вперед, с твердой надеждой на милость Божию полагаю, что Государь Император будет указан Нашими Основными Законами, в союзе с Церковью Православною, совместно с Русским народом.

Молю Бога, чтобы Он не прогневался на Нас до конца и скоро послал Нам спасение путями, Ему только известными.

Уверена, что Вы, как старейший Член Дома Романовых, одинаково со Мною мыслите». (...)

Далее Николай Николаевич заявил: « Я счастлив, что Ее Императорское Величество Государыня Императрица Мария Феодоровна не усумнилась в том, что Я одинаково с Нею мыслю об объявлении себя Великим Князем Кириллом Владимировичем Императором Всероссийским.

Я уже неоднократно высказывал неизменное Мое убеждение, что будущее устройство Государства Российского может быть решено только на Русской земле, в соответствии с чаяниями Русского народа.

Относясь отрицательно к выступлению Великого Князя Кирилла Владимировича, призываю всех, одинаково мыслящих с Ее Величеством и Мною, к исполнению нашего истинного долга перед Родиной — неустанно и непрерывно продолжать святое дело освобождения России»⁵¹(...)

⁵¹ Закатов А.Н. Святая гора Афон, Православная Церковь и Дом Романовых в изгнании. Таллин; М., 2013. Т. 2. С. 49–51.

Императрица Мария Федоровна. 1920-е гг.

Ключевая фраза в письме императрицы Марии Федоровны: «До сих пор нет точных известий о судьбе Моих возлюбленных Сыновей и Внука». Из нее следует, что она не отвергала в принципе прав Кирилла Владимировича, и лишь твердая уверенность, что кто-то из дорогих ее материнскому сердцу людей смог спастись, заставила ее занять подобную позицию. Николая Николаевича же подобная неопределенность весьма устраивала, так как позволяла играть роль главного представителя династии. Думается, именно поэтому он отказался принять с докладом Н.А. Соколова, а все вещественные доказательства по делу о цареубийстве велел передать председателю Совета послов М.Н. Гирсу.

Конечно, митрополиту Антонию было трудно игнорировать позицию столь популярных членов династии. К тому же за великим князем Николаем Николаевичем стояли и «Высший Монархический совет» во главе с Н.Е. Марковым, и многотысячный Русский общевоинский союз генерала П.Н. Врангеля. Таким образом, как и его предшественник в лице «Временного Высшего Церковного Управления на Юго-Востоке России», Архиерейский собор и Синод РПЦЗ вынуждены были действовать с оглядкой на военные и политические круги эмиграции.

Как ни печально было Кириллу Владимировичу читать заявление своего двоюродного дяди, ему хватило сил обнародовать спокойный выдержанный ответ. В своем обращении, опубликованном 12/25 октября 1924 г., он отмечал, что «веления долга и закона выше уз семейных и взглядов частных, каковыми в данном случае являются мнения обоих старших по возрасту Особ Царского Дома».

Как не дано мне права считаться с тем, желаю Я или нет взять на Себя наследственное бремя представлять Россию и отстаивать ее от козней лиходеев, так никто не вправе осуждать Мои деяния, стремлением к благу Родины вызванные.

Коль скоро у меня не осталось сомнения в действительной кончине старше Меня стоящих Членов нашего Дома, Я обязан был заступить Их место и поднять знамя, вырванное из Их рук, — таков закон, таковы заветы, воспринятые Мною от Державных Предков Моих»⁵².

Итак, реакция Русской Православной Церкви Заграницей на принятие великим князем Кириллом Владимировичем титула Императора Всероссийского была скорее благожелательно нейтральной, чем враждебной. Подобный нейтралитет церкви был вызван не церковными причинами, а политическими. Это позволило позднее ее первоиерарху митрополиту Антонию легче встать на верноподданнические позиции.

Вопрос о признании прав на престол великого князя Кирилла Владимировича со стороны патриарха Тихона

1 октября 1925 г. в Москве открылся так называемый «III Поместный Собор» обновленческой «церкви». На соборе «митрополитом» Александром Введенским было оглашено письмо обновленческого «архиепископа Южноамериканского» Николая (Соловья). В письме говорилось: «Мое преступление перед Священным Синодом заключается в следующем: 12 мая 1924 года, за 4 дня до моего отъезда за границу, я имел двухчасовое совещание с Патриархом Тихоном и Петром Крутицким. Патриарх Тихон дал мне собственноручно написанное письмо следующего содержания: 1) что я принят и возведен в сан архиепископа, 2) что Святая Церковь не может благословить великого князя Николая Николаевича, раз есть законный и прямой наследник престола — великий князь Кирилл»⁵³.

Протоиерей Владислав Цыпин называет данное письмо «грубой клеветой». Также считал и бывший келейник патриарха Сергия (Страгородского) архиепископ (позднее митрополит) Псковский и Порховский Иоанн (Разумов). В своей книге «Святейший Патриарх Сергий. Жизнь и деятельность» он так выражает свое отношение к приведенному документу:

⁵² Закатов А.Н. Святая гора Афон, Православная Церковь и Дом Романовых в изгнании. Таллин; М., 2013. Т. 2. С. 51.

⁵³ Цыпин В., *прот.* История Русской Православной Церкви 1917–1990. М., 1994. С. 75–76.

«Но никакого документа представлено не было: содержание письма лишь излагалось в послании обновленческого епископа Николая Соловья — в высшей степени сомнительного и темного человека. Несмотря на явно недостойный характер сообщения, тотчас же опровергнутого митрополитом Петром, обновленцам удалось посеять недоверие и подозрения по отношению к личности Патриаршего Местоблюстителя»⁵⁴.

Подобной же позиции придерживается и современный исследователь жизни митрополита Петра священник Александр Мазырин: «Таким образом, провокатор Введенский грубо, но увлеченно отработал свой номер и дал ОГПУ возможность предъявить Местоблюстителю политические обвинения. Из доклада “митрополита-благовестника” следовало, что Патриарх Тихон при участии митрополита Петра тайно руководил русскими зарубежными монархистами, указывая им через обновленческого “епископа”-перебежчика Николая Соловейчика (или Соловья), кого из Великих князей считать главой Российского Императорского Дома. Любому добросовестному читателю доклада Введенского было сразу понятно, что перед ним грубая фальсификация фактов, но лубянско-обновленческих провокаторов это не смущало»⁵⁵.

При всем уважении к упомянутым авторам, приходится констатировать, что никаких доказательств своих утверждений они не приводят. Свою позицию они основывают лишь на неприятности личности лидера обновленческого раскола и его сподвижников. Упомянутое архиепископом Иоанном опровержение со стороны митрополита Петра свелось лишь к поискам рижской газеты «Сегодня», где в номере за 31 мая 1924 г. содержалось признание Николая (Соловья), что перед отбытием из СССР он не посещал патриарха Тихона. При этом нигде митрополит Петр не говорит, что подобного письма за границу патриарх не направлял и не мог направлять.

Рассмотрим теперь подробнее личность предполагаемого курьера. В прекрасной монографии протоиерея Валерия Лавринова «Обновленческий раскол в портретах его деятелей» приведена его достаточно подробная биография⁵⁶. Николай Григорьевич Соловей родился в 1877 г. в Полтавской губернии. Окончил медицинский факультет одного из университетов со степенью провизора. В июле 1922 г. обновленческим архиепископом

⁵⁴ Разунов И., архиеп. Святейший Патриарх Сергий. Жизнь и деятельность. М., 2013. С. 214.

⁵⁵ Кифа. Патриарший Местоблюститель священномученик Петр, митрополит Крутицкий (1862–1937). М., 2012. С. 382.

⁵⁶ Лавринов В., прот. Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016. С. 425–426.

Антонином (Грановским) был рукоположен в сан диакона и священника. В сентябре того же года овдовел и был пострижен в монашество. 17 декабря 1922 г. хиротонисан во епископа Кашинского, викария Тверской епархии. Примечательно, что хиротонию нового «епископа» возглавил иерарх дореволюционного поставления — бывший епископ Владикавказский и Моздокский Макарий (Павлов). Интересно также, что в мае 1919 г. епископ Макарий принимал участие в Юго-Восточном Русском Церковном соборе, на котором было сформировано «Временное Высшее Церковное Управление на Юго-Востоке России».

Как правящий архиерей епископ Макарий был членом Поместного собора Русской Православной Церкви 1917–1918 гг. и поэтому должен был быть знаком с патриархом Тихоном. Поэтому вполне возможно, что Николай (Соловей) мог выйти на патриарха, ссылаясь именно на епископа Макария. Конечно, это только гипотеза, но ничего принципиально невозможного в ней нет.

Теперь рассмотрим, как тема посылки письма за границу видоизменялась в ходе разбирательства следственного дела митрополита Петра. Так, на допросе в ОГПУ в декабре 1925 г. епископ Можайский Борис (Рукин) утверждал со ссылкой на митрополита Тверского и Кашинского Серафима (Александрова): «Важно то, что было патриархом подписано благословение на царство не то Кириллу, не то Николаю Николаевичу, это он говорил, я помню»⁵⁷. А вот о чем говорили митрополит Серафим и епископ Борис во время очной ставки 5 января. Священник Александр Мазырин излагает этот разговор следующим образом: «Оба стояли на своем. Тверской митрополит заявил: “Возможно, что я говорил о связи с заграницей темных личностей по вопросу о Платоне, но чтобы был разговор о Николае Николаевиче, не помню”. Борис ответил: “Будучи на квартире у преосвященного Серафима, я беседовал с ним, причем определенно помню, что от имени патриарха Тихона при участии митрополита Петра было отправлено или предполагалось к отправке извещение о согласии патриарха Тихона на кандидатуру на царство Николая Николаевича. Я не берусь утверждать, делалось это с согласия патриарха или нет, равно не припомню дословно моей беседы с митрополитом Серафимом, но что беседа такого содержания была — это факт несомненный”»⁵⁸. Не вдаваясь в рассмотрение вопроса о правдивости показаний двух арестованных иерархов, обратим внимание, что во время

⁵⁷ Кифа. Патриарший Местоблюститель священномученик Петр, митрополит Крутицкий (1862–1937). М., 2012. С. 462.

⁵⁸ Там же. С. 464–465.

очной ставки куда-то пропадает имя великого князя Кирилла Владимировича. Остается лишь имя Николая Николаевича.

Наконец 5 мая 1926 г. следователь Казанский утверждает текст Обвинительного заключения по делу о «Церковно-монархической организации». В нем мы читаем: «По показаниям епископа Бориса, на которых он настаивает, и Дегтяренко (тоже епископа д[исты] д[ела] 7, 20), Петр еще при жизни Тихона написал письмо за границу на имя Марии Федоровны с указанием на Николая Николаевича, как на наиболее желательного кандидата на русский престол. О том же имеются сведения в 6-м отд[елении] СО ОГПУ»⁵⁹.

Возникает закономерный вопрос: почему следователю Казанскому так важно было постепенно сместить акцент с личности Кирилла Владимировича на фигуру его двоюродного дяди? Дело в том, что еще 1/14 января 1925 г. Кирилл Владимирович выпустил обращение к «Верноподанным русским людям». В этом документе четко и аргументированно осуждалась ставка на иностранную интервенцию.

«Среди русских людей, — говорилось в Обращении, — вновь распространяются слухи о готовящемся вооруженном проникновении в Россию остатков добровольческих военных организаций при поддержке некоторых иностранных государств.

Сим объявляю всем Моим верноподанным, что, предоставляя каждому поступать по своей совести в законном стремлении к восстановлению на родине нарушенного права и порядка, Я ни в коем случае не могу стать на точку зрения тех вождей, которые сочли бы возможным поддаться искушению воевать со своими соотечественниками, опираясь на иностранные штыки, — как бы еще ни заблуждались в данное время русские народные массы.

Под лозунгом борьбы с большевиками вожди эти принесут нашему Отечеству порабощение его самобытности, расхищение его природных богатств, а может быть, и отторжение еще новых областей и оттеснение от выходов к морям»⁶⁰.

В то же самое время большая часть эмиграции жила ожиданием Российского Зарубежного съезда, подготовка к которому велась еще с 1923 г. Съезд, по мысли его организаторов, должен был объединить для борьбы с большевизмом большую часть русской эмиграции. Во главе этого объединения должен был как раз стать великий князь Николай Николаевич. В нача-

⁵⁹ Там же. С. 775.

⁶⁰ *Закатов А.Н.* Святая гора Афон, Православная Церковь и Дом Романовых в изгнании. Таллин; М., 2013. Т. 2. С. 67.

ле ноября 1925 г. американская газета «Юнайтед пресс» опубликовала ряд статей своего парижского корреспондента Ральфа Гейнцена, посвященных фигуре «Вождя». Заголовки материалов говорят сами за себя: «Дядя покойного царя избран вождем русской армии для нового наступления против советизма», «В тиши изгнания великий князь Николай обдумывает свержение большевистского режима», «Великий князь просит средств у Соединенных Штатов, чтобы финансировать новую экспедицию для нападения на большевизм»⁶¹.

Сотрудникам ОГПУ были хорошо известны все эмигрантские группировки и их отношения между собой. Знали они и о том, как неоднозначно был воспринят «Манифест» Кирилла Владимировича иерархами Русской Зарубежной Церкви. С этой точки зрения представлялось более перспективным связать имя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра (Полянского) именно с фигурой Николая Николаевича, а соответственно и с генералом Врангелем, и с Архиерейским синодом РПЦЗ, и с американским капиталом, готовым финансировать свержение советской власти.

Поэтому, если информация «архиепископа» Николая (Соловья) была бы сфабрикована в ОГПУ, то в ней, вероятнее бы, благословлялся именно бывший Верховный главнокомандующий, а не законный глава династии. Свидетельство «архиепископа» Николая (Соловья) нельзя считать 100%-ным доказательством недвусмысленной легитимистской позиции патриарха Тихона, как это явствует из исторического очерка А.Н. Закатова⁶², однако в данном случае нет также оснований и для того, чтобы игнорировать данный документ или объявлять его заведомо недостоверным.

Выстраивание отношений между Кириллом Владимировичем и Архиерейским синодом РПЦЗ

Не получив от архиереев Русской Православной Церкви Заграницей испрашиваемого благословения на начало своего служения в качестве Императора в изгнании, Кирилл Владимирович продолжил терпеливо выстраивать отношение с митрополитом Антонием (Храповицким) и возглавляемым им Архиерейским синодом РПЦЗ. Неоценимую помощь в этом важном

⁶¹ Российский зарубежный съезд. 1926. Париж. Документы и материалы. М., 2006. С. 369–374.

⁶² *Закатов А.Н.* Святая гора Афон, Православная Церковь и Дом Романовых в изгнании. Таллин; М., 2013. Т. 1. С. 149.

Великий князь Андрей Владимирович

деле, как и во многих других начинаниях, ему оказывал его младший брат великий князь Андрей Владимирович. Великий князь вел оживленную переписку с митрополитом Антонием и с близким к первоиерарху графом Ю.П. Граббе, писал сопроводительные письма к официальным документам, направляемым от Кирилла Владимировича в Архиерейский Синод.

Главным общим начинанием первоиерарха и главы Династии в 1925 г. стала выработка проекта «Положения (Законоположения) о Православной Российской Церкви», главной целью которого стало урегулирование вопросов взаимоотношения Императора и Патриарха в восстановленной Российской империи. Вначале свой вариант «Законоположения» прислал митрополит Антоний. После длительной переработки в особом совещании при Кирилле Владимировиче 10/23 февраля 1926 г. проект был направлен в Архиерейский Синод. Архиерейский синод своим решением от 27 февраля/12 марта 1926 г. постановил передать проект на рассмотрение ближайшего Архиерейского собора. «Обсудив означенный проект законоположения о Православной Российской Церкви, — говорилось в определении, — Архиерейский Синод, вполне одобряя сей проект, независимо от разрешения вопроса о Кандидате на Всероссийский Императорский Престол⁶³, ОПРЕДЕЛЯЕТ: представить таковой проект предстоящему Собору Архиереев Русской Православной Церкви за границей». Фраза «независимо от разрешения вопроса о Кандидате на Всероссийский Императорский Престол» показывает, как сильны были на

⁶³ Там же. С. 87–88.

тот момент среди членов Синода антилегитимистские предрассудки. Великому князю Андрею Владимировичу все же удалось добиться, чтобы эта фраза была изъята из официального ответа митрополита Антония, и он выглядел следующим образом: «В дополнение к письму моему от 14/27 января сего года долгом имею сообщить ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ, что Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей, которому была доложен препровожденный ВАШИМ ВЫСОЧЕСТВОМ проект Законоположения о Православной Российской Церкви, в заседании своем 27 Февраля — 12 марта, вполне одобрив его, постановил означенный проект представить предстоящему 15/28 Мая [его] г[ода] Архиерейскому Собору»⁶⁴.

Упомянутый Собор собрался на месяц позже и рассматривал проект «Законоположения о Православной Российской Церкви» в известном уже формате Епископского совещания. Проект был одобрен со следующей формулировкой: «18 июня/1 июля 1926 года. Епископское Совещание, имев суждение по препровожденному Его Императорским Высочеством Великим Князем Андреем Владимировичем проекту Законоположения о Православной Российской Церкви, одобренному Его Императорским Высочеством Великим Князем Кириллом Владимировичем, признало желательным и целесообразным проведение в жизнь, по восстановлении в России Монархии, сего проекта о Православной Российской Церкви. Но проведение его в жизнь должно состояться в согласии со Всероссийской Церковной Властью»⁶⁵. Архиереями было предложено всего шесть стилистических поправок.

Процитированный выше протокол носил порядковый номер 2. А протокол № 1, как и в октябре 1924 г., был посвящен рассмотрению вопроса о возможности поминовения Кирилла Владимировича как императора. Новое рассмотрение этого вопроса было вызвано тем, что еще 19 января/1 февраля 1926 г. четырнадцать обителей со Святой горы Афон обратились к предстоящему Архиерейскому собору со следующим примечательным воззванием:

«Православной Церковью со времен Апостольских установлено, чтобы на всех общественных Богослужениях возносить моления за Царя. Так веками велось на Руси и Афоне, в русских обителях, больших, средних и малых до печального дня 2 марта 1917 года, когда Император Николай Александрович, снял с себя Царскую власть и стал русским гражданином, с того времени русская Церковь молчит при молитвах о своем Царе. На Афоне у нас сделалось большое замешательство и разногласие в поминовении при Богослужении Царствующего Дома. (...)

⁶⁴ Там же. С. 89.

⁶⁵ ГА РФ, ф. 6343, оп. 1, д. 2, л. 62.

Посему мы, святогорцы, смиреннейше просим Священный Собор Иерархов, возглавляемый Его Высокопреосвященством, Митрополитом Киевским и Галицким Антонием — благословить и разрешить нам поминать на общих церковных молитвах на ектиниях по основным русским законам прямого и законного наследника Русского престола Великого Князя Кирилла Владимировича, принимая Его Царский манифест от 31 августа 1924 года, и весь Царствующий Дом.

Предоставляя Высокопреосвященному вниманию Вашему, Боголюбивые Архипастыри, на все наши вышеизложенные соображения, горячо и убедительно умоляем Вас, на предстоящем в 1926 году Соборе, благославить всенародно совершать при Богослужениях о законном нашем Государе и тем удовлетворить справедливое желание Православных верноподданных иноков-святогорцев и всех русских людей (...)»⁶⁶.

Епископское совещание, рассмотрев 16/29 июня 1926 г. поступившие обращения, особо упомянув «Афонских келиотов», постановило: «Подтверждая постановление 5/18 октября 1924 года, разрешить в нарочитые дни и по особым случаям, по просьбе признающих Великого Князя Кирилла Владимировича Императором Всероссийским, поминовение Его и Его семьи, как Благоверного Государя и Великого Князя»⁶⁷. Данное постановление знаменовало собой определенную подвижку в позиции иерархов и шаг в направлении сотрудничества с Канцелярией Кирилла Владимировича.

Важно также отметить, что с момента обращения святогорцев к Архирейскому собору Кирилл Владимирович приобрел в лице русских монахов со Святой горы самых преданных сторонников, вскоре даже образовавших монашескую монархическую организацию.

Твердая позиция афонитов начинала постепенно оказывать влияние и на митрополита Антония, который уже в 1927 г. признавался афонскому иеросхимонаху Феодосию: «Итак, уведомляю Вас, что Ваше рассуждение о Кирилле Владимировиче я послал для напечатания без Вашей подписи, а просто “с Афона” в редакцию [«Голоса Верноподданного»], что издает молодой граф Г[еоргий] П[авлович] Граббе, родной правнук знаменитого А[лексея] С[тепановича] Хомякова, в Белграде. Вероятно, редактор обрадуется Вашей статье и скоро ее напечатает. А я послал Вам свою отповедь Синоду по поводу его сближения с Обновленцами, дабы Вы не думали, будто я по робости или малодушию не заявляю себя в печати сторонником Кирилла Вла-

⁶⁶ *Закатов А.Н.* Святая гора Афон, Православная Церковь и Дом Романовых в изгнании. Таллин; М., 2013. Т. 2. С. 73–78.

⁶⁷ ГА РФ, ф. 6343, оп. 1, д. 2, л. 62.

димировича: я должен это сделать последним или одним из последних, как поступил Киевский Митрополит после 1653 года относительно подчинения Московскому Царю Алексею Михайловичу, дабы не усугублять раскола в своей пастве преждевременным заявлением своей покорности новому Правительству, хотя я думаю быть, конечно, на стороне последнего»⁶⁸.

Переход митрополита Антония на легитимистскую позицию и развитие соработничества Церкви и Императорского Дома

23 декабря 1928/5 января 1929 г. скончался великий князь Николай Николаевич. Одним из последствий этого стало то, что после долгих колебаний митрополит Антоний решился наконец встать на позицию открытой последовательной поддержки Российского Императорского Дома. 10/23 января он направил главе Династии уже упоминавшееся выше послание. Несмотря на странное объяснение своей прежней непредрешенческой позиции (ссылка на обещание, данное Николаю Николаевичу), этот шаг имел принципиально важное значение и для Церкви, и для Дома Романовых. Граф Ю.П. Граббе в своем дневнике от 29 января так описывал переживаемое событие: « (...) сбилось то, что я всегда утверждал в письмах к Вел. Кн. Андрею Владимировичу в Кобург, что с концом николаитства, владыка будет с ними. Надеюсь, что он получит милостивый ответ. Владыка видимо доволен, что вышел из двойственного положения. Рассказывал анекдоты, вспоминал молодость»⁶⁹. В ответ на свое обращение митрополит, как и ожидал Ю.П. Граббе, получил весьма «милостивый» ответ, датированный 26 января/8 февраля 1929 г.:

«Высокопреосвященнейший Владыка Антоний!

С удовлетворением Я прочел Ваше верноподданническое обращение ко Мне. Да благословит Господь Ваш шаг и да послужит он примером объединения всех русских людей во имя спасения Родины.

Святая Православная Церковь всегда была опорой Трона и верю, что и теперь, в дни лихолетия, Она придет Мне на помощь в Моей тяжелой монаршей работе по восстановлению законной исторической власти (...)»⁷⁰.

⁶⁸ Письма Блаженнейшего Митрополита Антония (Храповицкого). Джорданвилл: Свято-Троицкий монастырь, 1988. С. 206–207.

⁶⁹ *Суворов С.* Переписка епископа Григория (Граббе) с кирилловичами и особенности его монархических воззрений. Доклад на конференции, посвященной десятилетию со дня кончины еп. Григория (Граббе). М., 2005.

⁷⁰ *Закатов А.Н.* Святая гора Афон, Православная Церковь и Дом Романовых в изгнании. Таллин; М., 2013. Т. 2. С. 164.

После обмена вышеприведенными посланиями отношения между митрополитом и Кириллом Владимировичем начинают стремительно развиваться, а 1/14 апреля 1929 г. Владыка публикует в газете «Царский вестник» статью, посвященную чудесному спасению Кирилла Владимировича при взрыве броненосца «Петропавловск» в 1904 г.

В середине июня митрополит известил Кирилла Владимировича, что он и епископ Курский и Обоянский Феофан (Гаврилов) с чудотворной иконой Курско-Коренной Божьей Матери едут в Лондон. Владыка просил у Кирилла Владимировича разрешения на обратном пути заехать к нему в Сен-Бриаке.

На следующий день 28 июня/11 июля Кирилл Владимирович подписал особый акт, заверенный также подписью митрополита Антония:

«В ознаменование памяти мученической гибели Государя Императора НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА и всей ЕГО Семьи объявляю день 4/17 июля — днем всеобщей скорби русских людей.

Надеюсь, что повсеместно Русская Православная Церковь в этот день будет возносить молитвы к Престолу Всевышнего за души погибших, за Россию и ее народ, Царственных мучеников»⁷¹.

К пятилетию издания «Манифеста» Кирилла Владимировича митрополит Антоний выпустил «Воззвание к православным русским людям», в котором призвал всех объединиться вокруг главы Династии. Подчеркивая, что его нынешняя позиция есть плод долгих размышлений, Владыка писал: «Итак, отцы и братие, умоляю вас, отрекитесь окончательно от треклятой революции против Бога и Царя и предайтесь во имя Отца и Сына и Святого Духа законному Царю нашему Кириллу Владимировичу и законному Наследнику Его Владимиру Кирилловичу»⁷².

Пример митрополита Антония стал оказывать влияние и на других архиереев, которые также стали направлять верноподданнические послания Кириллу Владимировичу. В том же 1929 г. подобные письма прислали епископы Екатеринославский и Новомосковский Гермоген (Максимов) и Челябинский и Троицкий Гавриил (Чепур).

Особо следует отметить, что верноподданнические чувства выражали не только члены РПЦЗ, но и отколовшиеся от нее последователи митрополита Евлогия. Так, в своем письме к Г.К. Графу священник из Бельгии Георгий Цебриков свидетельствовал, что «действительно Высокопреосвященнейший Александр не пропускает случая, ни возможности, чтобы тем или иным способом не проводить мысль о долге каждого русского человека быть вер-

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

ноподданным своего законного Государя. И, несмотря на явное инакомыслие многих лиц (неизвестно в силу чего именующих себя монархистами!), легитимизм как будто бы начинает пускать серьезные корни. Конечно, Брюссель не есть решающее место, но, думается, не следует пренебрегать и Брюсселем»⁷³.

Гораздо теплее стали относиться к главе Дома Романовых и такие, ранее весьма сдержанные в отношении его иерархи, как архиепископ Анастасий (Грибановский). Весной 1931 г., когда Кирилл Владимирович в сопровождении Г.К. Графа совершил паломничество в Святую землю, Русскую духовную миссию там возглавлял как раз архиепископ Анастасий. Комментируя паломничество Кирилла Владимировича, митрополит Антоний писал Г.К. Графу: «Архиепископ Анастасий был у нас здесь время церковного Собора и с умилением рассказывал о Высочайшем посещении Иерусалима. Он осторожен до нерешительности, но душа его, после Бога и Церкви, принадлежит Царственному Дому»⁷⁴.

Однако далеко не все еще иерархи готовы были отказаться от своих антидинастических взглядов. О реакции некоторых архиереев на призыв афонских монахов установить литургическое поминовение Царского Дома святогорцы докладывали 3/16 мая 1931 г. Г.К. Графу следующее: «Вы нас благодарите за наше благовременное послание к Русским людям, чтобы они объединились около Государя Императора для своей же пользы; получили мы много благодарностей от частных лиц за наше послание, получили от зарубежных Епископов выговоры и укоризны с угрозой за такое послание. Ежели Вам потребуются копии сих писем, то могу прислать. Особенно яро послание Николая Епископа Лондонского»⁷⁵. Но число иерархов, присоединившихся к признанию Кирилла Владимировича императором, с каждым годом увеличивалось.

Налаживание контактов Российского Императорского Дома с другими Поместными Церквями

В период первой половины 1930-х гг. развивались и укреплялись связи Российского Императорского Дома и с другими Поместными Церквями.

⁷³ Там же. С. 182–183.

⁷⁴ Граф Г.К. На службе Императорскому Дому России: 1917–1941. СПб., 2004. С. 263.

⁷⁵ Закатов А.Н. Святая гора Афон, Православная Церковь и Дом Романовых в изгнании. Таллин; М., 2013. Т. 2. С. 294.

В апреле 1930 г. скончался Святейший Патриарх Сербский Димитрий (Павлович). Преемником почившего был избран митрополит Скопьянский Варнава (Росич). 15/28 августа Кирилл Владимирович направил рескрипт новоизбранному предстоятелю братской церкви. В нем, в частности, говорилось:

«Никогда не забудут русские люди Вашей Святительской поддержки и Ваших горячих молитв за восстановление России в ее былом величии с Православною Церковью во главе. Я, как Глава Русской Царской Династии, приемлю своим святым долгом выразить Вашему Святейшеству Мою глубокую благодарность за братскую поддержку и святые молитвы».⁷⁶

Во время посещения Святой земли состоялась встреча Кирилла Владимировича с предстоятелем Иерусалимской Церкви патриархом Дамианом. Тронутый общением с Кириллом Владимировичем, патриарх прислал членам его семьи ценные реликвии. 1/14 октября 1935 г. к Кириллу Владимировичу с ходатайством обратился митрополит Антоний. В своем письме он извещал, что «Народно-Монархическое Объединение» обратилось к нему с просьбой о награждении орденом Святой Анны 1-й степени митрополита Гор Ливанских Илии (Карама). Кирилл Владимирович с радостью удовлетворил просьбу маститого иерарха, но история на этом не закончилась. Полгода спустя Владыка вновь обратился с ходатайством, в котором речь шла о награждении иерарха Антиохийской церкви архиепископа Илии Салиби, который управлял Бейрутской митрополией за болезнью престарелого митрополита Герасима.

Церковь и Династия после смерти митрополита Антония и до Второй мировой войны

Как уже говорилось выше, после кончины митрополита Антония Кирилл Владимирович 2/15 августа 1936 г. направил официальное соболезнование его преемнику митрополиту Анастасию. Тот ответил главе Дома Романовых посланием, в котором говорилось: «Ваше Императорское Высочество изволили отметить, что Митрополит Антоний явил себя не только великим Пастырем Церкви, стоявшим всегда на страже Православия, но и крепким стоятелем за Святую Русь. Он действительно всем сердцем любил родную землю с ее славным и величественным прошлым и высоко чтит Российский

⁷⁶ Там же. С. 257–258.

Императорский Дом, которому она так много обязана в своей минувшей истории»⁷⁷.

Из приведенного текста видно, что, несмотря на высокие слова «блюсти заветы Святой Руси» и упоминание Российского Императорского Дома, митрополит остался на позиции Архиерейского собора 1924 г., т.е. продолжал считать «издание манифеста неблагоприятным». Это, безусловно, был шаг назад по сравнению с 1929 г. Но Кириллу Владимировичу хватило выдержки, чтобы не показать своего разочарования, а начинать терпеливо выстраивать отношения с новым первоиерархом.

В 1938 г. произошло важное событие, ознаменовавшее серьезную подвигу в соборной позиции Русской Зарубежной Церкви по отношению к Российскому Императорскому Дому. 1/14 августа 1938 г. в Белграде открылся II Всезарубежный Собор Русской Православной Церкви за границей. Кирилл Владимирович обратился с приветственным посланием к Собору. В речи при открытии Собора митрополит Анастасий прокомментировал это следующим образом:

«Со времени Патриарха Филарета Никитича династия Романовых спаяна с Русской Православной Церковью неразрывными узами. И ныне в годы нашего тяжкого испытания, представители Императорского Дома все также соединены Русским народом общим страданием и общими чаяниями и верою. Об этом свидетельствует и полученное сегодня приветственное письмо Главы Императорского Дома ...»⁷⁸.

4/17 августа состоялось оглашение соборного ответа на приветствие Кирилла Владимировича. Сам текст ответа был составлен достаточно деликатно. Приведем характерную выдержку из него:

«Благоверный Государь!

Всезарубежный Церковный Собор с участием представителей клира и мирян с чувством искреннего утешения и глубокой благодарности выслушал приветственное послание, с которым Вы благоволили обратиться к собору в день его открытия в качестве ГЛАВЫ РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ДОМА.

Русская Православная Церковь вместе со всем русским народом искони навывкла чтить ДИНАСТИЮ РОМАНОВЫХ, триста лет самоотверженно служившую России, укрепившею и возвеличившею нашу державу, поднятую ею на высоту исключительного могущества и славы. С благо-

⁷⁷ Там же. С. 59–60.

⁷⁸ Деяния Второго Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви за границей с участием представителей клира и мирян, состоявшегося 1/14 — 11/24 августа 1938 года в Сремских Карловцах в Югославии. Белград, 1939. С. 27.

говейным молитвенным чувством она вспоминает мученический подвиг ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА, положившего душу свою за благо своего народа, верность родной земле и священным заветам истории»⁷⁹.

Митрополит, как видно из текста, чтобы не обидеть Кирилла Владимировича, не стал обращаться к нему «Ваше Императорское Высочество». В то же время, не желая публично менять своей прежней позиции, не мог именовать Кирилла Владимировича «Вашим Императорским Величеством». Поэтому обращение «Благоверный Государь» оказалось удачным компромиссом.

Тогда же в августе состоялся очередной Архиерейский собор, вернувшийся к рассмотрению вопроса о поминовении «Царственного Дома». После двухдневного обсуждения 5/18 и 9/22 августа было принято следующее постановление:

« (...) помянуть на богослужениях “Богохранимую страну Российскую и Российский Царственный Дом”, поручив Архиепископу Мелетию точно выработать текст поминовения на великом входе и ектениях.

В дни тезоименитств Главы и Членов Царского Дома помянуть их по именам»⁸⁰.

Архиерейским собором был также решен вопрос о поминовении императора Николая II:

« (...) повсеместно совершать всенародные поминовения в день рождения его 6 мая, в день тезоименитства 6 декабря и в день убиения всей Царской семьи 4/17 июля, в каковые дни по всему зарубежью совершать литургии и панихиды»⁸¹. В последний день работы Собора в ночь на 17/30 августа было принято решение о назначении даты отпевания Царской Семьи (14 ноября), но по каким-то причинам это решение так и осталось на бумаге.

29 сентября /12 октября 1938 г. первый глава Династии в изгнании скончался. Права и обязанности главы Российского Императорского Дома перешли к его единственному сыну великому князю Владимиру Кирилловичу. Новый глава династии собирался принять лишь титул главы Российского Императорского Дома. Однако некоторые монархисты, не дожидаясь указаний Канцелярии, начали приносить присягу Владимиру Кирилловичу как императору. Это вызвало сильное беспокойство митро-

⁷⁹ Там же. С. 24–25.

⁸⁰ ГА РФ, ф. 6343, оп. 1, д. 18, л. 8.

⁸¹ Там же.

полита Анастасия, который в связи с этим обратился с письмом к видному монархисту-легитимисту генерал-лейтенанту К.В. Апухтину. В письме, в частности, говорилось: « (...) имею честь довести до Вашего сведения, что в виду отсутствия манифеста или какого-либо другого официального акта, уведомляющего русских людей о том, что Его Императорское Высочество Великий Князь Владимир Кириллович принял на себя после кончины Своего Августейшего Родителя титул Императора с одной стороны, а с другой — вследствие полученного от Великого Князя Андрея Владимировича неофициального сообщения о том, что Великий Князь Владимир Кириллович, сохраняя за Собою по праву первородства возглавление Императорской Фамилии, отнюдь не намеревается объявлять себя Императором, мною не может быть разрешено дальнейшее приведение тех или других лиц к присяге на верность “Его Императорскому Величеству Государю Императору Владимиру Кирилловичу”⁸².

14/27 октября к митрополиту Анастасию обратился великий князь Андрей Владимирович, который в своем письме заверил первоиерарха, «что Великий Князь Владимир Кириллович сохраняет титул Великого Князя и Императорского Высочества, присвоив лишь себе звание Главы Российского Императорского Дома»⁸³.

22 октября/4 ноября 1938 г. великий князь обратился с посланием к Председателю Архиерейского синода Русской Православной Церкви за границей митрополиту Анастасию. Великий князь писал: « Приняв на Себя все права и обязанности, перешедшие ко Мне в порядке наследия, Я обращаюсь к Вам, как Председателю Архиерейского Синода, с просьбой содействовать объединению вокруг Меня всех русских людей, ибо восстановление былого значения и положения св. Православной Церкви нераздельно связано с восстановлением монархии в России»⁸⁴.

30 октября/12 ноября 1938 г. митрополит Анастасий ответил развернутым посланием, завершавшимся следующими словами:

«Связанный с последней трехсотлетней историей, Русский народ не может не дорожить своим Императорским Домом и особенно Тем, Кто возглавляет его по порядку наследования. Чем тверже этот порядок, тем увереннее мы смотрим в будущее, ибо он обеспечивает скорейшее восстановление и утверждение Императорской власти на Руси.

⁸² ГА РФ, ф. 6343, оп. 1, д. 298, л. 1.

⁸³ Там же. Л. 6.

⁸⁴ Там же. Л. 9.

Вашему Императорскому Высочеству указано быть ныне и Носителем, и Хранителем этот священного царственного первородства, дабы не погасла историческая свеча в сумраке наших смутных и скорбных дней»⁸⁵.

Из приведенных документов можно сделать вывод, что для митрополита Анастасия камнем преткновения был лишь императорский титул покойного Кирилла Владимировича. Владимиру Кирилловичу, как главе Российского Императорского Дома, он готов был служить со всей ревностью.

Кульминацией общецерковного признания великого князя Владимира Кирилловича стало приветствие Архиерейского собора РПЦЗ 30 августа/12 сентября 1939 г., выслушанное стоя всеми его участниками. В нем говорилось: «Собравшись в гостеприимной для нас братской Югославии, Собор русских архиереев за границей обращает свой взор к ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ, чтобы единодушно приветствовать ВАС в качестве ГЛАВЫ РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ДОМА и призвать благословение Всевышнего на ВАШЕ служение России, коему ВЫ посвятили себя, приняв на себя по праву первородства это высокое звание»⁸⁶.

Российский Императорский Дом и Русский Экзархат Вселенского Патриархата

Как известно, митрополит Евлогий (Георгиевский), разорвавший отношения с Архиерейским Синодом РПЦЗ еще в 1926 г., в 1931 г. перешел в Константинопольский Патриархат, где возглавил Русский Экзархат. С тех пор в Западной Европе, особенно во Франции, остро ощущалась проблема церковного раскола.

Кирилл Владимирович близко к сердцу принимал существующее разделение и старался прилагать все усилия для его преодоления. Он посещал храмы обеих юрисдикций. Среди сторонников главы Дома Романовых были клирики и даже епископы, как «карловчан», так и «евлогиан».

Этой же политики стал придерживаться и великий князь Владимир Кириллович. 22 октября/4 ноября 1938 г. им было направлено послание митрополиту Евлогию, аналогичное тому, которое было послано в адрес митрополита Анастасия. 19 ноября 1938 г. Митрополит Евлогий направил главе Династии следующий ответ, в котором были такие слова: «Признавая в Вашем лице законного Возглавителя Русского Царственного Дома, я готов

⁸⁵ Там же. Л. 12–13.

⁸⁶ ГА РФ, ф. 6343, оп. 1, д. 22, л. 2–3.

служить патриотическому делу объединения русских людей вокруг Вашего имени и помогать Вам во всех деяниях Ваших, направленных ко благу нашей многострадальной Родины. К глубокому нашему прискорбию, в настоящее время очень трудно предсказать, какой именно государственный строй утвердится в России по освобождению ее от власти большевиков. Политические ее горизонты остаются темными, неопределенными. Мы, люди старого времени, национальной России, не иначе представляем ее себе, как во главе с Монархом — Помазанником Божиим, но решать окончательно этот кардинальный вопрос будет весь русский народ, ныне скованный цепями рабства и не могущий выявить своей воли»⁸⁷.

Письмо поддержки юному главе Российского Императорского Дома направил 8/21 ноября 1938 г. архиепископ Брюссельский и Бельгийский Александр (Немоловский).

Когда 5/18 декабря 1938 г. «Союзом русских дворян» в Париже было устроено торжественное собрание в честь нового главы Российского Императорского Дома, то благодарственный молебен перед его началом совершил митрополит Евлогий. Таким образом, глава Династии довольно быстро стал объединяющей фигурой всей предвоенной эмиграции.

Проследив развитие отношений Дома Романовых и Русской Православной Церкви с революционных событий 1917 г. до начала Второй мировой войны, можно с уверенностью сказать, что вопреки распространенным стереотипам, монархизм, как доктрина, опирающаяся на многовековые традиции, апеллирующая к Божественному началу, гораздо более естествен для Церкви, чем все прочие модели государственного устройства.

⁸⁷ *Закатов А.Н. Святая гора Афон, Православная Церковь и Дом Романовых в изгнании.* Таллин; М., 2013. Т. 3. С. 138–139.

REFERENCES

1. 60-letie vosstanovleniya Patriarshestva. Prazdnovanie yubileya 25–29 maya 1978 goda. M., 1979.
2. Akty Svyateyshego Patriarkha Tikhona i pozdneyshie dokumenty o preemstve vysshey tserkovnoy vlasti 1917–1943. M., 1994.
3. Babkin M.A. Rossiyskoe dukhovenstvo i sverzhenie monarkhii v 1917 godu. Materialy i arkhivnye dokumenty po istorii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. M., 2006.
4. Berezina M. «Imperator Kirill pervyy»: samozvanets ili pomazannik? Sobornyy otvet russkoy pravoslavnoy tserkvi zagranitsey. 2014. <http://www.proza.ru/diary/tihvin/2014-04-09>
5. Buranov Y., Khrustalev A. Gibel' imperatorskogo doma. M., 1992.
6. Deyaniya Vsezagranichnogo russkogo tserkovnogo sobora, sostoyavshegosya 8–20 noyabrya 1921 goda (21 noyabrya — 3 dekabrya) v Sremskikh Karlovtsakh v Korolevstve S., Kh. i S. Sremsk. Karlovtsi, 1922.
7. Deyaniya Vtorogo Vsezarubezhnogo Sobora Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi zagranitsey s uchastiem predstaviteley klira i miryan, sostoyavshegosya 1/14 — 11/24 avgusta 1938 goda v Sremskikh Karlovtsakh v Yugoslavii. Belgrad, 1939.
8. Dumin S.V. Romanovy. Imperatorskiy Dom v izgnanii. Semeynaya khronika. — M., 1998.
9. Dumin S.V. Rossiyskaya istoriya koronatsiy. M., 2013.
10. Episkop Grigoriya (Grabbe). Zapiska po voprosu o prestolonasledii pri sovremennykh usloviyakh. 1996. http://st-rexnikolas.narod.ru/snews/snews_22.html
11. Gordienko N.C., Komarov P.M., Kurochkin P.K. Politikany ot religii. Pravda o «russkoy zarubezhnoy tserkvi». M., 1975.
12. Gordienko N.S., Komarov P.M. Obrechennye: O russkoy emigrantskoy psevdotserkvi. L., 1988.
13. Graf G.K. Na sluzhbe Imperatorskomu Domu Rossii: 1917–1941. SPb., 2004.
14. Khoran .B.P. Rossiyskoe Imperatorskoe Prestolonasledie. M., 2001.
15. Kifa. Patriarshiy Mestoblyustitel' svyashchennomuchenik Petr, mitropolit Krutitskiy (1862–1937). M., 2012.
16. Lavrinov V., prot. Obnovlencheskiy raskol v portretakh ego deyateley. M., 2016.

17. Nasledovanie Rossiyskogo Imperatorskogo Prestola / Sost. pod red. Vysokopreosvyashchenneyshego Antoniya, arkhiepiskopa Los-Andzhelesskogo i Yuzhno-Kaliforniyskogo. Bridgeport, 1985.
18. Nazarov M.V. Kto naslednik Rossiyskogo Prestola? 3-e izd., ispr. i dop. M., 2004.
19. Osnovy sotsial'noy kontseptsii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. M., 2008.
20. Pankratov V.S. S tsarem v Tobol'ske. M., 1990.
21. Rar G.A. «...I budet nashe pokolen'e davat' istorii otchet». Vospominaniya. M., 2011.
22. Rossiyskiy zarubezhnyy s'ezd. 1926. Parizh. Dokumenty i materialy. M., 2006.
23. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' Zagranitsey (1918–1968). N'yu-York, 1968.
24. Sluzhebnyk. Na ts.-sl. yazyke. M., 1666.
25. Sluzhebnyk. Na ts.-sl. yazyke. M., 1730.
26. Suvorov S. Perepiska episkopa Grigoriya (Grabbe) s kirillovichami i osobennosti ego monarkhicheskikh vozzreniy. Doklad na konferentsii, posvyashchennoy desyatiletiiyu so dnya konchiny ep. Grigoriya (Grabbe). M., 2005.
27. Tikhomirov L.A. Monarkhicheskaya gosudarstvennost'. M., 2006.
28. Tsypin V., prot. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi 1917–1990. M., 1994.
29. Zakatov A.N. Svyataya gora Afon, Pravoslavnaya Tserkov' i Dom Romanovykh v izgnanii. Tallin–Moskva, 2013.
30. Zhevakhov N.D. Vospominaniya tovarishcha Ober-Prokurora Svyateyshego Sinoda. SPb., 2008.

Ключевые слова:

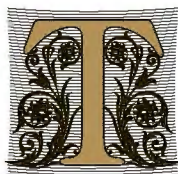
Русская Православная Церковь Заграницей, Российский Императорский Дом, Святейший Синод, революция 1917 г., династия Романовых, легитимизм, монархия.

Hieromonch Nikon (Sergey V. Belovenets)

THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH, THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH ABROAD, THE RUSSIAN IMPERIAL HOUSE OF THE ROMANOV

The History of Relations After the 1917 Revolution

The article touches upon a highly debatable question of relations between Church and civil authorities. A significant period in history from 535 (the 6th Novel of Emperor Justinian declaring «the symphony» principle) up to 2000 (the year of adoption of the «Basic principles of Russian Orthodox Social Concepts») is approached by the author in the context of addressing monarchy as the preferable form of government.

The article depicts a tragic period. Represented is the Holy Synod's of the Russian Orthodox Church attitude towards «the new ways of state being» after the revolution of 1917. Analyzed are the history of the Russian Orthodox Church Abroad and the formation of it's official position according to which the question of the form of government in Russia is a solely churchly issue.

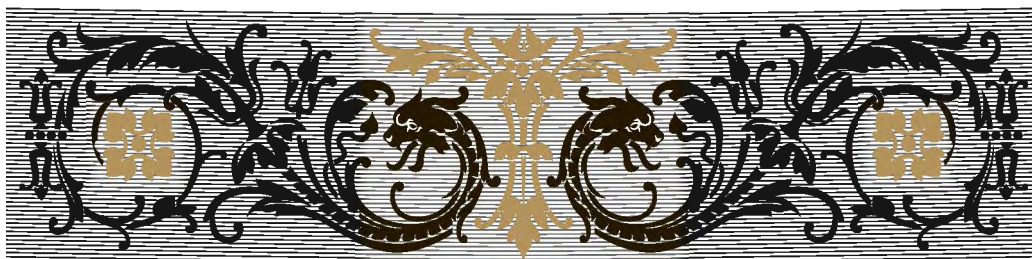
Carefully described are the circumstances in which the House of Romanov happened to be after 1918: aspects of further succession of the crown after the death of Nikolay II and Tsarevich Alexei to the living representatives of the Russian Imperial House and mixed responses of the ROCA (Metropolitan Antony (Khrapovitsky)) and Patriarch Tikhon to those crucial for the sake of «symphony of authorities».

Special attention is dedicated to the project of «Positioning of the Russian Orthodox Church» developed by Kirill Vladimirovich Romanov, First Hierarch of ROCA and Head of Romanov Dynasty. The document's main purpose was to regulate relations between the Patriarch and the Emperor of the restored Russian Empire. Special focus lies as well on the history of legitimization of the Head of the Russian Imperial House by hierarchs of ROCA and other congregations. Carefully following the development of relations between the House of Romanov's and Russian Orthodox Church starting from the revolutionary events of 1917 up to World War Two the author comes to a conclusion that monarchism, as a doctrine based on centuries-old traditions and referring to Divine origin, is much more natural for Church acceptance than any other form of government.

Иеромонах Никон

(Белавенец Сергей Владимирович)

заместитель декана факультета религиоведения Московского
православного института Святого Иоанна Богослова

А.В. Чернина

ПРОБЛЕМЫ РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЩЕНИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ АЛЬФОНСО X¹

В обширнейшем юридическом творчестве Альфонсо X (1252–1284) нашли отражение самые разнообразные стороны жизни кастильского общества и в том числе такое явление, как перемена веры. Известно, что наряду с христианским большинством в Кастилии в середине XIII в. проживало немалое количество людей, исповедовавших ислам и иудаизм². Многочисленное мусульманское население, доставшееся христианским королевствам в наследство от бывших хозяев отвоеванных ими территорий, в большинстве своем представляло собой исламизированных потомков вестготов с неко-

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ, проект № 13-03-00181 «Научный перевод и комментирование “Семи Партид” Альфонсо X Мудрого».

² Демографические данные всегда представляют собой вопрос чрезвычайно проблемный, особенно для Средневековья. Однако если исходить из того, что известно, что в арагонском городе Уэска в 1284 г. насчитывалось около 6000 жителей, из них примерно 500 мусульман и 250 иудеев, и предположить, что такое распределение более или менее сохранялось по большей части региона, то на долю иноверцев приходится более 10% населения. См.: *Ladero Quesada M. A. La población de reinos y ciudades en la baja Edad Media española (de finales del siglo XIII al comienzos del XVI) // Boletín de la Real Academia de Historia. 2014. № 201. P. 63.*

Альфонсо X Кастильский. Фрагмент миниатюры из «Книги игр», 1283 г.

торой примесью крови завоевателей-берберов³. Со временем, однако, они забывали о своих христианских корнях, и христиане Кастилии и других христианских государств воспринимали их просто как «мавров». Иудеи проживали на полуострове с древнейших времен⁴, а в эпоху мусульманского владычества их численность в регионе резко возросла по сравнению с вестготским периодом. Более того, благодаря в целом либеральной политике властей аль-Андалуса по отношению к *зимми* в целом и к евреям в частности, а также целому ряду талантливых политиков, военачальников и деятелей культуры, вышедших из среды еврейских общин мусульманской Испании, именно в этом регионе средневековый еврейский мир в XI–XII вв. достиг своего «Золо-

Процесс исламизации населения Испании после 711 г. хорошо описан прежде всего на базе получившей широчайшее признание теории Р. Бюлье о стадиях аккультурации и ассимиляции народов, покоренных в ходе экспансии ислама — см.: *Bulliet R. Conversion to Islam in the Medieval Period: An Essay in Quantitative History. Harvard, 1979* (Краткий обзор в статье: *Чернина А. «Non gente, sed fide Judaeus» и «fide et gente Hebraeus»: К проблеме вероотступничества в аль-Андалусе IX века // Кентавр: Studia classica et medievalia. 2008. № 5. С. 136–138*).

⁴ О ранней истории еврейского присутствия на Пиренейском полуострове см., напр.: *Beinart J. ¿Cuándo llegaron los judíos a España? Jerusalén, 1962*; *García Moreno L. A. Los judíos de la España antigua: Del primer encuentro al primer repudio. Madrid, 2005. P. 29–34*.

того века»⁵. Оказываясь в ходе Реконкисты на территориях, занятых мусульманами, еврейские общины и их лидеры во многом сохраняли влияние на политическую и экономическую жизнь страны, примером чему может служить обилие «придворных евреев», игравших ключевые роли в управлении финансами и экономикой, а порой и в области внешних сношений⁶.

Разумеется, в условиях сосуществования трех религий неизбежными были и случаи перемены веры в разных направлениях. В христианской части полуострова по понятным причинам численно преобладали примеры обращения мавров и евреев в христианство, однако существуют несомненные свидетельства того, что ислам все еще мог быть привлекательным в глазах христиан (прежде всего, видимо, из числа недавно обращенных в христианство мудехаров) и некоторых евреев, а в редких случаях фиксировались даже обращения в иудаизм. Эта сфера человеческой жизни становилась объектом внимания христианских законодателей и получила определенное отражение в юридических текстах различного происхождения и различных типов. Поскольку целью данной статьи является анализ феномена религиозного обращения в юридическом творчестве Альфонсо X, то мы обратим внимание преимущественно на те источники, которые близки Мудрому королю по географическому признаку.

Следует отметить, что законодательство о конверсах самых разнообразных видов на протяжении всей средневековой эпохи (за исключением, возможно, финальной ее стадии) было неотъемлемой частью законодательства о «конфессиональных меньшинствах». Даже в «Семи Партидах», к которым мы подробнее обратимся ниже, подавляющее большинство норм, касающихся перемены веры, содержится в двух титулах Седьмой Партиды: «Об иудеях» (Part.VII.24) и «О маврах» (Part.VII.25). Относящиеся к «еврейскому» или «мусульманскому» вопросу считались как отступившие от своей веры христиане, так и те представители меньшинств, которые предпочли вере отцов веру победителей.

В памятниках законодательства, имевших хождение в Кастилии до начала законодательной деятельности Альфонсо X, а также одновременно с ней, религиозное обращение упоминалось не очень активно. Масса законов о крещеных евреях и процессе их христианизации содержалась в «Фуэро Хузго» — кастильском переложении вестготского кодекса «Книги пригово-

⁵ Наиболее ярко (хотя и с несколько излишним оптимизмом) это явление описано в кн.: *Ashtor E. The Jews of Moslem Spain. Philadelphia, 1973. Vol. 1. P. 155–263.*

⁶ О роли евреев в Реконкисте и о значении феномена придворных евреев для Реконкисты см.: *Ray J. The Sephardic Frontier: The Reconquista and the Jewish Community in Medieval Iberia. Ithaca, London, 2008, особ. P. 17–22.*

ров», составленном в правление Фернандо III и использовавшемся в юридической практике — там они образуют основную часть 12-й книги. Однако эти законы писались для сиюминутных нужд вестготской кампании по христианизации иудеев и не имели, да и не могли иметь никакого практического значения в XIII столетии⁷.

Встречаются отдельные упоминания о религиозных обращениях и в памятниках местного права Кастилии и Арагона — в фуэро. Нормы фуэро решают в первую очередь конкретную экономическую проблему, которую порождает христианизация неверного (обычно мавра-раба), а именно кто должен унаследовать его имущество. В принципе, подразумевается, что он крестится вместе с семьей и детьми, однако в противном случае или в случае отсутствия у него детей наследником становится его сеньор⁸. Из редких упоминаний в фуэро очевидно, что статус конверсов, именуемых обычно *tornadiços*, был невысок: они подвергались нападкам со стороны христиан, порой им запрещалось занимать некоторые должности, связанные с управлением христианами⁹.

Еще реже проблемы религиозного обращения рассматривались на кортесах — из примечательных норм на эту тему, происходящих от представительных органов, можно отметить лишь запрет маврам обращаться в иудаизм и наоборот, объявленный на Севильских кортесах 1252 г.¹⁰ Это говорит о том, что такое явление, как перемена веры, все же было маргинальным и беспокоило, главным образом, структуру, призванную заботиться о здоровье духовной жизни жителей королевства, т.е. Церковь.

Она и была, несомненно, главным источником законодательства о религиозном обращении. К середине XIII в. действующими источниками канонического права были постановления последних соборов, а также сборник папских постановлений, подготовленный в начале 30-х гг. XIII в.

⁷ Поэтому мы не можем согласиться с Ритой Риос де ла Льяве, которая активно использует данные «Фуэро Хузго», анализируя положение еврейских общин в Кастилии и Леоне XIII в. См.: *Ríos de la Llave R. Discrimination Against the Jewish Population in Medieval Castile and León // Religion and Power in Europe: Conflict and Convergence*, ed. by J. Carvalho. Pisa, 2007. P. 53–76.

⁸ См.: *Casar M. F. G. El tratamiento de los judíos en los fueros de la familia Cuenca-Teruel // Revue des études jueves*. 1985. № 144. P. 32; *Ratcliff M. Judíos y musulmanes en la jurisprudencia medieval española // Revista Canadiense de Estudios Hispánicos*. 1985. № 9 (3). P. 432; *Idem. Judíos y musulmanes en las Siete Partidas de Alfonso X // Alfonso X el Sabio, vida, obra y época: Actas del Congreso Internacional*. Vol. 1. 1998. P. 245–246.

⁹ *Ratcliffe. Judíos y musulmanes en la jurisprudencia*, *ibid.*; *Idem. Judíos y musulmanes en las Siete Partidas*. P. 238.

¹⁰ *Monsalvo Antón J. M. Cortes de Castilla y León y minorías // Las Cortes de Castilla y León en la Edad Media*. Valladolid, 1988. Vol. 2. P. 177.

Раймундом Пеньяфортским и известный под названием «Декреталий Григория IX». Раймунд повторил в «Декреталиях» все положения на этот счет, содержащиеся в «Декрете Грациана» (составлен около 1140 г.), и добавил ряд новых норм, более суровых по отношению к иудеям и мусульманам в сравнении с положениями, содержащимися в «Декрете Грациана». В состав обоих источников входит целый ряд установлений более древнего происхождения: о катехуменате продолжительностью в восемь месяцев (со ссылкой на собор в Агде 506 г.), о необходимости отделять конверсов от их бывших единоверцев путем расторжения брака, передавать детей на воспитание христианам или освобождать крестившегося раба, а также о возвращении в лоно церкви конверсов-апостатов (со ссылкой на послания папы Григория Великого и IV Толедский собор 633 г.)¹¹. В «Декреталиях» также содержится ряд норм, направленных на защиту конверсов и их интересов от ущемления как бывшими, так и нынешними единоверцами, а также запрет насильственного крещения иудеев (но не мусульман)¹².

В Кастилии «Декреталии» не только получили широкое распространение сами по себе, но и сильно повлияли на законодательство Альфонсо X в тех его частях, которые связаны с духовной сферой. В частности, подавляющее большинство законов, касающихся иудеев и мусульман, почерпнуто именно из этого источника, а также из другого произведения Раймунда Пеньяфортского — *Summa de Poenitentia*¹³ — это касается и законов «Королевского фуэро», и многочисленных норм «Семи Партид». Включение норм, связанных с религиозными вопросами, с конфессиональными меньшинствами и с переменой веры, отвечало одновременно представлениям

¹¹ *García y García A.* Judíos y moros en el ordenamiento canónico medieval // Encuentro de las tres culturas. Actas del II Congreso Internacional. Toledo, 1985. P. 173.

¹² X.V.6.9. См.: *González Ruiz R.* La Constitución 10ª del Concilio de Peñafiel (1302) // El Legado material hispanojudío, coord. por A. M. López Alvarez, R. Izquierdo Benito, 1998. P. 258; *Cantera Montenegro E.* Cristianos y judíos en la meseta norte castellana: La fractura del siglo XIII // Del pasado judío en los reinos medievales hispánicos, coord. por Y. Moreno Koch, R. Izquierdo Benito. Cuenca, 2005. P. 67.

¹³ *Carpenter D.* Alfonso X y los moros. Algunas precisiones legales, históricas y textuales con respecto a Siete Partidas 7.25 // Al-Qantara. Revista de estudios árabes. 1986. № 7. P. 236; *Simon L. J.* Jews in Legal Corpus of Alfonso el Sabio // Comitatus. 1987. № 18. P. 86; *Burns R. I.* Jews and Moors in the Siete Partidas of Alfonso X the Learned: a Background Perspective // Medieval Spain: Culture, Conflict, and Coexistence. Studies in Honour of Angus MacKay, ed. by R. Collins and A. Goodman. Basingstoke, New York, 2002. P. 53; *Cantera Montenegro.* Cristianos y judíos. P. 67–68; *Salvador Martínez H.* La convivencia en la España del siglo XIII. Perspectivas alfonsíes. Madrid, 2006. P. 144. По мнению Н. Рота, Раймунд Пеньяфортский лично был одним из авторов «иноверческих» разделов «Партид» — см.: *Roth N.* Alfonso X // Medieval Jewish Civilization: An Encyclopedia, ed. by N. Roth. New York; London, 2003. P. 20.

Раймунд
 Пеньяфортский
 Средневековое
 изображение

Альфонсо X о своей роли в государстве и задачам, которые он ставил в законодательской практике. Современные исследователи нередко пишут, что Альфонсо Мудрый считал себя, среди прочего, «королем трех религий»¹⁴, т.е. королем, которому небезразличны все его подданные без исключения, в том числе «неверные» и переходящие из одной веры в другую. При этом в своих юридических текстах он минимально вмешивался во внутреннюю жизнь иноверческих общин, регулируя лишь их отношения с христианским миром. Переход иноверца в христианство или отпадение христианина в иудаизм или ислам как нельзя лучше соответствуют этим ограничениям. То же самое можно сказать об актуальности темы религиозного обращения в рамках решения задач, поставленных Альфонсо X в его законодательстве: объединить разрозненные сердца людей в истине и справедливости¹⁵. Оставляя в стороне проблему фактического применения рассматриваемых норм и всецело соглашаясь с представлением о том, что юридические произведения Альфонсо представляли собой в большей степени правовую те-

¹⁴ См., напр.: *Tolan J. V. Saracens: Islam in the Medieval European Imagination*. New York, 2002. P. 186; *Salvador Martínez. Convivencia*. P. 139.

¹⁵ Porque los coraçones de los omnes son departidos... Onde conviene a rey, que a de tener sus pueblos en iusticia e en derecho, que faga leyes (FR. proem.; здесь и далее цит. по: *Leyes de Alfonso X. II. Fuero Real, ed. y análisis crít. por G. Martínez Díez. Ávila, 1988. P. 184*); Otrosi, porque los entendimientos de los omes, que son departidos en muchas maneras, se acordasen en uno con razón verdadera e derecha... (Part., prólogo; здесь и далее цит. по: *Las Siete Partidas del muy noble Rey don Alfonso el Sabio, glosadas por el lic. Gregorio López. Madrid, 1843. T. 1*). См. также: *Cantera Montenegro. Christianos y judíos*. P. 72–73.

орию, чем практику¹⁶, мы обратимся к анализу законов, касающихся перемены веры, видя в них не столько отражение реальной ситуации, сколько идеальный конструкт, существовавший в голове составителя и его юристов, выполнявших практическую работу по написанию «Королевского фуэро», «Зерцала» и «Семи Партид». Вне зависимости от того, как широко применялись эти нормы на практике (в наибольшей степени, видимо, это относится к «Королевскому фуэро») и применялись ли вообще, они отражают представления короля о надлежащем порядке вещей.

Нам удалось обнаружить упоминания о религиозном обращении в том или ином виде в трех законах «Королевского фуэро», двух законах «Зерцала» и двадцати законах Партид. Это число достаточно внушительно для такой маргинальной темы, и оно явно должно свидетельствовать об актуальности вопроса. По одиннадцать раз упоминается в этих законах (не обязательно в одних и тех же) обращение мусульманина или иудея в христианство, девять раз — вероотступничество христианина, который становится мусульманином, и восемь раз — иудеем. При этом два закона говорят о переходе только в иудаизм, а также два — только в ислам; в остальных случаях речь идет об апостасии вообще — в ислам, в иудаизм, а зачастую еще и в еретическую секту, как, например, в законе «Какого наказания заслуживают женатые христианин или христианка, если кто-либо из них обратится в иудея, или в мавра, или в еретика» (Part.VII.25.6). Эта статистика приводит к мысли о том, что потенциальных вероотступников в Кастилии середины XIII в. было не намного меньше, чем тех иноверцев, которых привлекала религия-победительница. Следует, однако, иметь в виду, что большинство представителей первой группы наверняка вышли из второй, т.е. определенная часть недавних христиан имела устойчивую тенденцию возвращаться к религии отцов. В наибольшей степени это, видимо, касалось бывших мусульман, обращенных в христианство в ходе военных действий, т.е. насильно. Формально Партиды вслед за «Декреталями Григория IX» запрещают насильственное крещение как в отношении иудеев (Part.VII.24.6), так и в отношении мавров (Part.VII.25.2), однако в условиях непрекращающихся боевых действий и активизации в течение XIII в. проповеднических орденов можно предположить, что прикладывалось больше усилий по христианизации мусульман, чем по христианизации иудеев¹⁷.

¹⁶ Это широко распространенное мнение, выражаемое во многих исследованиях. См, напр.: *O'Callaghan J. F. El Rey Sabio. El reinado de Alfonso X de Castilla. Sevilla, 1999. P. 136.*

¹⁷ Вопрос об активизации миссионерской деятельности изучался, главным образом, на материалах Арагоно-Каталонского королевства, где она приобрела больший размах, однако в Кастилии дело обстояло схожим образом, по крайней мере, в том, что касается пропорционального соотношения миссионерских усилий в адрес мусульман и иудеев.

Можно задаться вопросом — до какой степени Альфонсо видел свою задачу в содействии обращению неверных? Одни исследователи полагают, что он считал это одной из важнейших целей политики в отношении иноверцев, которая должна была послужить задачам национального объединения¹⁸, тогда как другие не видят ни малейших оснований для таких выводов¹⁹. Вряд ли законодательство способно дать ответ на этот вопрос. В отношении привлечения иудеев и мавров в христианскую веру Партиды повторяют норму о недопустимости насильственных крещений, почерпнутую из «Декреталий», но имеющую куда более древнее происхождение. Она восходит к посланиям Григория Великого²⁰, писавшего, что приводить иудеев к вере следует не принуждением, а уговорами. Партиды копируют из источников канонического права: «Силу и принуждение никоим образом нельзя применять ни к одному иудею с целью обращения его в христианство, но христианам следует обращать их в веру Господа нашего Иисуса Христа добрыми примерами, и словами Святого Писания, и любезностью, поскольку Господь не хочет и не любит служения, совершаемого по принуждению»²¹ и «Добрыми словами и соответствующими проповедями должны действовать христиане в обращении мавров, для того, чтобы заставить поверить в нашу веру и привести к ней, добрыми словами и соответствующими проповедями, а не насилием и принуждением, так как если бы не Господь хотел бы привести их к своей вере, и заставить поверить в него силой, он бы их принудил, если бы хотел, так как у него есть силы это сделать, но ему нравится, не когда люди исполняют служение из страха, но когда по своему желанию и без всякого принуждения»²². Однако известно, что Альфонсо гораздо меньше внимания уделял реальной проповеди, чем его тесть, король Арагона Хайме I (1213–1276), направлявший миссионеров и санкционировавший проповеди доминиканцев в синагогах с обязательным

См.: *Burns R. I. Christian-Islamic Confrontation in the West: The Thirteenth-Century Dream of Conversion // American Historical Review. 1976. № 76. P. 1386–1434; Cohen J. The Friars and the Jews: The Evolution of Medieval Anti-Judaism. Ithaca — London, 1982. P. 107–108; O'Callaghan J. F. The Mudejars of Castile and Portugal in the Twelfth and Thirteenth Centuries // Muslims under Latin Rule, 1100–1300, ed. by J. M. Powell, Princeton, 1990. P. 48–53.*

¹⁸ *González Ruíz. Constitución 10ª. P. 253; Salvador Martínez. Tolerancia. P. 146–147; Roitman G. Alfonso X, el rey Sabio ¿Tolerante con la minoría judía? Una lectura emblemática de las Cantigas de Santa María // Emblemata. 2007. № 13. P. 51.*

¹⁹ *O'Callaghan. Rey Sabio. P. 149.*

²⁰ Напр.: *Greg. Magn. Epist. 1:45, 8:25, 13:13.*

²¹ *Part.VII.24.6.*

²² *Part.VII.25.2. Ср. также: Part.VII.28.6. Como quier que non deuen apremiar a los Judios, ni a los Moros, para creer en la Fe de los Christianos...*

присутствием прихожан. Альфонсо, по всей видимости, не имел желания каким бы то ни было образом контролировать процесс христианизации неверных и больше полагался на чудо — рассказы об обращениях в христианство мавров и евреев благодаря сверхъестественному вмешательству и чудесам Пресвятой Девы изобилуют в «Кантигах». В этом произведении соблюдается неуклонное правило — если иноверец изображен в позитивном ключе, то в конце кантиги он обязательно обратится в христианство, обычно в результате чуда²³.

Но религиозное обращение как явление все же получило определенное теоретическое осмысление в его юридическом творчестве. Крещение, посредством которого человек становился христианином, определяется в Партидах как первое из таинств, сила которого такова, «что кто бы ни принял его от христианина, иудея, мавра, язычника или еретика, от женщины или от мужчины... крещение будет действительным»²⁴. Оно «омывает душу изнутри и ставит на ней знак»²⁵, образуя тем самым неразрывные узы определенного рода. Характер этих уз определяется как *naturaliza*, т.е. «узы естества» или «природные узы» — один из самых тесных видов связи, описанных в источниках того времени. В законе, описывающем возможные виды уз естества, связь, возникающая «от обращения в христианство» (*por tornarlo Christiano*), стоит в одном ряду со связью, которая «объединяет людей с их сеньором по рождению» (Part.IV.24.2)²⁶.

²³ Анализ мотива чудесного обращения в этом произведении производился многократно. См., напр.: *Bagby A. I. Some Characterizations of the Moor in Alfonso X's 'Cántigas' // The South Central Bulletin, 1970. № 30. 4. P. 164–167; Carpenter D. E. Social Perception and Literary Portrayal: Jews and Muslims in Medieval Spanish Literature // Convivencia: Jews, Muslims and Christians in Medieval Spain, ed. by V. B. Mann, T. F. Glick, J. D. Dodds. New York, 1992. P. 61–81; Hatton V., MacKay A. Anti-Semitism in the Cantigas de Santa María // Bulletin of Hispanic Studies, 1983. № 61. P. 189–199; O'Callaghan. Rey Sabio. P. 149–150; Klein P. K. La imagen de los moros y judíos en las «Cantigas» de Alfonso X el Sabio // El Legado de al-Andalus. El arte andalusí en los reinos de León y Castilla durante la Edad Media. Congreso Internacional, ed. por M. Valdés Fernández, León, 2007. P. 339–364; Rodríguez Barral P. La dialéctica texto-imagen. A propósito de la representación del judío en las Cantigas de Santa María de Alfonso X // Anuario de estudios medievales. 2007. № 37. 1. P. 213–243; Roitman. Alfonso X. P. 33–177. Со своей стороны отметим лишь, что мотив обращений в «Кантигах» целиком и полностью вписывается в традицию бытования этого сюжета в средневековой религиозной литературе, и определенную оригинальность здесь имеют лишь некоторые бытовые детали.*

²⁴ Part.I.4.5.

²⁵ Part.I.4.2.

²⁶ Ж. Мартен определяет *naturaliza* как связь одновременно в форме сеньории, обязательства и взаимозависимости — см.: *Martin G. Le concept de 'naturalité' (naturaliza) dans les 'Sept Parties' d'Alphonse le Sage // e-Spania. 2008. № 5 (онлайн: <http://e-spania.revues.org/10753>)*

Это значит, что приняв крещение, новообращенный встраивается в систему отношений, имеющих вертикальный характер, получает покровителя, аналогичного сеньору по рождению (*señor natural*). Такого рода связи должны были иметь большое значение для конверса — человека, отрывающегося от своей естественной среды и расторгающего все отношения с тем коллективом, к которому он принадлежал по рождению. Одновременно крещение — это путь к спасению и обретению жизни вечной, каковая видится в освобождении от оков ложной веры²⁷.

Этот переход не мог быть легким по целому ряду причин. Прежде всего, новообращенного преследовали бывшие единоверцы, которые могли побить его камнями, ранить, убить или обесчестить²⁸. Кроме того, ему нередко приходилось разрывать налаженные социальные связи — особенное внимание законы уделяют браку. Четвертая Партида видит в ситуации, при которой один супруг стал христианином, а второй отказывается последовать его примеру, достаточный повод для расторжения брака, поскольку последний «постоянно будет хулить Бога и нашу веру и будет каждый день требовать, чтобы супруг отказался от веры христиан и вернулся к оставленной»²⁹. Правда, развод в данном случае не обязанность новообращенного, а его право — он «может разойтись с супругом, не прося ни у кого разрешения, и вступить, если пожелает, в повторный брак»³⁰. Интересное уточнение на этот счет содержится в более раннем памятнике, а именно в «Зерцале». Там также допускается дальнейшее совместное проживание супругов после обращения одного из них³¹, но при этом делается важная оговорка — это разрешение действует для тех «смешанных семей», где один из супругов мавр или язычник, поскольку они «хотя и имеют веру, отличную от нашей, не имеют твердого закона, который можно доказать пророками или святыми»³². Что же касается евреев, «то из-за близости

²⁷ ...la Fe de nuestro Señor Jesu Christo, por la qual serian saluos, e aurian vida perdurable para siempre (Part.VII.25.4).

²⁸ Part.VII.24.6; Part.VII.25.2.

²⁹ E esto seria, como si algunos que fuessen Moros, o Judios, seyendo ya casados segund su Ley, se fiziesse alguno delllos Christiano; e el otro, queriendo fincar en su Ley, non quisiere morar con el; o si quisiessse morar con el, denostasse antel muchas vezes a Dios, e a nuestra Fe; o se trauasse con el cada dia, que dexasse la Fe de los Christianos, e se tornasse a aquella que auia dexado (Part.IV.10.3). См. также Part.IV.2.7, где обращение одного из супругов в ислам, иудаизм или еретическое учение считается столь же веской причиной для развода, сколь и прелюбодеяние.

³⁰ Ca por qualquier destas tres razones el Christiano, o la Christiana, puedese partir del otro, non demandando licencia a ninguno: e puede casar con otro, o con otra, si quisiere (Ibid.).

³¹ ...el marido e la muggier pueden morar en vno maguer ssean de ssennas leys, non auiendo entrellos alguno destes enbargos (Esp. V.8.34).

³² Esp. V.8.35.

сти их закона к нашему возникает сомнение, что те, кто сначала обратился в нашу веру и пожелал заключить брак с тем, с кем он состоял в прошлой вере, попытаются обмануть и вернуться в свою веру и уйти из нашей»³³, и поэтому священник должен пытаться убедить супруга, исповедующего иудаизм, также обратиться в христианство, а в случае неудачи расторгнуть брак.

При этом закон в принципе стремится к сохранению существующих брачных связей при перемене веры — видимо, в надежде уберечь новообращенного от полного одиночества и разрыва всех социальных и семейных связей без исключения. Так, Партиды признают действительными браки с родственниками до четвертого колена, запрещенные в христианстве, но дозволенные в исламе и иудаизме, и не настаивают на их расторжении в случае, если оба супруга крестятся одновременно³⁴. Ту же цель, видимо, преследует закон, описывающий ситуацию, при которой после официально оформленного в соответствии с еврейским законом развода один из супругов крестится, а второй вступает в новый брак. При этом супруг, состоящий во втором браке, также имеет право обратиться в христианство, расставшись с новым спутником жизни, и потребовать, чтобы первый брак был возобновлен³⁵. Тот факт, что закон запрещает ранее крестившемуся выдвигать обвинение в прелюбодеянии, свидетельствует о желании законодателя поддержать дух новообращенных, создав для него семью.

Существовала и еще одна проблема, связанная с переменой веры, и она касалась имущественных прав конверса. С древнейших времен существовало правило о том, что собственность конверса должна оставаться во власти еврейской общины — соответствующие указы издавали Людовик Благочестивый и германские императоры времен Крестовых походов, и ситуация сохранялась в разных странах на протяжении долгого времени³⁶.

³³ Esp. V.8.35.

³⁴ Mas si algunos seyendo Moros, o Judios, casando segund su Ley, seyendo parientes, o cuñados, e despues desto se tornassen Christianos algunos de aquellos que assi fuessen casados, non deue ser desfecho el casamiento por esta razon; maguer que sean parientes, o cuñados, fasta el quarto grado. Esto otorgo Santa Elesia... porque los que non son del, fuessen de nuestra Ley, non les embargasse de se tornar Christianos, el pesar que aurian de se partir de sus mujeres... (Part.VI.6.6).

³⁵ E en otra manera non pueden acusar a la mujer de adulterio: e esto seria, como si algund Judio estouiesse casado con su muger, e se partiesse della, segund manda la ley de los Judios, dandole libello de repudio; e después desto se tornasse el Christiano, e casasse ella con otro Judio: si acaesciesse, que ella seyendo ya casada con el segundo marido, se quisiesse tornar Christiana, e demandare por marido a aquel con quien fue casada primero, que se torno Christiano, ante que se casasse con otra, puedelo fazer: e el deuela recibir, e non la puede acusar de adulterio, nin la puede desechar por tal razon, que la non reciba (Part.IV.9.8).

³⁶ См.: Grayzel S. The Church and the Jews in the XIIIth Century. Philadelphia, 1933. P. 18–19.

Причина подобного распределения благ очевидна — имущество монарха как «собственника» еврейских общин не должно было сокращаться из-за уменьшения числа его *servi*³⁷. Тем не менее регулярно предпринимались попытки изменить существующую ситуацию и позволить конверсам сохранить имущество, поощряя тем самым иудеев более активно переходить в христианство³⁸.

На территории Пиренейского полуострова мы не встречаем источников, провозглашавших изначальную норму — т.е. переход имущества конверса под власть общины, однако в течение XIII и начала XIV в. предпринималось несколько попыток отменить эту норму, и этот факт косвенно свидетельствует, что такой порядок если и не считался само собой разумеющимся, то, по крайней мере, существовал³⁹. Альфонсо специально оговаривает право новообращенных владеть «своим имуществом и всей своей собственностью, разделяя ее со своими братьями и наследуя своим отцам и матерям и прочим родственникам так же, как если бы они были иудеями»⁴⁰. Вслед за Партидами эту норму подтверждает церковный собор, прошедший в 1302 г. в Пеньяфьеле, участники которого сетовали, что многих потенциальных конверсов останавливает страх потерять свое имущество (*el mundo se lo impide, porque temen perder todos los bienes que poseen*)⁴¹. Отметим, что мавров, желавших обратиться в христианство, эта проблема, по-видимому, тоже затрагивала, хотя власти никак не были заинтересованы в поддержании благосостояния мусульманской общины и не имели перед ней никаких традиционных обязательств — либо сознательно стремились

³⁷ Об актуальности представления о евреях как рабах королевской казны для Пиренейского полуострова см., напр.: *Ratcliffe. Judíos y musulmanes en la jurisprudencia*, p. 431, где приведена цитата из фуэро Алькараса и Аларкона: ...los judíos son siervos del rey y contados por su thesoro. Хотя в современной литературе господствует мнение о том, что некорректно определять статус евреев пиренейских государств как *servi* в германском смысле термина (см., напр.: *Assis Y. T. The Golden Age of Aragonese Jewry. Community and Society in the Crown of Aragon, 1213–1327. London, 1997. P. 9–10; Abulafia D. The Servitude of Jews and Muslims in the Medieval Mediterranean: Origins and Diffusion // Mélanges de l'École Française de Rome. Moyen Age. 1990. № 112. P. 701–704*), однако для наших целей достаточно признать существование эксклюзивной власти короля над еврейской общиной.

³⁸ Первым из шагов, сделанных в этом направлении, можно считать закон Феодосия II и Валентиниана 426 г., который запрещал иудеям и самаритянам лишать наследства потомков, перешедших в христианство — CTh XVI.8.28.

³⁹ На утрату имущества конверсом напрямую указывает целый ряд арагонских документов XIV в., упоминаемых в работе: *Tartakoff P. Christian Kings and Jewish Conversion in the Medieval Crown of Aragon // Journal of Medieval Iberian Studies. 2011. № 3. 1. P. 34.*

⁴⁰ Part.VII.24.6.

⁴¹ *González Ruíz. Constitució n 10a. P. 252.*

к ослаблению влияния мусульман⁴². Закон Part.VII.25.4, описывая причины, по которым конверсы из мавров возвращаются порой к вере предков, упоминают и утрату имущества: «потому что они утратили то, что имели, и стали бедняками»⁴³. Из этого можно сделать вывод, что мусульманская община также сохраняла за собой если не юридическое, то фактическое право лишать имущества тех, кто покидал ее ради христианства. Закрепить имущественные права конверсов любого происхождения пытается и закон, определяющий, кто и на каких основаниях может лишиться дочь приданого. Четвертая Партида, признавая, что обычно мать, в отличие от отца, нельзя заставить давать приданое за дочь, делает исключение для матерей-иноверок, выдающих замуж дочь-христианку⁴⁴.

Третье препятствие, сокращавшее приток новых прихожан в христианских церквях, касалось и иудеев, и мусульман в равной степени. Люди, которые предпочли религии отцов религию победителей, сталкивались с враждебностью со стороны не только бывших, но и новых единоверцев⁴⁵. Партиды красочно описывают тяготы, которые выпадали на долю новообращенных: «Живут и умирают в чужих верованиях многие, кто хотел бы стать христианином, из-за позора и бесчестья, которые, как они видят, терпят как на словах, так и на деле, те, кто становятся христианами; и называют их оборотнями, и бесславят их всякими дурными и гнусными способами и тем самым тяжко грешат... И есть среди них такие, кто после того, как принял нашу веру и стал христианином от этих бесчестий, идет на попятный и оставляет христианскую веру, закрывая свое сердце от позора и оскорблений, которые они получают за это»⁴⁶. В тексте этого закона не сказано напрямую, об обращенных из какой религии идет речь, однако поскольку он включен в титул «О маврах», можно предположить, что имеются в виду прежде всего крещеные мусульмане. Об аналогичных проблемах, с которыми сталкиваются

⁴² См., однако: *Abulafia*. *Servitude of Jews and Muslims*, p. 705–710, о сходстве в описании статуса еврейских и мусульманских общин (последние именовались в Арагоне *thesauri regii speciales*).

⁴³ Part.VII.25.4.

⁴⁴ Pero si la madre fuesse Hereja, o Judia, o Mora, puedenla apremiar que dote su fija, aquella que fuesse Christiana (Part.IV.11.9).

⁴⁵ Г. Каплан (*Kaplan G.* 'Como no deben ser apremiados los judíos que se tornan cristianos': The sentencia-Estatuto and the Legacy of Alfonso X, el Sabio's Siete Partidas // *Quaderni Ibero Americani*. 1998. № 83–84. P. 43) видит причину враждебности к конверсам со стороны «природных христиан» в малочисленности конверсов, однако это объяснение представляется натянутым — в периоды массовых крещений ситуация если и менялась, то исключительно в худшую сторону. Наилучшим примером могут служить маршаны XV в.

⁴⁶ Part.VII.25.3.

крещеные евреи, сказано в титуле «Об иудеях», но описание там короче и далеко не так трагично: «Также приказываем, чтобы после того, как какие-либо иудеи стали христианами, все люди из нашей сеньории воздавали им почести, и никто бы не осмелился напомнить в оскорбительной манере ни им, ни их роду о том, что они были иудеями»⁴⁷. Можно сделать осторожный вывод, что статус крещеных евреев в христианском обществе, хотя и был далек от идеального, все же был выше, чем статус обращенных мусульман.

Основной причиной данного явления представляется различное восприятие иудеев и мусульман в христианском сознании — если первые были «теологическими врагами», давно жившими среди христиан и ставшими вполне привычным (хотя, возможно, и малопривычным) элементом окружающей действительности, то мавры были врагом вполне реальным, военным, ожесточенная борьба с которым продолжалась уже не одно столетие. Когда мусульмане хотели войти в христианскую среду посредством крещения, то новые единоверцы неизбежно относились к ним как к своего рода лазутчикам, чужакам, пытающимся в обличье друга проникнуть в христианский мир. Кроме того, конверсы из мусульман в XIII в. еще численно явно превосходили конверсов из иудеев, были заметнее в обществе и оттого отношение к ним было более резким — в XV столетии ситуация станет обратной: появление массы «новых христиан» после погромов 1391 г. приведет к усилению подозрительности в отношении бывших евреев.

Столь неустойчивое положение конверсов становилось ведущим фактором в активизации такого явления, как апостасия, т.е. вероотступничество, отказ от христианства в пользу других религий⁴⁸. Апостасии в корпусе Альфонсо уделено едва ли не больше внимания, чем обращению в христианство, что говорит о немалой актуальности этой проблемы. Хотя большинство законов, затрагивающих тему вероотступничества, содержатся в титуле «О маврах», это вовсе не значит, что обращение в иудаизм уже практически не представляло из себя проблемы⁴⁹. Почти во всех законах указано, что

⁴⁷ Part.VII.24.6.

⁴⁸ Возможно, именно это тяжкое преступление и послужило причиной, по которой нормы, касающиеся иудеев и мавров, попали именно в Седьмую Партиду, посвященную уголовному праву. См.: *Burns. Jews and Moors*. P. 49.

⁴⁹ Как полагают Д. Карпентер (*Carpenter D. E. Minorities in Medieval Spain: The Legal Status of Jews and Muslims in the Siete Partidas // Romance Quarterly*. 1986. № 33. P. 277–278; *Idem. Alfonso X and the Jews: Commentary on Siete Partidas 7. 24 «De los judíos»*. Berkeley, 1986. P. 84) и Сальвадор Мартинес (*Salvador Martínez. Convivencia*. P. 210). При этом у нас есть все основания полагать, что апостатов, принимающих ислам, действительно было больше, чем принимающих иудаизм, в силу того, что доля христианизированных мавров была выше доли христианизированных иудеев.

они относятся к обеим группам отступников. При этом обычно не сказано, из какой среды выходят те христиане, которые оставляют свою веру и переходят в ислам или иудаизм, однако можно быть почти уверенным, что речь преимущественно шла именно о недавно обращенных, которые лишь возвращались в старую веру — главным образом, из-за исключительной тяжести «промежуточного» положения конверса. В Партидах высказывается убеждение, что такой шаг свидетельствует об утрате здравого рассудка: «Иногда люди глупеют и утрачивают разум и истинное понимание, подобно злосчастным, и, отчаявшись во всем хорошем, отвергают веру Господа Нашего Иисуса Христа и становятся маврами; и есть среди них такие, кто решается на это из желания жить по своему усмотрению, или из-за потерь, которые они понесли от того, что были убиты или умерли из-за них их родственники; или потому что они утратили то, что имели, и стали бедняками, или из-за злодеяний, которые они совершили, и боясь заслуженного наказания»⁵⁰. Стыд и упреки родственников тоже указываются как веская причина для возвращения в старую веру⁵¹.

Помимо неустойчивых в вере конверсов и «утративших истинное понимание и желающих жить по своему усмотрению» обыкновенных христиан существует еще две категории апостатов. Это, во-первых, дети представителей двух первых групп⁵², а во-вторых, рабы-христиане, принадлежащие иноверцам⁵³. Для обеих этих категорий характерны зависимое положение и затруднительность в принятии собственных решений, и защита их от потенциального обращения во враждебную христианству религию издавна занимала христианских законодателей. Именно опасность иудаизации провозглашалась важнейшей причиной ограничений в праве на владение рабами-христианами, наложенных на иудеев еще со времен «Кодекса Феодосия»⁵⁴. Партиды высказываются по этому вопросу совершенно однозначно: «Еврей, мавр, еретик и любой другой человек, не принадлежащий к наше-

⁵⁰ Part.VII.25.4.

⁵¹ ...lo... dexasse por verguença, o por afruenta de sus parientes, o de sus amigos (P.VII.25.8).

⁵² Ningún christiano non sea osado de tornarse iudío nin moro nin sea osado de fazer su fiio moro o iudío... (FR IV.1.1, p. 405).

⁵³ Otrosi defendemos, que ningun Judio non sea osado de tornar su captiuo Judio, nin Judia, maguer sean Moros, o de otra gente barbara (Part.VII.24.10).

⁵⁴ Этот кодекс позволяет иудеям владеть рабами-христианами при условии, что они не станут обращать их в иудаизм (Absque calumnia praecipimus iudaeis dominis habere servos christianos hac dumtaxat condicione permissa, ut propriam religionem eos servare permittant — CTh XVI.9.3). Однако более поздние памятники вообще отказывают иудеям в праве собственности на рабов-христиан именно в связи с опасностью иудаизации — см.: LVis XII.2.12, XII.2.14, XII.3.12. Эти запреты присутствуют и в каноническом праве: D.LIV.C.14; X.V.6.13. Подробнее см.: *Grayzel. Church and the Jews*. P. 22–26.

му закону, не может держать христианина в рабах»⁵⁵ — правда, это распоряжение касается только рабов, которых держат для собственных нужд, а работоргове эта норма препятствовать не должна, поэтому тот же закон дает работорговцу три месяца на то, чтобы перепродать раба-христианина новому владельцу. Раб иноверца, обратившийся в христианство из любой религии, должен немедленно после крещения получить свободу, не выплачивая бывшему хозяину никакой компенсации⁵⁶ — но опять-таки если он не приобретен с целью перепродажи. В этом случае сам раб «или тот, кто уговорил его стать христианином, должен уплатить сеньору двенадцать мараведи», причем эти деньги должны быть выплачены сполна, даже если для этого рабу придется еще какое-то время трудиться на бывшего хозяина уже в ранге свободного⁵⁷. Для нарушителей закона о запрете владеть рабами-христианами предусмотрено максимально суровое наказание — смертная казнь и конфискация имущества в пользу короля⁵⁸. Рабовладелец-иудей, который обратит в иудаизм раба-иноверца (мавра или язычника), должен понести исключительно материальный ущерб в виде утраты этого раба⁵⁹. Отметим, что специальный закон, посвященный рабовладению, присутствует в титуле об иудеях, но отсутствует в титуле о маврах, что может указывать на менее значительное присутствие последних среди рабовладельцев⁶⁰.

Не только господин может заставить своего раба отказаться от христианской веры. Такая опасность может исходить и от супруга-иноверца, который

⁵⁵ Part.IV.21.8.

⁵⁶ Otrosi dezimos, que qualquier destos sobredichos, que ouiesse sieruo que non fuesse de nuestra Ley, si aquel sieruo se tornare Christiano, que se faze libre poreude, luego que se faze baptizar, e recibe la nuestra Fe, nin es tenuto de dar por si ninguna cosa, a aquel cuyo era ante que se tornasse Christiano (Part.IV.21.8). См. также: Comprar, nin tener, non deuen los Judios, por sus sieruos, orne nin rnuger, que fuesse Christiano; e si alguno contra esto fiziere, deue el Christiano ser tornado en su libertad; e non deue pechar ninguna cosa del precio que fue dado por el... Otrosi defendemos, que ningun Judio non sea osado de tornar su captiuo Judio, nin Judia, maguer sean Moros, o de otra gente barbara (Part VII.24.10).

⁵⁷ ...seria tenuto de dar por si, el, o el que lo fiziesse tornar Christiano, doze marauedis de la moneda que corriesse en aquel lugar. E si non ouiere de que los pagar, deue servir por ellos, non como sieruo, mas como libre, fasta que los aya merescidos (Part.IV.21.8).

⁵⁸ E qualquier dellos que contra esto fiziesse, teniendo a sabiendas Christiano alguno por sieruo, deue morir por ello, e perder todo quanto que ouiere, e ser del Rey (Part.IV.21.8.); Mas si el Judio sopiesse que lo era, quando lo compro, e se siruiesse del después como de sieruo, deue el Judio morir porende (Part.VII.24.10).

⁵⁹ E si alguno contra esto fiziere, el sieruo, o la sierua, a quien tornare Judio, o Judia, mandarnos que sea porende libre, e tirado de poder de aquel, o de aquella, cuyo era (Part.VII.24.10).

⁶⁰ О присутствии мусульман-рабовладельцев на отвоеванных христианами территориях см.: *Philips W. Slavery from Roman Times to the Early Transatlantic Trade*. Manchester, 1985. P. 109–110.

потенциально опасен для новообращенного, поскольку «постоянно будет хулить Бога и нашу веру, и будет каждый день требовать, чтобы супруг оставил веру христиан и вернулся к оставленной»⁶¹, и поэтому закон считает этот риск достаточным основанием для расторжения брака. Здесь для супруга-инвертера не предусмотрено никакого иного наказания, кроме расставания с брачным партнером — видимо, потому что он только может начать склонять его вернуться в прежнюю веру, а реального состава преступления еще нет. Для тех же, кого уже уличили в этом деянии, предусмотрено суровое наказание: «Категорически постановляем, чтобы ни один иудей не осмеливался уещивать христианина, чтобы тот обратился в его веру, или отвращать его; а тот, кто поступит так, то умрет, а имущество его отойдет королю»⁶².

Такое наказание для «соблазнителя» совпадает с наказанием, которому должен подвергнуться сам апостат. Это наказание обсуждается в четырех законах Партид и двух законах «Королевского фуэро», и хотя речь идет об одном и том же преступлении, предусмотренные санкции несколько отличаются от закона к закону. Так, две нормы «Королевского фуэро» описывают одну и ту же ситуацию — когда христианин становится мавром или иудеем, но с двух точек зрения. Предметом закона FR.IV.1.1 является апостат как таковой — и он должен быть осужден на смерть от огня⁶³. Вторая норма посвящена вопросам наследования, поэтому вполне понятно, что в ней речь не идет ни о каких телесных наказаниях — она лишь позволяет родителям лишать прямого потомка наследства, если он отказался от христианской веры. Но и для них остается определенная лазейка: им остается право «впоследствии простить его» и опять сделать наследником⁶⁴. Понять, как сочетаются две эти нормы, можно, только если обратиться к более подробному последующему законодательству Партид. Партиды также без колебаний приравнивают вероотступника к еретику, приговаривая его к смерти, а имущество его передавая ближайшим родственникам, оставшимся христианами, а в случае их отсутствия — королю⁶⁵. Еще один

⁶¹ Part.IV.10.3.

⁶² FR IV.2.2.

⁶³ Ningún christiano non sea osado de tornarse iudío nin moron in sea osado de fazer su fiio moro o iudío, et si alguno se fiziere muerra por ello et la muerte deste fecho sea atal que sea de fuego (FR IV.1.1, p. 405). Аналогичное наказание следующий закон (FR IV.1.2) предусматривает для тех, кто стал еретиком.

⁶⁴ Otrossí lo pueda deseredar... si se tornare moro o iudío... Pero si... después le perdonare el heredare, sea heredero assí como era ante (FR III.9.2, p. 339).

⁶⁵ Эта норма подробно излагается в титуле «О маврах»: E porende mandamos, que todos quantos esta maldad fizieren, que pierdan porende todo quanto auian, e non puedan lleuar ninguna cosa dello; mas que finque todo a sus fijos, si los ouieren, aquellos que fincaren en la

закон «вставляет» дополнительного наследника, который имеет преимущественные права перед детьми в получении имущества осужденного — его супруга, оставшегося христианином⁶⁶. Закон об иудействующих отсылает читателя к нормам, существующим относительно еретиков, где указан конкретный вид казни — сожжение; в законе об обращенных (или скорее, вернувшихся) в ислам вид казни не уточняется, но вряд ли они чем-то должны были отличаться в этом отношении от иудеев и еретиков.

Вернемся к закону о наследовании из «Королевского фуэро» — и возьмем на себя некоторую вольность рассматривать его в контексте норм, содержащихся в другом законодательном корпусе, составленном позже. Экстраполируя знания, полученные из Партид, на юридический конструкт, существовавший в сознании авторов «Королевского фуэро», можно предположить, что в норме FR III.9.2 речь идет о родителях вероотступника, которые могут лишить его наследства, передав его в обход супруга-христианина (и, возможно, детей) другим наследникам. Если таковых у вероотступника нет, подобное «прощение» может послужить способом избежать конфискации наследства в пользу короля и оставить его тому, на кого падет выбор родителей. В этом случае, если они «простят вероотступника», это будет означать, что наследство получают супруг и дети апостата или же, в их отсутствие, король. С другой стороны, маловероятно, чтобы родители-христиане от чистого сердца, а главное, безнаказанно простили того, кто умер иноверцем. В этом случае речь идет еще об одной категории лиц, изменивших веру — а именно о тех, кто сначала отступил от христианства, а затем раскаялся и вернулся к нему.

Раскаявшиеся вероотступники — предмет обсуждения трех законов титула «О маврах», однако в двух из них речь идет не только о мусульманах, но вообще обо всех, кто «отрекся от веры Господа Нашего Иисуса Христа, а потом вернулся в нее»⁶⁷. Его вероотступничество не может оставаться безнаказанным, поскольку подобные метания указывают на «ложь и насмешку

---

nuestra fe, e la non renegaren: e si fijos non ouieren ellos, a los mas propincos parientes que ouieren, fasta el dezeno grado, que finquen en la creencia de los Chistianos; e si, tales fijos, nin parientes, non ouieren, finquen todos sus bienes para la Camara del Rey: e demas desto mandarnos, que si fuere fallado, el que tal yerro fiziere, en algund lugar de nuestro Senorio, que muera por ello (Part.VII.25.4). В титуле «Об иудеях» та же норма изложена короче и со ссылкой на законодательство о еретиках: Tan malandante seyendo algund Christiano, que se tornasse Judio, mandamos que lo maten por ello, bien assi como si se tornasse Hereje. Otrosi dezimos, que deuen fazer de sus bienes en aquella manera, que diximos, que fazeu de los aueres de los Herejes (Part.VII.24.7). Действительно, для еретиков предусмотрено такое же наказание: смертная казнь через сожжение и передача имущества ближайшим родственникам-христианам, а в их отсутствие — королю — ср. Part.VII.26.2.

⁶⁶ Part.VII.25.6.

⁶⁷ Part.VII.25.7.

над законом»⁶⁸. Поэтому хотя ему сохраняют жизнь, его следует подвергнуть своего рода «гражданской казни», заключающейся в лишении права распоряжаться (но не владеть) имуществом: составлять завещания, самому становиться наследником, осуществлять или принимать дарения, а также занимать любые должности и свидетельствовать в суде. Цель этого наказания — в том, чтобы «бесчестная жизнь была ему хуже смерти, когда он не сможет пользоваться почестями и прибылями, которыми, как он видит, пользуются все остальные»⁶⁹. Все это вместе описывается термином *infamia* — «бесчестье»; этим термином именовался в Партидах ущемленный правовой статус, который человек получал в наказание за целый ряд преступлений — от убийства до проституции. *Infamia* как явление унаследовано испанским средневековым правом от римско-правовой традиции, но с течением времени представление о нем видоизменялось и приобретало новые черты⁷⁰. Важным промежуточным звеном между римским правом и Партидами в данном случае является вестготская «Книга приговоров», где *infamia*, подразумевающая прежде всего утрату права свидетельствовать в суде, присутствует в качестве наказания самым разнообразным категориям лиц, виновных в тяжких преступлениях: убийцам, отравителям и т. п.⁷¹ Отметим, однако, что в число осужденных на бесчестье не входят те, кто совершил преступление на религиозной почве. В двух титулах «Книги приговоров», отражающих историю кампании по христианизации иудеев в Вестготской Испании и содержащих немало избрательных наказаний конверсам, имеющим склонность вновь впадать в былые грехи, термин *infamia* встречается только как мера наказания для христианина, покрывающего преступление еврея, который владеет рабами-христианами (LVis XII.2.14). Правда, закон Рецесвинта вплоть за 64-м каноном IV Толедского собора *de facto* применяет именно эту меру, лишая евреев и конверсов права свидетельствовать в суде, чтобы «не допускать к клятве уличенного в обмане божественной веры»⁷². Так что есть некоторые основания

⁶⁸ Part.VII.25.5.

⁶⁹ Part.VII.25.5.

⁷⁰ Краткие обзоры истории представления об *infamia* см., напр.: Bowman J. A. Infamy and Proof in Medieval Spain // *Fama: The Politics of Talk and Reputation in Medieval Europe*, ed. by T. S. Fenster, D. L. Smail, Ithaca, London, 2003. P. 95–117; Solórzano Telechea J. A. Justicia y el ejercicio del poder: la infamia y los «delitos de lujuria» en la cultura legal de la Castilla medieval // *Cuadernos de la historia del derecho*. 2005. № 12. P. 313–353.

⁷¹ de Jong M. Adding insult to injury: Julian of Toledo and his *Historia Wambae* // *The Visigoths from the migration period to the VIIth century. An ethnographic perspective*, ed. by P. Heather, Woodbridge, 1999. P. 386; Bowman. Infamy and Proof. P. 99–100.

⁷² Non potest erga homines esse fidelis qui Deo extiterit infidus: iudaei ergo qui dudum christiani effecti sunt et nunc in Christi fidem praevaricati sunt, ad testimonium dicendum

считать, что причисление раскаявшихся вероотступников к кругу подлежащих бесчестью (немало расширившемуся в Партидах по сравнению с «Вестготской правдой») восходит к антииудейской кампании VII в. Впрочем, сами составители Партид тоже указывали на то, что почерпнули эту норму в авторитетных источниках: «И потому говорили древние мудрецы, что он должен быть навсегда обещен, так, чтобы его свидетельство никогда более не принималось, и он не мог занимать ни должностей, ни почетных постов, и не мог бы составлять завещания, и никоим образом не мог быть назначен ничьим наследником»⁷³. В другом месте Партиды сравнивают вероотступничество с другим серьезным преступлением — прелюбодеянием: изменивший вере подобен изменившему супругу, и на этом основании он лишается еще одного права — выдвигать обвинение в супружеской измене⁷⁴.

Все это, как мы уже сказали, касается тех, кто обратился в христианство (или, что менее вероятно, был им изначально), после чего отказался от этой религии в пользу ислама, иудаизма или ереси, но в итоге раскаялся и вернулся обратно. Однако юридическая теория Альфонсо X предусматривала и способ избежать наказания бесчестием — но только для тех, кто виновен в отпадении в ислам. Соответствующий закон не только дает хорошее представление о тяжелой судьбе конверса, который подвергается нападкам и оскорблениям со стороны друзей и родственников, но и демонстрирует, насколько важной государственной задачей представлялось удержание (а не только привлечение) конверсов. Тот факт, что в законе не просто не упоминаются иудеи и еретики, но он даже не говорит об обращенных вообще, а лишь о крещеных маврах, может указывать на то, что именно эта категория конверсов была либо самой многочисленной, либо самой подверженной вероотступничеству, либо самой желанной для власти. Вряд ли мы сильно ошибемся, если предположим, что все три фактора присутствовали в действительности — в силу многочисленности мусульманского населения, сохранившегося за ним влияния (которое усложняло существование конверса и усиливало привлекательность возвращения в ислам) и надежды ослабить потенциального военного врага путем христианизации как можно более широких масс мусульман.

---

admitti non debent, quamvis esse christianos adnuntient, quia sicut in fide Christi suspecti sunt, ita et in testimonio humano dubii habentur (Toledo IV, 64, цит. по: Concilios visigóticos y hispano-romanos, ed. por J. Vives, T. Marín Martínez, G. Martínez Díez, Barcelona — Madrid, 1963. P. 213); *Merito ergo testificare prohibiti sunt Iudei, seu baptizati, sive non extiterint baptizati* (LVIS XII.2.10; цит. по: Вестготская правда (Книга приговоров) / Под ред. О. Аурова, А. Марья. М., 2012. С. 444, 776 (русский перевод).

⁷³ Part.VI.1.9.

⁷⁴ *Otrosi non puede acusar de adulterio a su muger, el que se tornasse Hereje, o Moro, o Judio: e esto es, porque fizo adulterio spiritualmente* (Part.IV.9.8).

Именно последнее заставляло законодателей прощать вероотступничество в обмен, например, на шпионаж или другие «выдающиеся услуги христианам, которые обратятся на великую пользу стране»⁷⁵. В награду за услуги такого рода христианские власти готовы были не только избавить предоставившего их от бесчестия и бесправия, если он пожелает вернуться в христианство, но даже позволить ему безнаказанно оставаться мусульманином⁷⁶. Подобное поведение вероотступника служило для законодателя достаточным основанием для уверенности, что не антипатия к христианству, а лишь давление среды послужило причиной вероотступничества⁷⁷, а политическая верность и лояльность власти приобретали, таким образом, бóльшую важность, чем даже поруганное таинство крещения.

Сказанное позволяет попытаться сформулировать ответы на несколько ключевых вопросов, связанных с нашей темой. Прежде всего: в чем Альфонсо (и его юристы) видел свою задачу при составлении законов о религиозном обращении и как она соотносилась с целью составления юридических компендиумов вообще? Принято считать, что основной причиной появления на свет «Королевского фуэро», «Зеркала» и Партид было стремление к правовой унификации⁷⁸ Кастильского королевства. Идея унификации, однако, не подразумевает в данном случае социально-конфессионального аспекта — король явно не видит необходимости в скорейшем крещении всех иноверцев⁷⁹, вполне соглашаясь терпеть присутствие иудеев и мусульман среди подданных. Разумеется, при этом продолжало существовать представ-

⁷⁵ Part.VII.25.8.

⁷⁶ ...e mandamos, que les sea perdonada, e quita la pena de la muerte, que dixirnos en la quarta ley ante desta, que deuian rescebir... E si después... tornasse a la Fe Catolica, mandamos e tenemos por bien, que sea otrosi perdonada la pena del enfamamiento, e non pierda sus bienes... (Ibid.).

⁷⁷ Ca assaz daria a entender el que tal cosa fiziesse, que amaua a los Christianos, e que se tornaria a la Fe Catholica, si lo non dexasse por verguença, o por afruenta de sus parientes, o de sus amigos (Ibid.).

⁷⁸ См., напр.: *Санчес-Арсилья Берналь Х.* «Теория закона» в законодательной деятельности Альфонсо X Мудрого. Исторический вестник. 2015. № 13. С. 4—59.

⁷⁹ Мы не можем согласиться с Г. Капланом и Х. Ройтман, полагающим, что Альфонсо сознательно делал жизнь меньшинств невыносимой, чтобы подтолкнуть их к крещению и интеграции в общество, хотя и не достиг в решении этой задачи хоть сколько-нибудь значительных успехов. См.: *Kaplan G.* Como no deben ser apremiados. P. 39; *Roitman G.* El judaísmo en el país de los espejos: emblemática y simbología judeo-hispánicas. Zaragoza, 2010. P. 171, 179. Обратная позиция см.: *Echevarría Arsuaga A.* Implicaciones políticas y sociales de la conversión al cristianismo en tiempos de Fernando III y Alfonso X el Sabio // Sevilla 1248. Congreso internacional conmemorativo del 750 aniversario de la conquista de la ciudad de Sevilla por Fernando III, rey de Castilla y León, ed. por M. González Jiménez. Sevilla, 2000. P. 874.

ление о всеобщей христианизации (прежде всего, христианизации евреев) в конце времен, традиционное для христианского богословия с древнейших времен, и, возможно, именно оно подпитывало решимость Альфонсо проводить толерантную политику по отношению к конфессиональным меньшинствам⁸⁰. Можно с изрядной долей уверенности сказать, что король не собирался предпринимать никаких мер для скорейшего обращения иудеев и мусульман, но искренне (хотя и не особенно эффективно) пытался сгладить путь для тех из них, кто все-таки предпочитал стать христианином. Поэтому законы Альфонсо X скорее фиксируют существующие конкретные проблемы обращения: проблемы, с которыми сталкиваются конверсы, апостасию и т. п., а не стремятся сформировать принципиально новую реальность.

Второй вопрос касается важнейшей проблемы источников, лежащих в основе «иноверческих» норм юридического корпуса Альфонсо. Не подвергается сомнению тот факт, что они в огромной степени наследуют нормам канонического права, в первую очередь «Декреталям Григория IX» и «Сумме о покаянии». Оба эти текста созданы Раймундом Пеньяфортским, что позволяет считать его также если не непосредственным, то, по крайней мере, косвенным автором и наших норм⁸¹. Однако многие авторы отмечают, что законы Партид во многом более суровы, чем каноническое право «Декреталий»⁸². Очевидно, что перед нами не просто дословный перевод с латыни на старокастильский, а творческая переработка существующих норм с учетом господствующей идеологии и требований политической ситуации. Поэтому было бы весьма полезным исследование, подробно сравнивающее формулировки этих памятников и анализирующее принципы отбора, которыми руководствовались юристы Альфонсо X.

Наиболее сложной проблемой представляется соотношение между законами, содержащимися в «Королевском фуэро», «Зерцале» и Партидах, и реальностью кастильской жизни середины — второй половины XIII в. К этим источникам в максимальной мере относятся все ограничения, которые обычно следует учитывать в работе с законодательством — они не только отражают

⁸⁰ Ср.: *Salvador Martínez*. Convivencia. P. 147–148.

⁸¹ Так, Л. Дж. Саймон нашел в этих двух памятниках источники всех законов титула XXIV «Об иудеях» (см.: *Simon*. Jews in Legal Corpus. P. 80–97). Немало норм из титула XXV «О маврах» также имеют параллели в «Сумме о покаянии» — обзор законодательства об обращении мусульман в творчестве Раймунда Пеньяфортского см.: *Kedar B.* Muslim Conversion in Canon Law // *Kedar B.* The Franks in the Levant. 11th to 14th Centuries. Aldershot, 1993, XIV (first published: Proceedings of the Sixth International Conference of Medieval Canon Law, Berkeley, 1980, ed. by S. Kuttner and K. Pennington. Vatican, 1985). P. 327–330.

⁸² *Burns*. Jews and Moors. P. 53; *González Ruíz*. Constitución 10a. P. 261.

идеальные представления составителей о том, как должно быть устроено общество, они, по большей части, еще и имели весьма ограниченное правоприменение (по крайней мере, до официального провозглашения Партид действующим правом в 1348 г.). Поэтому на основании рассмотренных источников ни в коем случае нельзя делать выводов, «как обстояло дело с обращением в Леоно-Кастильском королевстве во второй половине XIII в.». Конечно, хотя все или почти все указанные концепции существовали лишь в теории, эта теория имела определенные конкретные основания. Джон Толан справедливо отмечает, что хотя в законодательстве практически нет признаков *convivencia*, а, например, в архитектуре и изобразительном искусстве они налицо, в реальности эти крайности уравнивались⁸³, и ни один тип источников не может дать полной картины происходившего. Законы в стремлении улучшить существующий порядок и исправить недостатки предоставляют немало информации о том, что именно монарх считает неправильным.

Наконец, весьма интересной и плодотворной представляется попытка сравнить статус иудаизма и ислама в кастильском христианском обществе в контексте проблемы религиозного обращения. В чем разница между обращенными иудеями и обращенными мусульманами? Между вероотступниками, впавшими в иудаизм и в ислам? Сопоставляя отношение к иудеям и мусульманам в каноническом праве, Д. Фрайденрайх⁸⁴ рассмотрел все возможные варианты, существующие в различных источниках церковного происхождения (иудеи хуже, мусульмане хуже, и те и другие равно плохи), и не пришел к однозначному заключению. В целом, иудаизм считался в каноническом праве большим заблуждением, но отношение могло меняться в соответствии с конкретными географическими, политическими и идеологическими условиями.

Историографическая полемика на тему о том, кто представлялся более серьезным врагом Альфонсо X, основывается, главным образом, на законах Седьмой Партиды. В этом споре превалирует мнение, что к исламу он испытывал большую антипатию, чем к иудаизму, поскольку в данном случае к религиозному противостоянию примешивался страх перед сильным военным врагом⁸⁵.

⁸³ Tolan J. V. Au-delà des mythes de la coexistence interreligieuse: contacts et frictions quotidiens d'après des sources juridiques de l'Espagne médiévale // Cahiers de la Méditerranée. 2013. № 86. P. 236.

⁸⁴ Freidenreich D. M. Muslims in Western canon law, 1000–1500 // Christian-Muslim Relations: A Bibliographical History. Vol. 3 (1050–1200), ed. by D. Thomas and A. Mallett. Leiden, Boston, 2011. P. 41–68.

⁸⁵ См.: Carpenter. Alfonso X and the Jews. P. 104; *Idem*. Minorities in Medieval Spain. P. 276; *Idem*. Alfonso X y los moros. P. 232; O'Callaghan. Rey Sabio. P. 150; Valdeón Barúque J. Judíos y conversos en la Castilla Medieval. Valladolid, 2000. P. 35; Tolan. Saracens. P. 190; Salvador Martínez. Convivencia. P. 191, 194.

Обратная точка зрения⁸⁶ основана на том, что ненависть к евреям имеет существенно более глубокие корни в христианской культуре и подпитывалась целым набором традиционных мифов — отсюда упоминание ритуального убийства евреями христианских младенцев в одном из законов титула «Об иудеях»⁸⁷. И если иудеи — давние враги, отрицающие все, что дорого мусульманам, то мусульмане хотя бы признают Иисуса пророком. Эта точка зрения в определенной степени подтверждается «Кантигами», где напрямую сказано, что евреи — заклятые враги Девы Марии, «хуже мавров»⁸⁸.

В действительности, если обратиться к тексту Седьмой Партиды и сравнить содержание 24-го и 25-го титулов, мы увидим, что тот из них, который посвящен иудеям, по большей части состоит из штампов христианской антииудейской традиции и законодательства. Помимо сообщения о ритуальных убийствах там содержится запрет выходить на улицу в Святую пятницу (Part. VII.24.2), запрет занимать должность, связанную с управлением христианами (Part. VII.24.3), а также постановление об обязательном ношении отличительного знака на одежде (Part. VII.24.11). При этом известно, что сам Альфонсо и его приближенные держали целый ряд придворных евреев, занимавших вполне официальные должности, неотделимые от власти над христианами⁸⁹, а постановления IV Латеранского собора о ношении отличительного знака в Кастилии практически полностью саботировались королями и епископами в равной мере вплоть до XIV в.⁹⁰ Так что можно быть вполне уверенными, что включение соответствующих норм в Партиды имело характер сугубо формального повторения — они не только исполнялись на практике, но и вряд ли подразумевалось их исполнение на практике. Именно в силу давних традиций христианского антииудейского законодательства в титуле «Об иудеях» больше громких и велеречивых запретов, чем в титуле «О маврах».

Последний, однако, явно имеет существенно большую связь с реальностью, чем с идеологией. Дело, разумеется, не в исполнимости законов на

⁸⁶ См.: *Ratcliffe*. Judíos y musulmanes en la jurisprudencia. P. 435; *Idem*. Judíos y musulmanes en las Siete Partidas. P. 249; *González Jiménez M.* Alfonso X y las minorías confesionales de mudéjares y judíos // *Alfonso X: aportaciones de un rey castellano a la construcción de Europa*, coord. por M. Rodríguez Llopis, Murcia, 1997. P. 83–84.

⁸⁷ E por que oymos decir, que en algunos lugares los Julios fizieron, e faxen el dia del Viernes Santo, remembrança de la Passion de nuestro Señor Jesu Cristo, en manera de escarnio, furtando los niños, e poniendolos en cruz... (Part. VII.24.2).

⁸⁸ ...dos judéus, séus ãemigos, | a que quér peor ca mouros (Cant. 348).

⁸⁹ См., напр.: *González Jiménez*. Alfonso X y las minorías. P. 74; *Salvador Martínez H.* Alfonso X, the Learned: A Biography. Leiden, Boston, 2010. P. 418–420; *Roth*. Alfonso X. P. 19.

⁹⁰ *Roth N.* «Badge, Jewish» // *Medieval Jewish Civilization: An Encyclopedia*, ed. by N. Roth. New York, London, 2003. P. 68–69.

практике (о чем мы говорили выше), а в том, что они в большей степени основаны на процессах, происходивших в обществе, и явлениях, наблюдавшихся вокруг. Они посвящены религиозному обращению (8 законов), ограничению сексуальных контактов и дипломатической неприкосновенности. Последний закон уж точно не может иметь ничего общего с церковными правилами и имеет сугубо светский характер. С религиозной точки зрения иудаизм представляет большую опасность, потому что, как сказано в «Зерцале», «евреи, которые придерживаются старого закона, который, как мы верим, Бог дал Моисею, и это доказано многими пророками и многими святыми, и их закон — начало и свидетельство нашего, тогда как «мавры и язычники хотя и имеют веру, отличную от нашей, не имеют твердого закона, который можно доказать пророками или святыми»⁹¹. Статус мавров обусловлен в первую очередь политическими отношениями, а религиозная составляющая отходит на второй план⁹². Однако именно по этой причине к маврам, к крещеным мусульманам и к апостатам, принимающим ислам, относятся с большей подозрительностью — это не просто религиозные противники, а потенциальные шпионы врага. Возможно, поэтому описание тягот, ожидающих конверса из числа мусульман, подробнее и красочнее, чем аналогичное описание, касающееся крещеных евреев. Первоочередная важность именно политического аспекта заставляет законодателей вводить причудливую (и вряд ли имеющую или даже способную иметь основания в каноническом праве) норму о снятии наказания с тех апостатов, перешедших в ислам, которые оказывают христианскому правительству услуги военного характера. Присутствие этого закона в Партидах наглядно демонстрирует, что для их составителей вполне светские военные интересы стояли выше церковной идеологии, и даже такой, казалось бы, сугубо духовный вопрос, как религиозное обращение, рассматривался как часть продуманной государственной политики.

---

⁹¹ Esp.V.8.35.

⁹² Ср.: *Salvador Martínez*, *Convivencia*. P. 217.

REFERENCES

1. *Abulafia D.* The Servitude of Jews and Muslims in the Medieval Mediterranean: Origins and Diffusion // *Mélanges de l'Ecole Française de Rome. Moyen Age.* 1990. № 112. P. 687–714.
2. *Ashtor E.* The Jews of Moslem Spain. 3 vols. Philadelphia, 1973.
3. *Assis Y. T.* The Golden Age of Aragonese Jewry. Community and Society in the Crown of Aragon, 1213–1327. London, 1997.
4. *Beinart J.* ¿Cuándo llegaron los judíos a España? Jerusalén, 1962.
5. *Bowman J. A.* Infamy and Proof in Medieval Spain // *Fama: The Politics of Talk and Reputation in Medieval Europe*, ed. by T. S. Fenster, D. L. Smail, Ithaca, London, 2003. P. 95–117.
6. *Bulliet R.* Conversion to Islam in the Medieval Period: An Essay in Quantitative History. Harvard, 1979.
7. *Burns R. I.* Christian-Islamic Confrontation in the West: The Thirteenth-Century Dream of Conversion // *American Historical Review.* 1976. № 76. P. 1386–1434.
8. *Burns R. I.* Jews and Moors in the Siete Partidas of Alfonso X the Learned: a Background Perspective // *Medieval Spain: Culture, Conflict, and Coexistence. Studies in Honour of Angus MacKay*, ed. by R. Collins and A. Goodman. Basingstoke, New York, 2002. P. 46–62.
9. *Cantera Montenegro E.* Cristianos y judíos en la meseta norte castellana: La fractura del siglo XIII // *Del pasado judío en los reinos medievales hispánicos*, coord. por Y. Moreno Koch, R. Izquierdo Benito. Cuenca, 2005. P. 45–88.
10. *Carpenter D. E.* Alfonso X and the Jews: Commentary on Siete Partidas 7. 24 «De los judíos». Berkeley, 1986.
11. *Carpenter D.* Alfonso X y los moros. Algunas precisiones legales, históricas y textuales con respecto a Siete Partidas 7.25 // *Al-Qantara. Revista de estudios árabes.* 1986. № 7. P. 229–252.
12. *Carpenter D. E.* Minorities in Medieval Spain: The Legal Status of Jews and Muslims in the Siete Partidas // *Romance Quarterly.* 1986. № 33. P. 275–287.
13. *Casar M. F. G.* El tratamiento de los judíos en los fueros de la familia Cuenca-Teruel // *Revue des études jueves.* 1985. № 144. P. 27–37.

14. *Chernina L.* 'Non gente sed fide Judaeus' and 'fide et gente Hebraeus': To the problem of the apostasy in al-Andalus in the 9th century ['Non gente sed fide Judaeus' i 'fide et gente Hebraeus': k probleme verootstupnichestva v al-Andaluse 9 v.] // *Centaurus: Studia classica et medievalia*. 2008. № 5. P. 136–152.
15. *Cohen J.* *The Friars and the Jews: The Evolution of Medieval Anti-Judaism*. Ithaca, London, 1982.
16. *Echevarría Arsuaga A.* Implicaciones políticas y sociales de la conversión al cristianismo en tiempos de Fernando III y Alfonso X el Sabio // Sevilla 1248. Congreso internacional conmemorativo del 750 aniversario de la conquista de la ciudad de Sevilla por Fernando III, rey de Castilla y León, ed. por M. González Jiménez. Sevilla, 2000. P. 873–880.
17. *Freidenreich D. M.* Muslims in Western canon law, 1000–1500 // *Christian-Muslim Relations: A Bibliographical History*. Vol. 3 (1050–1200), ed. by D. Thomas and A. Mallett. Leiden, Boston, 2011. P. 41–68.
18. *García Moreno L. A.* *Los judíos de la España antigua: Del primer encuentro al primer repudio*. Madrid, 2005.
19. *García y García A.* Judíos y moros en el ordenamiento canónico medieval // Encuentro de las tres culturas. Actas del II Congreso Internacional. Toledo, 1985. P. 167–181.
20. *González Jiménez M.* Alfonso X y las minorías confesionales de mudéjares y judíos // Alfonso X: aportaciones de un rey castellano a la construcción de Europa, coord. por M. Rodríguez Llopis, Murcia, 1997. P. 71–89.
21. *González Ruíz R.* La Constitución 10ª del Concilio de Peñafiel (1302) // El Legado material hispanojudío, coord. por A. M. López Alvarez, R. Izquierdo Benito, 1998. P. 247–264.
22. *Grayzel S.* *The Church and the Jews in the XIIIth Century*. Philadelphia, 1933.
23. *de Jong M.* Adding insult to injury: Julian of Toledo and his *Historia Wambae* // *The Visigoths from the migration period to the VIIth century. An ethnographic perspective*, ed. by P. Heather. Woodbridge, 1999. P. 373–402.
24. *Kaplan G.* 'Como no deben ser apremiados los judíos que se tornan cristianos': The sentencia-Estatuto and the Legacy of Alfonso X, el Sabio's Siete Partidas // *Quaderni Ibero Americani*. 1998. № 83–84. P. 33–49.
25. *Kedar B.* Muslim Conversion in Canon Law // *Kedar B.* *The Franks in the Levant. 11th to 14th Centuries*. Aldershot, 1993, XIV (first published: *Proceedings of the Sixth International Conference of Medieval Canon Law*, Berkeley, 1980, ed. by S. Kuttner and K. Pennington. Vatican, 1985). P. 321–332.

26. *Ladero Quesada M. A.* La población de reinos y ciudades en la baja Edad Media española (de finales del siglo XIII al comienzos del XVI) // Boletín de la Real Academia de Historia. 2014. № 201. P. 37–78.
27. *Martin G.* Le concept de ‘naturalité’ (naturaleza) dans les ‘Sept Parties’ d’Alphonse le Sage // e-Spania. 2008. № 5 (онлайн: <http://e-spania.revues.org/10753>; дата обращения 28.01.2015).
28. *Monsalvo Antón J. M.* Cortes de Castilla y León y minorías // Las Cortes de Castilla y León en la Edad Media. Valladolid, 1988. Vol. 2. P. 143–191.
29. *O’Callaghan J. F.* The Mudejars of Castile and Portugal in the Twelfth and Thirteenth Centuries // Muslims under Latin Rule, 1100–1300, ed. by J.M. Powell. Princeton, 1990. P. 11–56.
30. *O’Callaghan J. F.* El Rey Sabio. El reinado de Alfonso X de Castilla. Sevilla, 1999.
31. *Philips W.* Slavery from Roman Times to the Early Transatlantic Trade. Manchester, 1985.
32. *Ratcliff M.* Judíos y musulmanes en la jurisprudencia medieval española // Revista Canadiense de Estudios Hispánicos. 1985. № 9 (3). P. 423–438.
33. *Ratcliffe M.* Judíos y musulmanes en las Siete Partidas de Alfonso X // Alfonso X el Sabio, vida, obra y época: Actas del Congreso Internacional. Vol. 1. 1998. P. 237–249.
34. *Ray J.* The Sephardic Frontier: The Reconquista and the Jewish Community in Medieval Iberia. Ithaca, London, 2008.
35. *Ríos de la Llave R.* Discrimination Against the Jewish Population in Medieval Castile and León // Religion and Power in Europe: Conflict and Convergence, ed. by J. Carvalho. Pisa, 2007. P. 53–76.
36. *Roitman G.* Alfonso X, el rey Sabio ¿Tolerante con la minoría judía? Una lectura emblemática de las Cantigas de Santa María // Emblemata. 2007. № 13. P. 31–177.
37. *Roitman G.* El judaísmo en el país de los espejos: emblemática y simbología judeo-hispánicas, Zaragoza, 2010.
38. *Roth N.* Alfonso X // Medieval Jewish Civilization: An Encyclopedia, ed. by N. Roth. New York and London, 2003. P. 19–20.
39. *Roth N.* «Badge, Jewish» // Medieval Jewish Civilization: An Encyclopedia, ed. by N. Roth. New York, London, 2003. P. 67–70.
40. *Salvador Martínez H.* Alfonso X, the Learned: A Biography. Leiden, Boston, 2010.
41. *Salvador Martínez H.* La convivencia en la España del siglo XIII. Perspectivas alfonsíes. Madrid, 2006.
42. *Sánchez-Arcilla Bernal J.* La ‘teoría de la ley en la obra legislativa de Alfonso X el Sabio // Alcanate. 2008–2009. № 6. P. 81–123.

43. *Simon L. J.* Jews in Legal Corpus of Alfonso el Sabio // *Comitatus*. 1987. № 18. P. 80–97.
44. *Solórzano Telechea J. A.* Justicia y el ejercicio del poder: la infamia y los «delitos de lujuria» en la cultura legal de la Castilla medieval // *Cuadernos de la historia del derecho*. 2005. № 12. P. 313–353.
45. *Tartakoff P.* Christian Kings and Jewish Conversion in the Medieval Crown of Aragon // *Journal of Medieval Iberian Studies*. 2011. № 3, 1. P. 27–39.
46. *Tolan J. V.* Au-delà des myths de la coexistence interreligieuse: contacts et frictions quotidiens d'après des sources juridiques de l'Espagne médiévale // *Cahiers de la Méditerranée*. 2013. № 86. P. 225–236.
47. *Tolan J. V.* *Saracens: Islam in the Medieval European Imagination*. New York, 2002.
48. *Valdeón Baruque J.* *Judíos y conversos en la Castilla Medieval*. Valladolid, 2000.

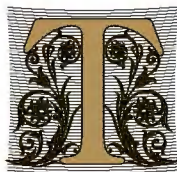

Ключевые слова:

религиозное обращение, Альфонсо X, конфессиональные меньшинства.

Lyubov V. Chernina

PROBLEMS OF RELIGIOUS CONVERSION IN THE LEGAL WORK OF ALFONSO X

The article is dedicated to the varieties of religious conversion in Castile in the 13th century, mainly as they appear in the legal sources of Alfonsine era. A noticeable Jewish minority existed in medieval Christian states of the Iberian Peninsula alongside with a larger Muslim one. The Church and in some way the State encouraged the members of these groups to adopt Christianity. This was the main purpose of different measures some of which found their reflection in «Fuero Real», «Espesculo» and «Siete Partidas»: protection of the converts' property, the regulation of marital relations in connection with the change of faith, establishment of punishments for those who prevent an individual from the conversion to Christian society. Special attention is paid to the apostasy — a rejection of Christianity for Judaism or Islam, and to the methods to impede it, suggested by Alfonso's jurists. It is widely agreed that the laws which regulated the religious conversion in the secular legal theory of the 13th century mostly copy the existed canon law. However the analysis demonstrates that the process of composition of laws was influenced both by the ecclesiastic tradition and the immediate military and political interests of Castile.

 Любовь Витальевна Чернина

Ph.D., Еврейский университет, Иерусалим

Е.А. Чернова

ОБНОВЛЕНЧЕСКИЙ МИТРОПОЛИТ А.И. ВВЕДЕНСКИЙ: ЛИЧНОСТЬ КАК ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРОЕКТ

Введенский известен как один из инициаторов и руководителей обновленческого раскола, главный его идеолог. По высказыванию А.Э. Левитина-Краснова и В.М. Шаврова, авторов самых обстоятельных и подробных воспоминаний о нем, «биография Введенского — это в какой-то мере биография того движения, наиболее выдающимся представителем которого он является»¹. В какой мере? Где в развитии обновленческой карьеры А.И. Введенского можно видеть «биографию движения», а где — его собственную?

Советское обновленчество изначально являлось государственным проектом. Публикация документов «Политбюро и Церковь. 1922–1925» содержит свидетельства, восстанавливающие направленные на организацию в 1922 г. внутрицерковного раскола действия государственной власти². Необходимость борьбы с Церковью представлялась руководству страны, по образному выражению составителей сборника документов о политике По-

¹ *Левитин-Краснов А.Э., Шавров В.М.* Очерки по истории русской церковной смуты. В 3 т. Küssnacht, 1978. Т. 1. С. 12.

² Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. 1922–1925 / Сост. Н.Н. Покровский. Кн. 1. М.; Новосибирск, 1997. Кн. 2. 1998.

литбюро в отношении Церкви, «азбучной истиной»³. Следовало лишь решить «проблемы тактики»⁴. Она выработывалась постепенно. Непростой тактической задачей становился поиск способов разрушения Церкви изнутри. На фоне конфискации церковных ценностей для помощи голодающим было решено наиболее видное духовенство во главе с патриархом Тихоном, называемое властями «черносотенным», привлечь к суду за «контрреволюционную» деятельность, в то же время отколоть от «тихоновской» иерархии «советскую» часть священнослужителей и использовать ее для организации внутрицерковного раскола. Патриарх на время следствия был заключен под арест в московском Троицком подворье на Самотеке и, таким образом, лишался возможности управлять Церковью.

12 мая 1922 г. «советская» группа священнослужителей, в состав которой входил и А.И. Введенский, посетила в Троицком подворье патриарха Тихона и добилась устной договоренности о решении вопросов церковного управления. 18 мая на повторном приеме у патриарха этой группой духовенства была получена письменная резолюция о временной передаче в их управление канцелярии, что они ложно представили перед духовенством и прихожанами как добровольный отказ патриарха от власти.

Так, в мае 1922 г. по инициативе нескольких священнослужителей был произведен захват церковной власти, положивший начало обновленческому расколу. Вряд ли может быть опровергнут тот факт, что не любой человек мог подходить для реализации такого проекта. Слова Г.В. Плеханова, высказанные им в известной работе «К вопросу о роли личности в истории», вполне могут характеризовать вопрос о роли личности А.И. Введенского в развитии обновленчества и, напротив, о влиянии обновленчества на него: «...личности благодаря данным особенностям своего характера могут влиять на судьбу общества. Иногда их влияние бывает даже очень значительно, но как самая возможность подобного влияния, так и размеры его определяются организацией общества, соотношением его сил»⁵.

Исполнял ли А.И. Введенский только государственные инициативы в организации обновленческого раскола в 1922 г., или же он руководствовался в своих поступках личностными идеями, а может быть — и идеалами?

А.И. Введенский, по воспоминаниям А.Э. Левитина-Краснова и В.М. Шаврова, часто говорил о том, что пошел в церковь, имея твердое намерение

³ Там же. Кн. 1. С. 29.

⁴ Там же.

⁵ Плеханов Г.В. К вопросу о роли личности в истории // Избранные философские произведения. В 5 т. М., 1956. Т. 2. С. 322.

«стать реформатором». Однако, будучи знакомы с А.И. Введенским лично, они подвергают эти высказывания сомнениям: «Вряд ли, однако, он действительно ставил перед собой такие четкие и ясные цели», и оправдывают заведомую неправдивость приверженца «твердых намерений» его личностными характеристиками: «Натура эстетическая, порывистая, экспансивная, он был человеком минуты, легко поддающимся настроению. Религиозная настроенность, свойственная ему с детства, богоискательские веяния эпохи — все это, вместе с неясными честолюбивыми намерениями, создало тип честолюбивого религиозного мечтателя, в котором искренний порыв сочетался с почти болезненной жаждой самоутверждения»⁶.

Вряд ли, в действительности, А.И. Введенский мог иметь целью церковные реформы в самом начале своей карьеры священнослужителя. С получением в 1914 г. высшего духовного образования А.И. Введенский был направлен полковым священником в Гродно и на протяжении двух лет, до перевода в Петербург в качестве священника в аристократическую церковь Николаевского кавалерийского училища, его работа состояла в проповеди «войны до победного конца».

Впоследствии в этом факте его дообновленческой и в то же время дореволюционной биографии видели способность приспосабливаться к новым условиям, а в его честолюбии рассматривали отнюдь не романтические черты, а меркантильные. Весьма характерно высказывание современника А.И. Кузнецова: «Александр Введенский был ничтожеством, корыстным попутчиком всего, что сулило ему личную выгоду. У него не было убеждений, он руководствовался исключительно жаждой власти и денег. С Керенским — он защитник лозунга “Война — до победного конца”, с новой советской республикой он ратует за лозунг “Долой войну”»⁷.

Такие эпитеты, как «ничтожество», «корыстный попутчик», полностью лишают автора объективности. В то же время и видевшие в А.И. Введенском «тип честолюбивого религиозного мечтателя» сознаются в эмоциональном отношении к нему: «Я хотел написать о нем все, что я знаю. И почувствовал, что не могу этого сделать. Слишком дорог мне этот человек и сейчас, чтоб я мог писать о нем объективно, и слишком острую боль вызывают у меня некоторые воспоминания. Не говоря уж о том, что еще живы многие близкие к А.И. Введенскому люди и я должен щадить их чувства»⁸.

⁶ Левитин-Краснов А.Э., Шавров В.М. Указ. соч. С. 11.

⁷ Кузнецов А.И. Обновленческий раскол в Русской Церкви // «Обновленческий» раскол (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики). М., 2002. С. 540.

⁸ Левитин-Краснов А.Э., Шавров В.М. Указ. соч. Т. 3. С. 390.

А.И. Введенский. Фото из журнала *Life*. 1941 г.

И те, кто осуждает А.И. Введенского, и те, кто его оправдывает, видят в нем прежде всего человека. Во многом, видимо, потому, что современники практически не выходили за рамки личностных суждений.

Действительно, определиться как сторонник вполне определенных церковных реформ и их активный подвижник А.И. Введенский мог только после наступления революции и избрания патриарха. Во-первых, потому, что все его дальнейшие реформы были направлены на формирование союзнических отношений новой Церкви с большевистской властью; во-вторых, и потому, что эти реформы были направлены против патриаршества.

Возможная при монархии форма управления Церковью — синодальная была разрушена с наступлением революции, должна была возникнуть новая церковная организация. Пока в 1917–1918 гг. работал Поместный собор, восстановивший патриаршество и избравший в качестве предстоятеля Церкви патриарха Тихона, возникали различные церковные группы. На этом фоне по инициативе нескольких петроградских протоиереев образовался Союз демократического духовенства и мирян.

Союз избрал председателем протоиерея Рождественского, а секретарем — Введенского⁹. «Что являлось тогда вашей целью?» — спросил А.Э. Левитин-Краснов однажды Александра Ивановича Введенского. «Создание христианско-социалистической партии», — ответил он¹⁰. Таким образом, уже сразу после революции, сразу после прихода к власти большевиков, в условиях, пока еще с падением Синода не была определена новая церковная иерархия, будущие обновленцы определились со своей политической идеологией, основой которой стали дореволюционные размышления о сходстве моральных ценностей христианства и социализма.

Избрание патриарха было встречено повсюду верующими с восторгом. А.И. Введенский же заявлял, что в январе 1918 г. он имел беседу с протопресвитером Г. Шавельским, во время которой было высказано намерение уже тогда отколоться от патриарха. А.Э. Левитин-Краснов и В.М. Шавров считают, что никакими конкретными данными это намерение не подкрепляется; и заключают, что, скорее всего, мы «здесь имеем дело с одним из тех разговоров, которые (как говорят французы) сочиняют, спускаясь с лестницы»¹¹. Однако вполне возможно не согласиться с таким мнением: к январю 1918 г. христианско-социалистическая партия, одним из возглавителей которой являлся А.И. Введенский, уже была создана. И самим фактом своего существования она противопоставлялась официальной новоизбранной патриаршей иерархии, которая для власти большевиков была воплощением монархических настроений. Если уже сразу после революции целью создания такой партии со стороны петроградских протоиереев была прежде всего политическая, т.е. союз с новой социалистической властью, то к январю 1918 г. создатели такой партии уже вполне могли осознать свои принципиальные и непреодолимые идеологические и политические расхождения с патриаршей иерархией. Противопоставляя себя патриархии, обновленцы противопоставляли себя и враждебным партии большевиков монархистам, обращались против врагов новой государственной власти, одним из которых становилась патриаршая Церковь. Поскольку в последующие годы государственная власть только усиливала гонения на Церковь, то можно заключить, что дальнейший путь обновленцев во многом был определен уже в 1918 г. И вполне возможно, что осознание этой определенности по времени со-

⁹ А.И. Введенский подробно пишет о деятельности «либерального» духовенства после революции в книге «Церковь и государство. Очерк взаимоотношений Церкви и государства в России (1918–1922 гг.)». (М., 1923).

¹⁰ *Левитин-Краснов А.Э., Шавров В.М.* Указ. соч. Т. 1. С. 31.

¹¹ Там же. С. 46–47.

впадает с пресловутым разговором А.И. Введенского с протопресвитером Г. Шавельским о желании отколоться от патриарха.

Откровенная политизированность петроградского Союза должна была руководить действиями его членов и в последующие годы. В событиях политической жизни государства, однако, Союз долгое время оставался незаметным, настроения его создателей практически игнорировались высшей церковной иерархией. Проходившее до наступления 1922 г. время, год за годом, А.И. Введенский называет «периодом затишья»¹².

Однако понимание необходимости союза с государственной властью и предрешенности развития взаимоотношений государства и патриаршей Церкви, со всей очевидностью, должно было влиять на развитие планов церковной реформы со стороны обновленцев. В 1919 г. А.И. Введенский добивался разрешения на создание обновленческой организации. В 1919 г. он удостоился аудиенции у Г. Зиновьева, возглавлявшего Петроградский совет. А.И. Введенский предложил конкордат — широкое соглашение между советским правительством и реформированной православной церковью, на что, согласно воспоминаниям А.Э. Левитина-Краснова и В.М. Шаврова, получил следующий ответ: «Конкордат в настоящее время вряд ли возможен, но я не исключаю его в будущем, так как вообще являюсь сторонником свободы вероисповеданий и, как вы знаете, делаю все от меня зависящее, чтобы избежать каких-либо ненужных обострений в отношениях с церковью у нас в Петрограде. Что касается вашей группы, то мне кажется, что она могла бы быть зачинателем большого движения в международном масштабе. Если вы сумеете организовать нечто в этом плане, то, я думаю, мы вас поддержим»¹³.

Одновременно с попытками ведения диалога с представителями государственной власти А.И. Введенский выступал на диспутах, писал статьи. Уже на первых диспутах определилась его последующая роль талантливого идеолога обновленчества, умевшего овладевать вниманием людей¹⁴.

Союз демократического духовенства и мирян в то же время публиковал журналы, в которых размещались и статьи А.И. Введенского. Так, один из номеров журнала «Божья Нива» был посвящен памяти о. Иоанна Крон-

¹² Введенский А.И. Церковь и государство. С. 4.

¹³ Цит. по: Левитин-Краснов А.Э., Шавров В.М. Указ. соч. Т. 1. С. 53.

¹⁴ О его выступлениях на диспутах оставили воспоминания многие современники. См. напр.: Форш О.Д. Летошний снег. М.—Л., 1925. С. 113—114; Лосский Н.О. Воспоминания. Жизнь и философский путь. М., 2008. С. 192; Врангель М.Д. Моя жизнь в советском раю // Архив русской революции, издаваемый И.В. Гессеном. Т. 4. Берлин, 1922. С. 194 (Репринтное издание — М., 1991); и др.

штадтского. Статья А.И. Введенского «Божественная литургия и Иоанн Кронштадтский», по справедливому мнению А.Э. Левитина-Краснова и В.М. Шаврова, представляет огромный интерес для характеристики ее автора. Введенский заявляет, что Иоанн Кронштадтский — вечный пример для священнослужителей. «Конечно, — говорит автор, — дело не во внешней копировке его манер, а в создании в себе такого же литургийного творчества, огненного предстояния перед страшным Престолом Вседержителя, чем был так переполнен о. Иоанн. Ибо природа подлинного религиозного чувства такова, что она меньше всего считается с внешностью. Экстаз есть высшая форма молитвенного воспарения к Богу, а во внешности он может разразиться эпилептическими судорогами»¹⁵.

Оправдывая «эпилептические судороги» во время литургического служения, А.И. Введенский оправдывает собственную манеру служения. И во время церковных проповедей, и во время выступлений на диспутах он впадал в истерическое состояние.

В то же время умение оправдать манеру служения можно абсолютизировать в умение вообще оправдывать себя и свои действия при необходимости. А.Э. Левитин-Краснов и В.М. Шавров объясняют подобную пластичность мышления А.И. Введенского декадентством, в котором ищут причины идейной спутанности, смещения моральных ценностей, беспринципности. В то же время во всех устных и письменных выступлениях А.И. Введенского сказываются широкая образованность, интеллигентский либерализм. Эти черты нашли свое отражение и в дореволюционном реформаторском движении, и в советском обновленческом расколе. Поэтому фигура А.И. Введенского является связующим звеном между этими двумя периодами. Его индивидуальные черты, сформированные до революции, были перенесены и развивались на почве советского обновленчества, влияя на характер этого явления в целом.

Политические и карьерные амбиции А.И. Введенского, несомненно, присутствовавшие в этом человеке, нашли свое воплощение после раскола Церкви на патриаршую и советскую — в 1922 г. Произошло это тогда, когда государственная власть, наконец, стала связывать планы раскола Церкви изнутри с группой реформистски настроенного духовенства. Таким образом, задачи обновленцев и большевиков кардинально расходились: если первым нужно было реформировать Церковь, то вторым — ее уничтожить. Противоречия этих разных задач определили пути развития обновленчества и карьерную, а иногда и личную биографию его представителей, и особенно — А.И. Введен-

¹⁵ Цит. по: *Левитин-Краснов А.Э., Шавров В.М.* Указ. соч. Т. 1. С. 31.

А.И. Введенский с женой. Фото из журнала *Life*. 1941 г.

ского, одного из главных его идеологов. С момента возникновения церковного раскола его личность развивалась как государственный проект.

Уже в ходе кампании по изъятию церковных ценностей А.И. Введенский действует полностью в соответствии с требованиями контролирующих органов ГПУ. Внешнее выражение его энтузиазма — лишь выражение внешнего образа и манеры поведения. А.И. Введенский в Петрограде начинает вести агитацию в пользу передачи ценностей. А.Э. Левитин-Краснов вспоминает, как «он начал с того, что произнес потрясающую проповедь о муках голодающего народа и в искреннем порыве, на который он порою был способен, сняв с себя серебряный наперсный крест, положил его на блюдо “Помгола”»¹⁶.

За внешним искренним порывом скрывается предварительное участие в допросе близкого ему коллеги и друга А.И. Боярского, который после ареста и обвинения в «антисоветской агитации» летом 1921 г. предлагал свои услуги в сборе продналога, в привлечении пожертвований хлебом и овощами, в пожертвованиях церквями золотых и серебряных вещей в фонд помощи голодающим, в сборе денежных пожертвований¹⁷. В ходе кампа-

¹⁶ Левитин-Краснов А.Э., Шавров В.М. Указ. соч. Т. 1. С. 58.

¹⁷ Фирсов С.А. «Рабочий батюшка». Штрихи к портрету обновленческого «митрополита» Александра Ивановича Боярского // Вестник ПСТГУ. 2005. № 4. С. 84.

нии по изъятию ценностей А.И. Введенский и А.И. Боярский в равной мере проявили себя как люди, готовые к всемерному сотрудничеству с властью большевиков. Оба почти ежедневно выступали с докладами, призывая верующих отдавать ценности. Логично, что в оформившейся одновременно этим событиям группе прогрессивного петроградского духовенства присутствовали оба эти священнослужителя.

Привлечение советского духовенства к изъятию ценностей нужно было власти и для того, чтобы противопоставить его патриаршей иерархии на последующих судебных процессах. Московский судебный процесс над привлеченной к ответственности по обвинению в сопротивлении изъятию ценностей группой духовенства проходил с 26 апреля по 8 мая 1922 г. Таким образом, захват церковной власти должен был произойти непосредственно после судебных заседаний, где обновленцы выступали на стороне обвинения, и, соответственно, почва для их действий в Москве была подготовлена. Главные действующие лица успели запятнать свою репутацию в процессе московских благочинных.

А.И. Введенский вспоминал о времени своего прибытия в Москву из Петрограда: «Когда мы приехали в Москву, там было непередаваемое нервное настроение»¹⁸. Вместе с ним приехали священник Евгений Белков, псаломщик Стефан Стадник. А.Э. Левитин-Краснов и В.М. Шавров сообщают о их настроении: «Введенский беспокоило метался по вагону: то выходил на площадку, то возвращался в купе, то открывал, то закрывал окно, священник Белков отхлебывал чай из стакана и взволнованно говорил о последней новости; псаломщик, которого неизвестно для чего захватили с собой батюшки и который, видно, должен был представлять “демократическое низшее духовенство”, — робко сидел в углу»¹⁹.

Члены петроградской группы прибыли в Москву в понедельник 9 мая 1922 г.; пятница 12 мая — день, который был впоследствии признан днем рождения обновленческого раскола. Обновленцами, в том числе А.И. Введенским, были подписаны предварительно составленные в политбюро ходатайства о помиловании обвиненных. С одной стороны, текст обвинения, с другой — ходатайства за осужденных, затем — обращение во все возможные инстанции, по высказыванию А.И. Введенского, «где можно, и где, может быть, и нельзя»²⁰. Принадлежность инициативы и осуждения, и ходатайства за осужденных государственным структурам, в частности политбю-

¹⁸ *Введенский А.И.* Церковь и революция. Пг., 1922. С. 19.

¹⁹ *Левитин-Краснов А.Э., Шавров В.М.* Указ. соч. Т. 1. С. 76.

²⁰ *Введенский А.И.* Церковь и революция. С. 19.

ро, свидетельствует о том, что А.И. Введенский и другие обновленцы были только исполнителями государственных инициатив. Эти действия продиктованы отнюдь не идейными соображениями.

Поведение А.И. Введенского в тот момент, когда поезд подъезжал к Москве, выдает его действительные настроения этого времени. И он не отрицает влияния на него ГПУ. А.Э. Левитин-Краснов, в частности, вспоминает:

«— За всем ходом событий в мае 1922 года, — говорил я Введенскому, — чувствуется чья-то дирижерская палочка. — Безусловно, — получил я в ответ. — Было место, в котором делалась религиозная погода.

— Где же оно было, это место?

— А вас это очень интересует?

— Конечно!

— А я вам не скажу. Сами догадайтесь, раз хотите быть историком, а иначе какой же вы историк, если не понимаете самых простых вещей?»²¹

Однако, видимо, захват высшей церковной власти и раскол с патриаршей иерархией идейно нисколько не противоречил позиции А.И. Введенского относительно патриаршего управления Церковью, оформившейся еще в 1918 г. И сотрудничество с властью, с этой точки зрения, может рассматриваться не как вынужденное, а как желанное. А.И. Введенский ни в одном источнике, из сохранившихся и известных исследователям, не выдает каких-либо сожалений о противоречии отстранения патриарха от власти своим собственным намерениям.

В то же время положение Высшего церковного управления в Москве было нелегким, так как оно было крайне недоброжелательно и недоверчиво встречено верующим народом.

Выполнив задачу захвата власти в Москве, А.И. Введенский снова был направлен в Петроград для выполнения в этом городе идентичной задачи. Здесь он должен был склонить на сторону обновленчества митрополита Вениамина, которому был обязан своей карьерой. В ином случае митрополита Вениамина ждал арест и как крайняя мера наказания — расстрел, что и произошло. И центральная роль в этих событиях принадлежала А.И. Введенскому.

В это время и в Москве и в Петрограде проходили религиозные диспуты А.И. Введенского. Колоритно изображает один из диспутов, состоявшихся летом 1922 г. в Петрограде с участием А.И. Введенского, Ольга Форш: «Говорит главный в черном подряснике, в белых башмаках. Крест кокетливо, на тонкой цепочке, чуть-чуть, как брелок. Революционно — нет, митинго-

²¹ Левитин-Краснов А.Э., Шавров В.М. Указ. соч. Т. 1. С. 76–77.

во — говорит об изъятии ценностей, о черносотенной пропаганде, о Соборе в Карловцах, где духовенству предложена была тактика белых генералов: восстановить дом Романовых. От быстроты то вздетых, то опущенных рук струятся складки подрясника, широкий рукав обцелкивает запястье, голос пронзительно бьет по слуху. В конце речи он побеждает, большинство вовлекается в истерический его вихрь... Протоиерей кончил речь. Вдруг, побледневший, он выкликнул: «Какая гибель, какая пустота в душе без Христа!» Как-то покачнулся, минуту казалось — упадет и забудется. Нет, дошел. Сел и вдруг жалко улыбнулся. Улыбка, беспомощная и замученная, на миг сделала его похожим на одного из безумных апостолов Врубеля»²².

С одной стороны, личность А.И. Введенского была широко известна благодаря его участию в религиозных диспутах, с другой — его общеизвестной ролью в московском и петроградском судебных процессах над духовенством.

Авторы «Очерков по истории русской церковной смуты» с трудом находят объяснение поступкам А.И. Введенского этого времени: «Является величайшей загадкой, каким образом А.И. Введенский — добрый, сердечный человек, к тому же — искренне религиозный, мог с такой непостижимой легкостью переступить через людское горе — слезы и кровь. И думается, что разгадка в том опьяняющем действии, которое оказывал на него успех... «А вы знаете, хорошо быть триумфатором, хорошо...» — говорил он одному из авторов как-то с мечтательной улыбкой, видимо, вспоминая свои прошлые «триумфы». Эта болезненная жажда успеха странно сочеталась у него с религиозным порывом. «Если взять мою внутреннюю жизнь, то она вся полна света, и внешним выражением ее является успех, иногда триумфальный успех», — записывал он 12 сентября 1939 года в дневнике, в день своего пятидесятилетия»²³.

Светские публичные диспуты, как правило, проходили успешно. Однако петроградское духовенство не приняло его как представителя уже сформированного в Москве Высшего церковного управления и как человека, причастного к суду над митрополитом Вениамином. В Сергиевом подворье на Фонтанке его выступление перебили на первом же слове. «Представьте себе, — вспоминал А. И. Введенский, — я им хотел сказать: в ваших интересах я действовал, ваши глупые головы спасал. Куда там, зарычали, как звери, двинулись на меня с кулаками. Ну, я вижу, надо убираться. Смотрю, вблизи меня знакомый священник, тоже окончивший университет; беру его под

²² Форш О.Д. Летошний снег. С. 114.

²³ Левитин-Краснов А.Э., Шавров В.М. Указ. соч. Т. 1. С. 106.

А.И. Введенский со своим сыном от первого брака, с женой и сыном, у себя дома.
Фото из журнала Life. 1941 г.

руку: о. Серафим, пойдемте. А он мне: я с вами никуда не пойду, — вырвал руку и отошел. И вот стою я один перед разъяренной толпой. Тут подскочил ко мне Боярский — старый друг. “Что такое, что такое; я пойду с тобой, о. Александр, иди-ка за мной”. Распростер руки и кричит: “Отцы и братья! человека не троньте! человека не троньте!” — и провел меня к выходу. Вышли на лестницу — а там полным-полно разъяренного народа. Какие-то две женщины подскочили ко мне и истерически крикнули: “О. Александр, спасите владыку митрополита!” — я положил им руку на голову — и опрометью бежать — гонятся за мной. Представляете себе картину: какой-то молодой священник в белом подряснике и плисовых сапогах бежит по Невскому, а за ним с диким ревом толпа: “Бей! Лови! Держи его!” Наконец я вскочил на ходу в трамвай и уехал...»²⁴

Оставшись в 1922 г. в Петрограде, А.И. Введенский наряду с другими петроградскими священнослужителями составил оппозицию московской группе «Живой Церкви», возглавляемой протоиереем В.Д. Красницким. В то же время разногласия по поводу женатого епископата не позволяли объединиться с «Союзом церковного возрождения», возглавляемого епископом Антонином Грановским. И А.И. Введенский возглавил Союз общин

²⁴ Левитин-Краснов А.Э., Шавров В.М. Указ. соч. Т. 1. С. 110.

древлеапостольской Церкви. Таким образом, обновленчество не только отделилось от патриаршей иерархии, при посредничестве ГПУ, оно и изнутри не являлось единым движением. Объединение с патриаршей иерархией обновленчества не было в принципе возможным. В 1923 г. целью обновленческого Поместного собора в Москве стало лишение патриарха не только сана, но и монашества. В 1925 г. именно доклад А.И. Введенского на втором московском обновленческом Поместном соборе был использован для того, чтобы пресечь любые попытки к объединению обновленцев и «тихоновцев». «Список сторонников Введенского на Соборе, — вспоминают А.Э. Левитин-Краснов и В.М. Шавров, — это худшая рекомендация для его тогдашней позиции. Петр Сергеев, Алексей Дьяконов, Николай Платонов — все трое, заведомые агенты ГПУ — такова “партия” Введенского»²⁵.

В это время антирелигиозная печать использовала разногласия между различными церковными организациями для пропаганды социалистической идеологии. Поскольку мировоззренческие, идеологические основания обновленчества преподносились как неподходящие для существования в Советском государстве, то и представители этого движения высмеивались как «попы», больше всех успевшие в приспособлении к правильному социализму. В печати создавался образ «попа»-обновленца. В июньском номере журнала «Безбожник» за 1923 г. сообщалось и мнение народа об обновленцах: «Не поп, а Макс Линдер»²⁶. Советская пресса высмеивала обновленцев сравнением их с этим актером как церковных нэпманов. Вероятнее, что отнесение такого сравнения на счет «народа» — лишь публицистический маневр.

Образ Макса Линдера приписывался в первую очередь самой известной в обновленчестве фигуре, А.И. Введенскому. Роль в создании «христианского социализма»²⁷, карьерные достижения в рамках обновленчества и широкая известность стали поводом для выбора именно его фигуры в качестве главного прототипа представителей движения. Так, одна из карикатур Д. Моора на облик А.И. Введенского сопровождалась лишь одной, но емкой фразой: «ВЕЛИКОЕ БЕЗЛИКОЕ. Мне 36 лет, и я уже митрополит, и верую, что буду патриархом, а Христос был первый социалист»²⁸. Искаженным представало в видении авторов — атеистов и излагаемое А.И. Введенским

²⁵ Левитин-Краснов А.Э., Шавров В.М. Указ. соч. Т. 3. С. 156.

²⁶ См.: Троцкий С.В. Что такое «Живая Церковь» // «Обновленческий раскол» (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики). М., 2002. С. 126.

²⁷ Обновленческий «христианский социализм» использовался в качестве контрастного фона к правильному государственному социализму.

²⁸ Безбожник у станка. 1926. № 10. С. 11.

научное понимание обоснований существования души, Бога. «Шарлатанство» А.И. Введенского противоречило материалистическому видению существования человека²⁹.

Таким образом, основные направления деятельности А.И. Введенского, и церковные реформы, и защита религии на публичных диспутах были использованы властью для его дискредитации как представителя обновленческого движения. Если от церковных реформ отвернулся народ, то форма и манера выступлений А.И. Введенского на диспутах высмеивались антирелигиозными пропагандистами. Его называли «артистом в рясе»³⁰. Образ артиста дополнялся не только манерой выступлений, но и гастроями по провинции. На протяжении нескольких лет афиши с его фамилией демонстрировались в разных городах России, вплоть до Владивостока, где собиравшаяся публика изумлялась тому, что он «защищает Бога».

Роль А.И. Введенского в развитии обновленчества несколько изменилась только в военных условиях, уже незадолго до его смерти. В это время он активно вел религиозно-патриотическую деятельность. В августе 1941 г. митрополит Виталий отказался от власти и передал ее А.И. Введенскому. Свое вступление на вершину духовной власти он отметил введением нового титула: «Святейший и блаженнейший Первоиерарх Московский и всех Православных Церквей в СССР». Эпитеты «Святейший» и «блаженнейший» были заимствованы из титула Грузинского Патриарха Католикоса. Что касается титула «Первоиерарх», то, по воспоминаниям А.Э. Левитина-Краснова, А.И. Введенский со свойственным ему юмором говорил следующее: «Не знаю, не знаю, это новый сан. Поэтому я и сам не знаю своих полномочий. Вероятно, они безграничны»³¹.

Однако он был вынужден эвакуироваться в Ульяновск, где в его распоряжении был единственный храм, а по возвращении из Ульяновска в Москву его положение никак не изменилось — в его распоряжении и здесь оставался только один храм, в котором он сослужил вместе со своими сыновьями до своей смерти в 1946 г., которая является и датой прекращения обновленчества. Так, став к середине 1920-х гг. благодаря своей широкой известности центральной фигурой в обновленческом расколе, А.И. Введенский достиг вершин карьеры в обновленчестве и основные даты его карьеры — одновременно и важные вехи в развитии обновленчества. Поэтому в том числе и его личная жизнь стала частью его обновленческой биогра-

²⁹ Там же. 1928. № 8. С. 4.

³⁰ Кузнецов А.И. Указ. соч. С. 348.

³¹ Левитин-Краснов А.Э., Шавров В.М. Указ. соч. Т. 3. С. 377.

фии. Трудно найти человеческое в его личности, за чертами его характера скрываются требования времени, служба обновленчеству.

Видимо, экзальтированность была внешней, а направлением действий все же руководила рациональность. Хотя импозантность часто затмевает определенную логическую направленность и целеустремленность всех его действий, со времени создания Союза демократического духовенства и мирян. До самой своей смерти он не принес покаяния и не примирился с патриаршей иерархией. Во многом из-за своего честолюбия, видимо, не всегда все же исключительно корыстного, обусловленного жаждой власти и денег, как о нем писал один из его современников.

REFERENCES

1. Arhivyi Kremlya. Politbyuro i Tserkov. 1922–1925 [Archives of the Kremlin. Politburo and the Church. 1922–1925] / Sost. N.N. Pokrovskiy. Kn. 1. M.; Novosibirsk, 1997. 599 p. Kn. 2. 1998. 647 p.
2. Bezbozhnik u stanka [Atheist at the bench]. 1926. № 10. 23 p.
3. Bezbozhnik u stanka [Atheist at the bench]. 1928. № 8. 23 p.
4. *Firsov S.L.* «Rabochiy batyushka». Shtrihi k portretu obnovlencheskogo «mitropolita» Aleksandra I. Boyarskogo [«Working priest». Strokes to the portrait of the renewed «metropolitan» Alexander I. Boyarsky] // Vestnik PSTGU. 2005. № 4. P. 67–90.
5. *Forsh O.D.* Letoshniy sneg [Summer snow]. M.; L., 1925. 130 p.
6. *Kuznetsov A.I.* Obnovlencheskiy raskol v Russkoy Tserkvi [Renewal split in the Russian Church] // «Obnovlencheskiy» raskol (Materialyi dlya tserkovno-istoricheskoy i kanonicheskoy harakteristiki). M., 2002. P. 129–605.
7. *Levitin-Krasnov A.E., Shavrov V.M.* Ocherki po istorii russkoy tserkovnoy smutyi [Essays on the history of Russian church trouble]. V 3 t. Küssnacht, 1978. T. 1. 296 p.
8. *Losskiy N.O.* Vospominaniya. Zhizn i filosofskiy put [Memories. Life and the philosophical path]. M., 2008. 400 p.
9. *Plehanov G.V.* K voprosu o roli lichnosti v istorii [To the question of the role of the individual in history] // Izbrannyye filosofskie proizvedeniya. V 5 t. M., 1956. T. 2.
10. *Troitskiy S.V.* Chto takoe «Zhivaya Tserkov» [What is the «Living Church»?] // «Obnovlencheskiy raskol» (Materialyi dlya tserkovno-istoricheskoy i kanonicheskoy harakteristiki). M., 2002. P. 65–127.
11. *Vrangel M.D.* Moya zhizn v sovetskom rayu [My Life in Soviet Paradise] // Arhiv russkoy revolyutsii, izdavaemyiy I.V. Gessenom. T. 4. Berlin, 1922. P. 198–214.
12. *Vvedenskiy A.I.* Tserkov i gosudarstvo. Ocherk vzaimootnosheniy Tserkvi i gosudarstva v Rossii (1918–1922 gg.) [Church and state. An outline of

- the relationship between Church and state in Russia (1918–1922)]. М., 1923. 252 p.
13. *Vvedenskiy A.I. Tserkov i revolyutsiya* [The Church and the Revolution]. Pg., 1922. 31 p.

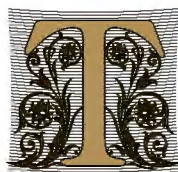

Ключевые слова:

А.И. Введенский, обновленчество, личность как государственный проект, обновленческое Высшее церковное управление.

Elizaveta L. Chernova

RENOVATIONIST METROPOLITAN A.I. VVEDENSKY: PERSONALITY AS A STATE PROJECT

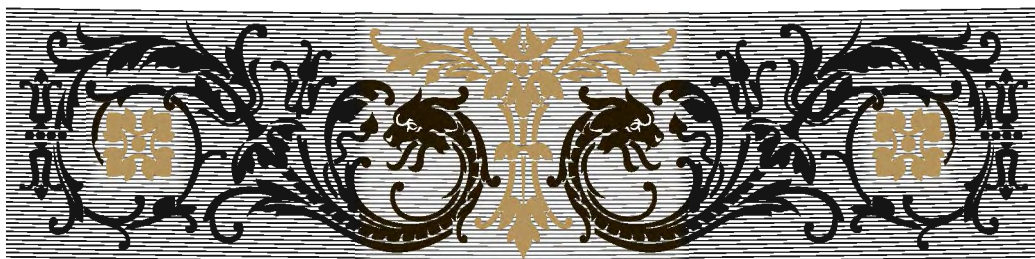

The article analyzes the biography of the Renovationist Metropolitan A.I. Vvedensky in the context of the history of a movement where he was the main ideologist. Soviet Renovationism was a state initiative, therefore comes the question about whose interests were represented by the executors, personal or public appears. The author discovered the willingness of A.I. Vvedensky to perform any, sometimes contradictory, demands of the Soviet government since the Church split in 1922. Therefore, a conclusion is made that since 1922 the personality of A.I. Vvedensky was developed as a government project.

However, all the actions performed by A.I. Vvedensky contained a personal component. He would emphasize his ideological commitment to the Church reforms, a sincere rejection of the Patriarchal control over the Church, and since 1918, had been seeking an alliance with the Government. At the debates and Renovationist sermons, the Metropolitan would speak with an external solemnity that proved his loyalty to the Renovationist ideas. But after the Renovationism collapsed and until his dying day, he did not do penance which would provide him with a modest though peaceful life. He was continuously restrained by his ambition which was also underlined by many contemporaries.

 Чернова Елизавета Леонидовна

кандидат исторических наук, ассистент кафедры источниковедения
Высшей школы источниковедения и вспомогательных исторических
дисциплин факультета архивного дела Историко-архивного института
Российского государственного гуманитарного университета

Е.Е. Рычаловский

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ И РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ ИМПЕРИИ В ПЕРЕПИСКЕ ИРКУТСКИХ ГУБЕРНАТОРОВ И ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРОВ С ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТЬЮ. 1760–1790-е гг.¹

Вопросам управления Сибирью в дореволюционной России отведено немалое место в отечественной и зарубежной историографии. Исследования на данную тему посвящены как общим проблемам организации управления, так и частным — отношениям с аборигенным населением, формированию служилого сословия, снабжению городов продовольствием и т. д.² Предметом ряда работ стала деятельность отдельных сибирских ад-

¹ Статья подготовлена в рамках совместного проекта РГНФ и Национального центра научных исследований Франции № 14–21–17001 «Россия и Западная Европа: пространство европейской культуры (с начала XVIII века до конца 1920-х годов)».

² См., напр.: *Рафиенко А.С.* Управление Сибирью в 20–80-е годы XVIII в. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1968; *Котылов А.Н.* Управление и политика царизма в Сибири в период феодализма // Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1971. С. 102–111; *Маркова И.Б.* Вопросы организации управления Сибирью периода позднего феодализма в советской историографии // Вопросы историографии Сибири и Алтая. Барнаул, 1988. С. 51–63; *Шишкин В.И.* Государственное управление Сибирью в XVII–XIX веках: основные особенности организации и функционирования // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XX вв. Новосибирск, 1998. С. 3–36; *Рабцевич В.В.* Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск, 1984; *Она же.* Государственные учреждения дореформенной Сибири. Последняя четверть XVIII — первая половина XIX в.: Справоч-

министраторов³. При этом недостаточно внимания, на наш взгляд, уделяется одному из аспектов деятельности сибирских воевод, губернаторов и генерал-губернаторов — их роли в географических открытиях, совершенных русскими землепроходцами и моряками. Объясняется это тем, что решающая роль в организации экспедиций принадлежала либо самим монархам, таким как Петр I, либо центральным органам власти и управления (Сенат, Кабинет министров, Адмиралтейств-коллегия) и Академии наук. Исключения составляют сибирские губернаторы князь М.П. Гагарин, Ф.И. Соймонов, отчасти В.А. Мятлев. Их вклад в формирование географических представлений о территории Центральной Азии и Сибири отмечен в некоторых исследованиях⁴.

Весьма перспективным представляется изучение вопроса, до какой степени в XVIII столетии, когда русские экспедиции в Северо-Восточной Азии и в северной части Тихого океана впервые получили международный резонанс и позволили стереть многие белые пятна с географических карт, сибирские губернаторы выступали трансляторами сформулированной в правительственных кругах идеи поисков и присоединения новых земель и до какой — сами являлись «соавторами», подверглась ли эта идея трансформации в условиях «просвещенной монархии». Под этим углом зрения в настоящей статье рассмотрена переписка губернаторов времени правления Екатерины II с самой императрицей и рядом должностных лиц в Петербурге: губернатора Сибирской, а затем Тобольской губернии Д.И. Чичерина (1763—1780)⁵, иркутских губернаторов — К.Л. фон Фраундорфа (1765—1767), А.И. Бриля (1767—1774), Ф.Г. Немцова (1774—1778), Ф.Н. Клички (1779—1783) и генерал-губернаторов

ник. Челябинск, 1998; *Быкопя Г.Ф.* Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII — начале XIX в. Формирование военно-бюрократического дворянства. Красноярск, 1985; *Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995; *Акишин М.О.* Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: организация и состав государственного аппарата. М.; Новосибирск, 2003; *Lantzeff G.V.* Siberia in the Seventeenth Century: A Study of the Colonial Administration. Berkeley, 1943; *Raeff M.* Siberia and the reforms of 1822. Seattle, 1956 и др.

³ *Кишкин А.С.* О просветительной деятельности Ф.Н. Клички в Иркутске в 1779—1783 годах // Известия СО АН СССР. Серия общественных наук. 1972. Вып. 1. № 1. С. 19—28; *Рафиенко А.С.* Лоренц Ланг и Восточная Сибирь // Известия СО АН СССР. Серия общественных наук. 1977. Вып. 2. № 6. С. 126—132; *Гольденберг А.А.* Каторжанин — сибирский губернатор. Жизнь и труды Ф.И. Соймонова. Магадан, 1979; Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы / Под ред. В.В. Коновалова. Тюмень, 2000. С. 23—137.

⁴ *Евсеев Е.Н.* Экспедиция И.Д. Бухолца и основание Омской крепости // Города Сибири (Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период) / Отв. ред. О.Н. Вилков. Новосибирск, 1974. С. 47—59; *Гольденберг А.А.* Указ. соч.

⁵ Привлечена переписка только за 1764—1773 гг.

И.В. Якоби. Портрет XVIII в.

И.В. Якоби (1783–1788), И.А. Пиля (1788–1794)⁶. В означенный период именно на подчиненную им территорию приходилась бóльшая часть экспедиций и связанных с ними открытий. Их доля в переписке того или иного губернатора, затрагивавшей очень широкий круг вопросов, разумеется, неодинакова, так как на время их руководства приходилось неравномерное число событий в области географии. При этом были привлечены источники, позволяющие судить о приложении к конкретным условиям возложенных на губернаторов общих задач, — инструкции нижестоящим областным начальникам.

Уже с начала XVII в. сибирские воеводы должны были исполнять ряд функций, тесно связанных с географическими открытиями, хотя такого понятия тогда еще не существовало. Им следовало заботиться о сборе ясака с местных племен, а одним из способов пополнения казны являлось распространение царской власти на новые земли. Так, в наказе тобольскому воеводе боярину князю М.Я. Черкасскому от 1 сентября 1697 г. об этом сказано: «...А которые будут землицы невеликия подошли к Тобольску, а ясак с тех землиц по ся места в государскую казну не иман, и ближним боярину и воеводам князю Михайлу Яковлевичу с товарищи велети в те землицы посылать служилых людей, и тех землиц ясачных людей призывать и приводить под государеву царскую высокую руку и ясак с них имати...» С этой целью

⁶ Биографические статьи о деятельности перечисленных администраторов см.: Власть в Сибири XVI — начала XX века / Сост. М.О. Акишин, А.В. Ремнев. Новосибирск, 2002. С. 214–215, 221–223, 230–232.

А.М. Черкасский. *Портрет XVIII в.*

воеводам следовало посылать «служилых людей новых землиц проведывати и приводити под его, великого государя, высокую руку»⁷. Подобный пункт содержится в наказах верхотурским воеводам с той же датой⁸, тарскому воеводе стольнику М.Д. Тургеневу от 29 июля 1693 г.⁹ и нерчинскому воеводе стольнику Ю.Б. Бибикову от 5 января 1701 г.¹⁰ В последнем наказе предусматривалось и насильственное приведение в русское подданство людей «новых землиц», если те «учнуг чиниться непослушны»¹¹.

Знания о сопредельных землях и населяющих их народах несли и разведывательные экспедиции — «отъезжие станицы» служилых людей, посылать которые также вменялось в обязанность воеводам для предотвращения нападения калмыков, киргиз-кайсаков и сибирских татар («Ишимовых детей и внучат»)¹².

Инструкция, или наказ, воеводам января 1719 г. хотя и послужила основой для инструкции сибирскому губернатору князю А.М. Черкасскому,

⁷ ПСЗ—1. Т. 3. № 1594. С. 351.

⁸ Там же. № 1595. С. 388.

⁹ Там же. № 1670. С. 589–590. Примечательно, что в наказах тарским воеводам 1611 и 1633 гг. такой статьи нет (см.: Там же. С. 551–581).

¹⁰ Там же. Т. 4. № 1822. С. 108–109.

¹¹ Там же. С. 109–110.

¹² См. указы тобольскому воеводе М.Я. Черкасскому, верхотурским воеводам, тюменскому воеводе стольнику О.Я. Тухачевскому от 16 января 1699 г., тарскому воеводе М.Д. Тургеневу (Там же. Т. 4. № 1594. С. 345; № 1595. С. 381; № 1670. С. 538, 585).

направленной ему 10 июля того же года¹³, тем не менее не содержит положений, которые учитывали бы специфику управления азиатскими окраинами Российского государства. О проведывании «новых земель» здесь не говорится ни слова. Как показывает инструкция астраханскому губернатору А.П. Волынскому июля 1720 г., очевидно, именно на этот институт местной власти правительство отныне возлагало задачу приведения других народов «в подданство и протекцию Царского Величества»¹⁴.

В связи с неспособностью к управлению Сибирью губернатора П.И. Бутурлина и произошедшими от этого «конфузиями и непорядками» 27 августа 1740 г. из Кабинета Е. И. В. был объявлен именной указ, по которому Сенат должен был составить инструкцию будущему губернатору¹⁵. 5 сентября того же года последовал указ из Сената в Сибирский приказ, которым последнему было поручено «все о управлении губернских дел и о прочем, что до оного управления принадлежит, состоявшиеся указы и определения свести и, прежеданная губернатором той губернии инструкции собрав... прислать в Сенат...»¹⁶. В архиве Сибирского приказа, в частности, нашелся упомянутый выше наказ нерчинскому воеводе 1701 г. и ни одной инструкции сибирским губернаторам¹⁷. Возможно, именно из наказа 1701 г. в новую инструкцию перешло положение о присоединении «немирных земель»¹⁸. Инструкция была вручена очередному сибирскому губернатору И.А. Шипову и действовала до проведения в Сибири в 1782–1783 гг. екатерининской областной реформы¹⁹. «Наставление губернаторам» от 21 апреля 1764 г. было составлено без учета особенностей отдельных губерний, а потому обязанность присоединять новые территории и приводить в царское подданство «необъясаченные» народы сюда не вошла²⁰.

Однако помимо наказов и инструкций, поощряющих поиски и присоединение земель, сибирские воеводы и губернаторы руководствовались и отдельными указами вышестоящих властей об организации экспедиций. Трудно определить, когда впервые географическая задача, в близком к современному пониманию этого слова, была поставлена местному органу

¹³ Там же. Т. 5. № 3294. С. 624–632.

¹⁴ Там же. Т. 6. № 3622. С. 226 (статья 58).

¹⁵ Там же. Т. 11. № 8218. С. 229. См. также: Рафиенко А.С. Инструкция сибирскому губернатору 1741 г. // Археографический ежегодник за 1973 год. М., 1974. С. 58–67.

¹⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 8. Д. 5459. Л. 1.

¹⁷ Там же. Л. 3, 12 об.

¹⁸ Рафиенко А.С. Инструкция... С. 63.

¹⁹ Там же. С. 59.

²⁰ ПСЗ–1. Т. 16. № 12137. С. 716–720.

управления в Сибири. Тем более что даже определение цели Первой Камчатской экспедиции — установить, соединяется ли Азия с Америкой, — как чисто географической справедливо подвергают сомнению²¹. В основном же различные указы и инструкции начала XVIII в., хотя и содержат положения формально географического характера, по сути ставят вполне утилитарные цели. Так, в указе сибирского губернатора М.П. Гагарина от 26 июля 1713 г. Якутской приказной палате было велено послать из Якутска на Камчатку одного человека из детей боярских и 12 чел. служивых людей «для проводывания чрез Ламское (Охотское. — Е. Р.) море камчацкого пути»²². В одной из статей инструкции якутского обер-коменданта стольника В.И. Гагарина якутскому воеводе Д.А. Траурнихту и подьячему И. Татарину от 9 сентября 1710 г. определена более масштабная задача: «Которой остров значит против Удского устья в море проводывать всякими мерами, сколь он велик и какие люди и под чьим владением живут. С Ламы проводывать чрез море путь на Камчатку. Которые острова в море значат против Ковымского устья и против Камчатской земли, и те острова проводывать с великим прилежным радением, какие на тех островах живут люди, и под чьим владением, и чем питаются, и сколь те острова велики, и много ль морем от материка расстояние...»²³ В свою очередь, Д.А. Траурнихт и И. Татарин возложили обязанность обследовать острова, расположенные напротив Камчатки в «Окияне Восточном», в частности Курильские, а также разведать морской путь от камчадальских острогов к Тоуйскому и Ламскому на якутского казачьего десятника В. Савостьянова в наказе от того же дня²⁴. Трехдневная задача «проводывания новых земель и островов», присоединения новых территорий с их населением (призыв «немирных иноземцев под самодержавнейшую его царского величества высокую руку в ясачной платеж») и открытия новых торговых путей (в данном случае в Японию) формулируется в именном указе Петра I и в последовавшем на его основании указе сибирского губернатора М.П. Гагарина начальнику Большого Камчатского наряда полковнику Я.А. Ельчину от 16 июля 1716 г.²⁵ И в дальнейшем «географическая» деятельность сибирских губернаторов, а после 1764 г. — и иркутских, состояла из этих трех аспектов, что нашло отражение и во многих их рапортах, доношениях и реляциях в Петербург.

²¹ См., напр., об этом: Ефимов А.В. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. Первая половина XVIII века. М., 1948. С. 18–30.

²² Памятники сибирской истории XVIII века. СПб., 1885. Кн. 2: 1713–1724. С. 38.

²³ Там же. С. 522.

²⁴ Там же. СПб., 1882. Кн. 1: 1700–1713. С. 421–423, 427.

²⁵ Русские экспедиции... М., 1984. С. 28–29.

Иркутская губерния была выделена из состава Сибирской по именному указу Сената от 19 октября 1764 г. Однако распределение между Тобольской и новой, Иркутской, губерниями «живущих к Северу и Камчатке народов с их землями» оставалось на совместное обсуждение обоих губернаторов с последующей «апробацией»²⁶. Это давало основание Д.И. Чичерину, вставшему во главе еще целостной Сибирской губернии 10 апреля 1763 г.²⁷, по-прежнему ведать Якутским уездом, Охотским портом и Камчаткой, а заодно и экспедициями, организованными в данном регионе. Возможно, причастность Чичерина к последним вытекала также из существования Секретной для заграничных обращений комиссии в Тобольске, созданной в мае 1754 г. для руководства возобновленной Камчатской (затем Нерчинской) экспедиции²⁸. Первая официальная экспедиция екатерининского правления была организована в ответ на реляцию Д.И. Чичерина от 11 февраля 1764 г., в которой тот, сообщая об открытиях промышленниками островов Уналашка и Умнак, сокрушался, что «сей доныне скрытой талант подданным вашего и. в. выходит на театр чрез самых простых и неученых людей»²⁹. Поставленный во главе экспедиции капитан-лейтенант П.К. Креницын помимо врученной ему инструкции Адмиралтейской коллегии должен был руководствоваться и наставлениями губернатора «в расположении вашего и подчиненных ваших пути, в снабдении вас для исправления помянутой комиссии подлежащими вспоможениями и удовольствиями», в том числе в постройке морских судов³⁰. Отправку материалов экспедиции (карты и подлинного журнала) также предусматривалось осуществить через Чичерина³¹. Уже в реляции от 11 октября 1764 г. губернатор отчитался о первых предпринятых им мерах по содействию экспедиции. Там же он сообщил и о проявленной им до получения указа инициативе: «командировал из Охоцкого порту на купеческих судах четырех человек морских служителей для примечания и сочинения журналов», а также направил ор-

²⁶ ПСЗ—1. Т. 16. № 12269. С. 944.

²⁷ Власть в Сибири XVI — начала XX века / Сост. М.О. Акишин, А.В. Ремнев. Новосибирск, 2002. С. 214.

²⁸ Там же. С. 129—130. Упразднена именным указом на доклад Сената в мае 1765 г. (РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 33. Л. 38).

²⁹ Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в.: Сборник документов. М., 1989. С. 75. Экспедиция П.К. Креницына организована по именному указу Адмиралтейской коллегии от 4 мая 1764 г. (Там же. С. 76), а 28 мая последовал именной указ Д.И. Чичерину (РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 35. Л. 35). Текст последнего указа не обнаружен.

³⁰ Там же. С. 78, 80.

³¹ Там же. С. 79.

Д.И. Чичерин. *Портрет XVIII в.*

дер главному командиру Охотского порта капитану флота В.А. Ртищеву «о приуготовлении к нынешнему лету морских судов — брегантина, гукора и галиота, — ис которых первой и второй строением ко окончанию приходят, а последней починкою в наилучшую исправность приведен, и к ним строятца елботы». Правда, губернатор был вынужден воздержаться от отправления на этих судах офицеров из Охотска, «получа известие о неспособности их за старостию»³². Д.И. Чичерин снабдил Креницына дополнением к инструкции, обосновав это ссылкой на не дошедший до нас именной указ: «...По великой же Сибири отдаленности ея и. в. всевысочайше соизволила отправление сей экспедиции препоручить мне и што б пристойное и мне сведомое по здешним обстоятельствам к данной вам инструкции приполнить, всевысочайше указать соизволила»³³. В дальнейшем Д.И. Чичерин неоднократно уведомлял Екатерину II о ходе экспедиции³⁴. В одной из реляций мы находим весьма патетическую оценку открытий и присоединения новых земель: «Всевышний Бог благополучное Вашего Императорскаго Величества государствование благословяет и, к вечной славе под державою Вашего Императорскаго Величества расширением Российской

³² РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 35. Л. 35 об.— 36.

³³ Русские экспедиции... М., 1989. С. 97. Инструкция от 4 марта 1765 г. (Там же. С. 97–100).

³⁴ См. реляции от 16 февраля, 13 мая и 24 ноября 1765 г., 22 сентября 1766 г., 29 декабря 1766 г., 10 сентября 1769 г. (РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 34. Л. 44–44 об., 50, 84 об.— 85, 104; Д. 35. Л. 40; Д. 45. Л. 1).

империи щедротами своими награждая, открывает другия, дон[ы]не всему свету неизвестныя и нечаенныя в близости сибирских границ ко изысканию новостей пути...»³⁵ Здесь мы видим шаг от оценки подобных открытий в XVII — начале XVIII в. только как «прибытка государевой казне».

Д.И. Чичерин продолжал сообщать в Петербург и о плаваниях к Алеутским островам промышленников — нежинского купца Прокопия Лисенкова и селенгинского Андреяна Толстых³⁶. Несмотря на сетования, что новые острова открывают «непросвещенныя науками люди»³⁷, губернатор считал результаты плавания Толстых настолько важными, что позволил себе в реляции императрице «всеподданнейшее и рабское принести поздравление приведенными в подданство Вашего Императорскаго Величества и в платеж ясака неизвестными донныне шестью Алеутскими островами»³⁸. Как видим, пополнение государственной казны в представлении губернатора, да и высшей власти, остается одним из критериев значимости географических открытий.

Единственной экспедицией, организованной Д.И. Чичериным по собственной инициативе (по рапорту главного охотского командира Ф. Плениснера), была экспедиция на Медвежьи острова в 1767–1768, 1769, 1770 и 1771 гг. во главе с подпоручиком С. Андреевым и вместе с геодезии прапорщиками И. Леонтьевым, И. Лысовым и А. Пушкаревым³⁹. Побудительной причиной стали походы на острова в 1763–1764 гг. того же Андреева, который будто бы видел с пятого острова неясные очертания наподобие земли⁴⁰. Перед губернатором открывалась перспектива открытия большой земли, возможно даже оконечности североамериканского континента к северу от устья Колымы, поэтому в ордере Плениснеру он рекомендовал разведывательной партии: «ежели... дальнейшия места одно за другим открываются будут, а инова препятствия не окажетца, как толко повреждение от теплоты адам, чтоб к возвращению обратно для того не спешили, а изы-

³⁵ Там же. Д. 45. Л. 1 об.

³⁶ О Лисенкове см. реляцию от 16 февраля 1765 г. с приложением экстракта описания его плавания (Там же. Д. 34. Л. 44 об.— 45, 52–62 об.); о Толстых см. реляцию от 24 ноября 1765 г. с приложенной копией рапорта А. Толстых с товарищи (Там же. Л. 48–50, 63–81 об.). Губернатор отправил императрице также карту плавания Толстых (Там же. Л. 48 об., 49–49 об.).

³⁷ Там же. Л. 50.

³⁸ Там же. Л. 48.

³⁹ См. реляции от 22 сентября 1766 г., 6 марта 1770 г. и 13 августа 1773 г. (Там же. Д. 45. Л. 1 об.— 14; Д. 52. Л. 1–2 об.; Д. 55. Л. 1–1 об.).

⁴⁰ См.: *Лебедев Д.И.* Очерки по истории географии в России в XVIII в. (1725–1800 гг.). М., 1957. С. 201–216.

скивали б на тех островах способнаго и безопаснаго места, где перелетывать бы было можно... Также и о том обстоятельно разведать, не можно ль в самое летнее время от устья Ковыми реки на те острова и далее ходить в море судами, и ежели в том способность есть, то заложить на устье Кавыми одно морское судно небольшое, чтоб и водою отправить партию»⁴¹. Экспедиция, однако, не принесла заметных результатов, кроме карты Медвежьих островов⁴². По признанию Чичерина, «ничего знатнова найтить обстоятелствы тамошня не допустили»⁴³.

Из реляций первого иркутского губернатора генерал-майора К. фон Фрауендорфа⁴⁴ Екатерине II нам удалось обнаружить лишь одну — от 19 октября 1765 г. Большая ее часть посвящена расспросу иркутского купца Нохтева, как минимум с 1757 г. делавшего представления о поисках серебряной руды и драгоценных камней в районе р. Хатанги, и оценке его показаний⁴⁵. Губернатор полагал бесполезным дать Нохтеву возможность за свой счет заниматься разысканиями: «...он по подлому своему разсудку в прииске около здешних мест полезных вещей весьма углубляетца, а статца может, что по щастию и по разведываниям ево другое что для государства полезное откроетца». Фрауендорф обещал дать купцу вознаграждение «по важности ево впредь приисков»⁴⁶. В данном случае разведка полезных ископаемых тесно связана с изучением малообследованных территорий в бассейне р. Хатанги⁴⁷. Губернатор счел нужным поощрять такого рода деятельность, но отказался от мысли заранее выделить казенные средства, когда Нохтев заявил, что сам он урочищу по Хатанге не знает, а «прежние ему в том объявители уже померли»⁴⁸.

Сохранившиеся реляции следующего иркутского губернатора, генерал-поручика А.И. Бриля, 1769—1776 гг. касаются разнообразных вопросов

⁴¹ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 45. Л. 11 об.— 12 об.

⁴² Там же. Д. 52. Л. 7 (при реляции от 6 марта 1770 г. с сотником Ф. Лобашковым). Карту и журналы экспедиции, а также «Описание, в Нижнековымской крепости и в старом Нижнековымском остроге какие каманды состоят и жителство имеют обыватели, сколько домов, каких родов лес, птицы, звери, в реках рыбы и прочее» с рисунками Д.И. Чичерин послал при реляции от 13 августа 1773 г. (Там же. Л. 1, 4—16, 17—25).

⁴³ Там же. Д. 55. Л. 1.

⁴⁴ Принял дела у иркутского вице-губернатора И. Вульфа 14 марта 1765 г. (Там же. Д. 33. Л. 41—41 об.).

⁴⁵ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 35. Л. 61—62.

⁴⁶ Там же. Л. 62.

⁴⁷ Ср. с указом сибирского губернатора М.П. Гагарина Я.А. Ельчину от 12 июля 1716 г., где говорится, в частности, о поиске полезных ископаемых на островах близ Камчатского мыса (Русские экспедиции... М., 1984. С. 28).

⁴⁸ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 35. Л. 61 об.

управления губернией (например, отношений с Китаем), но не сообщают о географических открытиях⁴⁹. Отчасти это связано с тем, что на время его губернаторства не выпало никаких правительственных экспедиций⁵⁰, а плавания промышленников стали привычными, и результаты ни одного из них в данный период не превзошли по значимости открытия А. Толстых. При этом не следует забывать, что Бриль снабжал академика Г.Ф. Миллера сведениями о плаваниях промышленников к Алеутским островам и берегам Северной Америки, в том числе копиями рапортов Камчатской Большерецкой канцелярии⁵¹. В ноябре 1772 г. он составил инструкцию М. Бему, именным указом 30 апреля того же года назначенному главным командиром Камчатки⁵². Помимо самой Камчатки с расположенными там острогами в его ведение передавались Гижигинская крепость, «Курильские и другие х Камчатке лежащие в море прежние и вновь приисканные острова и на них живущие верноподданные ясашные иноверцы»⁵³. Согласно 19-му пункту инструкции Бему предписывалось «стараться из живущих около Камчатки разных народов, яко то коряк, алютор и чюкочь, а сверх того и островных иноверцов, которы еще находятся по своей воле, приводить в подданство Ея Императорскаго Величества чрез увещания и другие ласковые с ними обхождении, как тамошние обстоятельства дозволят». Данный пункт основывался на более ранних документах, регулирующих деятельность местной администрации: на воеводском наказе от 18 февраля 1696 г. и инструкции камчатскому командиру от 20 марта 1743 г.⁵⁴ По 20-му пункту камчатский командир должен был «без малейшаго задержания» отпускать в море компанейские суда и на каждое судно назначать служителя «с казенной стороны» для сбора ясака и «описания вновь приисканных земель и островов». Кроме того, Бему предлагалось постараться «согласить» разных компанейщиков в единственную компанию⁵⁵. 21-й пункт предусматривал «обстоятельное разведание и описание всех Курильских островов, а в случае — и Японских» на средства промышленников, установление торговых отноше-

⁴⁹ Там же. Д. 51, 54. Л. 1, 2.

⁵⁰ Экспедиция П.К. Креницына и М.Д. Левашова фактически завершилась в августе 1769 г.

⁵¹ Рычаловский Е.Е. Северо-Восточная Азия и Северо-Западная Америка в географических трудах и переписке Г.Ф. Миллера. 1761–1783 годы // Век Просвещения. М., 2015. Вып. 5: География эпохи Просвещения: между воображением и реальностью. С. 62.

⁵² РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 54. Л. 3–22 об. Копия инструкции приложена к реляции А.И. Бриля Екатерине II от 1 декабря 1772 г. (Там же. Л. 2).

⁵³ Там же. Л. 3–3 об.

⁵⁴ Там же. Л. 17–17 об.

⁵⁵ Там же. Л. 17 об.— 18 об. Число таких служителей следовало дополнительно согласовать с губернатором.

Г.Ф. Миллер. Портрет XIX в.

ний с японцами. Данный пункт также предполагал возможное расширение российских владений: «...Велеть стараться показанных далних мохнатых курилцов, а ежели есть и другие какие народы, донныне в своей воли, приводить... в подданство Ея Императорскаго Величества»⁵⁶.

Отношение А.И. Бриля к организации экспедиций за казенный счет показывает судьба трех проектов, представленных ему в 1771 и 1773 гг. Штурман М. Татаринцов предлагал построить на р. Лене судно и идти на нем от устья Лены через пролив между Азией и Америкой до Камчатки. Другой проект принадлежал сибирскому дворянину Николаю Дауркину, который просил выделить ему четырех казаков и одного ученика геодезии. С ними он намеревался следовать из Иркутска до Якутска, оттуда в Колымскую крепость, затем рекой до Нижне-Колымской крепости, далее нартами на собаках до верховья р. Анюя, устья Анадыря и мыса Сердце-Камень, от мыса на санях, запряженных оленями, до Чукотского Носа, после чего он собирался переправиться на байдарках на острова (Диомида) и американский материк и вернуться через Чукотский Нос прямым ходом в Колымскую крепость и в Иркутск. Третий проект, самый сложный, представил берлинский студент Фридрих Сирин, видимо в соавторстве с купцом Ф. Шубиным: «построя на вершине Анадыря суда, отправится до устья оной, а оттуда подле берегов к Чукоцкому Носу,

⁵⁶ Там же. Л. 18 об.— 20. См. публикацию этого пункта по копии, хранившейся в «портфелях» Г.Ф. Миллера: Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. С. 142–143.

в сем месте разделясь на две партии, ему ехать на восток к земле Северной Америки, чтоб зделать описание берегов, образ житья и состояния тамошняго народа, а товарища своего, устюжскаго купца Федора Шубина, отправить для изыскания, сколько можно, пути около Чукоцкаго Носу». Для этой цели студент просил дать ему двух учеников навигации и не менее 40 человек «казаков и разночинцов желающих» на полном казенном обеспечении. Губернатор в 1773 г. поручил камчатскому командиру М. Бему выяснить, можно ли отправлять «партикулярных людей» для такого описания земель и доверить возглавить экспедицию Дауркину. Бем ответил, что «по разведыванию его чрез бывалых в Анадырске уверен он, что сколько водяною коммуникациею от устья Лены реки морем до Камчатских берегов с казенной и партикулярной стороны опытов ни было, но с невозвратным убытком сие предприятие оставалось без исполнения за невозможным обхождением Чукоцкаго Носу». Вверить же Дауркину экспедицию, «сколько он из речей его приметить мог, и по видимому его состоянию»⁵⁷ почитает неудобно». Взамен Бем предлагал отправить из Нижне-Камчатского острога судно с вооруженной командой числом не менее 50 человек, одного штурмана с учеником и опытного подпорщика Т. Перевалова, обещая, что экспедиция завершит такое описание за год. Однако в 1774 г. губернатор написал Бему: «как ко оному отправлению требуется судно вооруженное в пятидесяти человеках и на укомплектование всего потребнаго казне стать может в немалую сумму, то он сие намерение оставляет до времени»⁵⁸. Таким образом, именно затратность экспедиции, а не возможный риск для ее участников со стороны сил природы и враждебно настроенных аборигенов отразилась на решении А.И. Бриля, что неудивительно, так как соблюдение интересов казны входило в прямые обязанности губернаторов, как и прочих чиновников Российской империи.

Назначенный 21 июля 1774 г. в Иркутск «с властью губернаторскою, покуда настоящей губернатор определен будет», бригадир Ф.Г. Немцов недолго пробыл на этой должности — фактически с 1776 по 1778 г., поскольку был обвинен в злоупотреблениях и отдан под следствие⁵⁹. Соответственно немного осталось и его донесений императрице⁶⁰. В одном из них он

⁵⁷ Дауркин был чукчей, что не вызывало особого доверия властей в условиях периодических вооруженных столкновений с этим народом, еще не принявшим российского подданства.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2539. Л. 72–73. См. также: *Лебедев Д.М.* Указ. соч. С. 218; *Зуев А.С.* Присоединение крайнего Северо-Востока Сибири к России: военно-политический аспект. Вторая половина XVII–XVIII век. Дисс. ... д. ист. наук. Новосибирск, 2005. С. 476–477.

⁵⁹ Власть в Сибири... С. 221–222.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 56. Л. 1–10.

сообщает об отправлении ко двору промышленников, купцов И. Лапина и А. Орехова, с добытыми на Алеутских островах черными и чернобурыми лисицами⁶¹. О его деятельности по регулированию плаваний промышленников на Алеутские и Курильские острова свидетельствуют его письмо генерал-прокурору Сената князю А.А. Вяземскому от 24 января 1779 г.⁶² и наставление «отправляющимся ис порта Охотского и ис Камчатки для промыслу на Алеутския и Курильския и протчия лежащия в открытом море острова зверей морским компаниям» от 16 сентября 1778 г.⁶³ В первом документе описываются перспективы торговли с японцами на о. Аткис (Аккеси, бухта и селение на о. Хоккайдо), открывшиеся, по мнению местных властей, в результате плавания сибирского дворянина И.М. Антипина и передовщика Д.Я. Шабалина в 1778 г. Традиционно отмечается в качестве успеха плавания тот факт, что Шабалин «успел под высокославную ея и. в. державу в подданство мохнатых народов до полуторы тысячи душ привлечь»⁶⁴. В наставлении деятельность промышленников по приведению в российское подданство алеутов и курильцев (айнов) рассматривается и как способ «выведывать... о людности тех островов, кто с ними в соседстве и с кем ведут знакомство, и каким образом делаются их между собою свидания, далеко ли они от своего острова знают сами места и почему», не приезжали ли к ним «какие незнаемые им люди... не производили ж обсервацей и не сочиняли ж карт»⁶⁵.

В начале пребывания в губернаторской должности Ф.Н. Клички произошли события, привлечшие внимание как русских властей, так и ученого мира Европы: в 1778 г. корабли капитан-командора Д. Кука в ходе третьего кругосветного плавания прошли вдоль северо-западного берега Северной Америки и берегов Чукотки и зашли на о. Уналашку, где Кук встретился со штурманским учеником Г.Г. Измайловым и русскими промышленниками. В следующем году, после смерти Д. Кука, экспедиция под командой Ч. Клерка сделала новую попытку продвинуться в Северном Ледовитом океане в северо-западном и северо-восточном направлениях и дважды посетила Петропавловскую гавань. В июле 1779 г. Кличка получил с почтой из Якутска рапорт оренбургского войскового атамана полковника С.Ф. Кирсанова, находившегося в Гижигинской крепости для осмотра гарнизона, и приложенную

⁶¹ Донесение от 27 августа 1776 г. (Там же. Л. 5–6).

⁶² Русские экспедиции... М., 1989. С. 178–180. Написано уже после официального отрешения его от должности.

⁶³ Там же. С. 170–176.

⁶⁴ Там же. С. 179.

⁶⁵ Там же. С. 172.

им сказку коряцкого старшины Каикипа Ивакина и коряка Теккева Ахиикова. Коряки слышали от чукчей о приходивших к их берегам в 1778 г. двух европейского типа кораблях. Известие о судах, принадлежавших к неизвестно какой нации, было весьма неопределенным, видимо поэтому губернатор решил не сообщать о происшествии напрямую императрице, а направил письма генерал-прокурору А.А. Вяземскому и статс-секретарю Екатерины II А.А. Безбородко, предоставив им самим сделать доклад. Первому он направил копию сказки, второму — лишь ее изложение⁶⁶. Интересно, что и в дальнейшем, сообщая с большей или меньшей степенью информативности об экспедиции Д. Кука и полученных от англичан сведениях, Ф.Н. Кличка писал все время А.А. Вяземскому⁶⁷, но не выявлено ни одного донесения непосредственно императрице. К карте, составленной с учетом данных английской экспедиции, которую М. Бем привез с собой в Иркутск и показал губернатору, тот отнесся с некоторым скептицизмом, так как ему казалось «не совсем вероятно, что те аглинские путешественники вернейшие примечания северных американских берегов дали маиору Бему прежде, нежели своему правительству». Тем не менее Кличка приказал снять с карты копию и послал ее и карту, составленную в Иркутской навигацкой школе М. Татариновым, генерал-прокурору⁶⁸. Хотя меры безопасности на Камчатке в связи с прибытием иностранных кораблей были усилены⁶⁹, Ф.Н. Кличка считал маловероятными посягательства других держав на русские владения в этом краю: «...Опасность Камчатки, по мыслям моим, полагать инако не можно, как разве от вояжирующих и занесенных незапным случаем вооруженных судов, претерпевающих нужду большую, а чтоб держава какая ныне уже помыслила тем ползватца, сумнительно, ибо вернаго для них сокровища ни в чем означить не могут. И так я с покойным духом мало помалу умножать стану хлебопашество, воинскую команду и крепости»⁷⁰. Оценка же губернатором научных результатов третьей кругосветной экспедиции Д. Кука (они нанес-

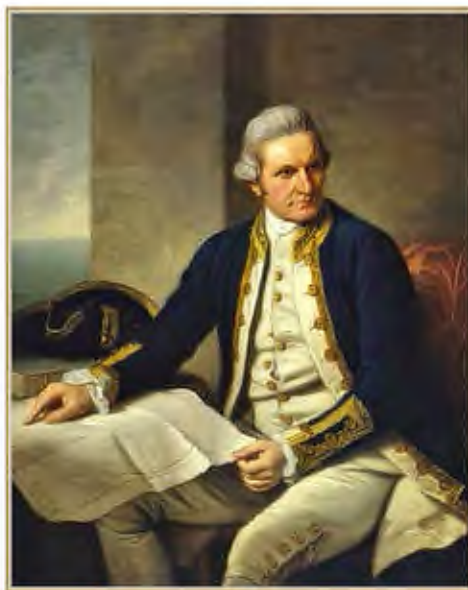
⁶⁶ Письмо Ф.Н. Клички А.А. Безбородко от 16 июля 1779 г. (РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 58. Л. 41–42), письмо А.А. Вяземскому от того же числа (Там же. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2451. Л. 48–48 об.).

⁶⁷ См. письма Ф.Н. Клички А.А. Вяземскому от 16 сентября 1779 г. (РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2529. Л. 1–1 об.), 1 ноября 1779 г. (Там же. Ф. 248. Оп. 80. Д. 6500. Ч. 1. Л. 117), два письма от 29 ноября 1779 г. (Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 58. Л. 67–67 об.; Ф. 248. Оп. 80. Д. 6500. Ч. 1. Л. 121–121 об.), 29 мая 1780 г. (Там же. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2529. Л. 51–51 об.).

⁶⁸ Там же. Ф. 248. Оп. 80. Д. 6500. Ч. 1. Л. 117–117 об.; Русские экспедиции... М., 1989. С. 183–184).

⁶⁹ См. рапорты капитана В.И. Шмалева, временно занимавшего должность главного камчатского командира после отъезда М. Бема, от 5 мая и 19 ноября 1779 г. (РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2529. Л. 35 об.— 37, 62–62 об.; Русские экспедиции... М., 1989. С. 183–184).

⁷⁰ Там же. Л. 129 об.— 130.

Д. Кук. Портрет XVIII в.

ли удар по аргументации в пользу возможности плавания Северо-Восточным или Северо-Западным проходами⁷¹) места в официальной переписке не нашла, хотя, будучи человеком весьма просвещенным, Ф.Н. Кличка вряд ли не понимал их значения.

Среди дошедших до нас реляций Ф.Н. Клички Екатерине II мы не нашли ни одной, в которой в той или иной степени говорилось о плаваниях промышленников и вообще о событиях географического характера. Очевидно, губернатор предпочитал извещать об этом генерал-прокурора, в расчете на его доклад императрице. 25 марта 1780 г. Кличка писал А.А. Вяземскому о семилетнем плавании штурмана П. Зайкова (1772–1779 гг.) к дальним Алеутским островам и Аляске и приложил описание и карту «вояжированию»⁷². 15 декабря 1781 г. после известий «о произведенных в вояже от передовщиков с работными людьми неистовых поступках»⁷³ следует сообщение о возвращении судна «Св. Павел» компании тульского оружейника А. Орехова, устюжского купца В. Шилова и соликамского — И. Лапина с

⁷¹ См., напр.: Williams G. The British Search for the Northwest Passage in the Eighteenth Century. 1962. P. 193–213.

⁷² РГАДА. Ф. 248. Оп. 80. Д. 6500. Ч. 1. Л. 174. Описание П. Зайкова см.: Там же. Л. 175–184.

⁷³ По рапорту канцелярии Охотского порта о ссоре передовщика Вторушина и его товарищей с работными людьми судна «Свв. Зосима и Савватий» компании иркутских купцов Протасовых, завершившейся смертью передовщика и трех его единомышленников, и притиснениях островитян со стороны того же Вторушина и передовщика судна «Св. Иоанн Предтеча» П. Лисенковым (Там же. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2539. Л. 45–46).

богатым промыслом⁷⁴, а в конце — о путешествии казачьего сотника И. Кобелева на Чукотку и на острова Диомида⁷⁵.

Как и некоторые его предшественники — сибирские губернаторы, Кличка предпринимал и самостоятельные действия по обследованию вверенной ему территории. Так, 1 ноября 1779 г. он извещал А.А. Вяземского о подготовке экспедиции в Приамурье и к берегам Охотского моря: «...Я отыскиваю бывалых, надежных и охочих тунгусов, кои служить могут вожатыми наряженным мною исправным геодезистам ко отправлению будущей весною для описания мест от Горбиченской крепости по вершинам рек, впадающих в Амур реку ж, до самого морского берега, а оттуда берегом до Уцкокого острова, откуда без нужды чрез Якутск возвратитца могут»⁷⁶.

Ф.Н. Кличке принадлежит проект еще одной экспедиции, который не нашел отражения в историко-географической литературе. В ходе приведения в русское подданство различных чукотских родов в Гижигинскую крепость приезжал старшина «пеших» чукчей Хергувья Яхьячев и просил капитана Т.И. Шмалева «во уверение прочих их родников... пришедших в таковое ж с ними подданство Ея Величества» отправить с ним из крепости троих служителей, с которыми он «намерение имеет следовать летним временем в байдарках на большую матерую землю⁷⁷, где жителство имеют называемыя кыгымыцы и бородатыя люди»⁷⁸. Шмалев не решился отправить своих людей и сделал представление губернатору. Тот в 1781 г. направил ордер в канцелярию Охотского порта, «чтоб она по той прозбе з дачею надлежащаго наставления для описания их земли и той матерой земли, где жителство имеют называемыя кыгиглицы и бородатыя люди, отправила находящихся в Гижиге навигацкого ученика з двумя человеки казаков, ежели он к зделанию должного описания и снятия ситуациею мест на план способен, а буде не окажется в нем сего пособия, то бы из имеющихся в Охотске из штурманских учеников послала проворного и знающаго таково описание, с таким его обнадеживанием: когда он отголь возвратится и представит все им учиненное исправно, тогда исходатайствован ему будет чин обер офицера...»⁷⁹. Такой поход состоялся меньше чем через два года. В марте 1783 г. из Гижигинской крепости были командированы штурманский ученик Белокопытов и казачий пятидесятник Инешин. В сопровождении двух

⁷⁴ С этим судном вернулся и штурманский ученик Г.Г. Измайлов, встречавшийся с Д. Куком.

⁷⁵ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2539. Л. 46, 47–47 об.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 80. Д. 6500. Ч. 1. Л. 117 об.

⁷⁷ П-ов Сьюард, расположенный напротив Чукотского полуострова.

⁷⁸ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2539. Л. 46 об.

⁷⁹ Там же. Л. 47.

проводников чукчей они добрались на «оленных подводах» до Чукотского Носа, добрались на байдарках до американского материка, в «острожек пеших чукчей» Анмилян (в другом месте документа — Энмиляк), отсюда прошли возле берега до мыса Нихчигин на Чукотском полуострове, но сильные ветры и льды помешали им продвинуться далее, на юго-восток, и они вернулись к американскому «острожку». В Гижигинский острог Белокопытов и Инешин вернулись в марте 1784 г.⁸⁰ Правда, о результатах этой экспедиции было сообщено в Петербург уже после отъезда Ф.Н. Клички⁸¹.

В 1780-е гг. на Сибирь было распространено «Учреждение для управления губернией» 1775 г.: в 1782 г. образовано Тобольское наместничество, в 1783 г. еще два — Иркутское и Колыванское во главе с генерал-губернатором И.В. Якоби⁸². Хотя должность иркутского губернатора сохранялась (им стал И.В. Ламб), право переписки непосредственно с императрицей принадлежало генерал-губернатору, за исключением случаев его отлучек из резиденции. При организации Северо-восточной географической и астрономической экспедиции под командованием капитан-лейтенанта И. Биллингса в 1785 г. И.В. Якоби был направлен именным указ «о неукоснительном пособии по делам, к сей экспедиции относящимся». Генерал-губернатор обязывался обеспечить экспедицию провиантом, материалами для строительства речных и морских судов, отрядить по требованию Биллингса лучших учеников Иркутской навигацкой школы, других «морских служителей», толмачей и проводников. В то же время при выборе наиболее удобного маршрута в Якутск или «инное для предприятия его выгоднейшее место» Биллингсу следовало основываться «на наставительном совете» Якоби⁸³. Наиболее ранний «всеподаннейший рапорт» И.В. Якоби императрице о деятельности экспедиции, обнаруженный нами, датирован 7 ноября 1787 г. и извещает о постройке на р. Колыме двух небольших судов — «Паллас» и «Ясашное», — разделении команды на две части (во главе с И. Биллингсом и с Г.А. Сарычевым) и выходе в путь из Верхне-Колымска вниз по течению реки (25 мая 1787 г.)⁸⁴. В письме

⁸⁰ См. рапорт адъютанта Д. Тютрина и прапорщика П. Хабарова канцелярии от 8 апреля 1784 г. (РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2451. Л. 101–101 об., 117) и журнал путешествия Белокопытова и Инешина (Там же. Л. 108–115 об.). Об этом путешествии см. также: Зувев А.С. Указ. соч. С. 507, 512, 518, 715.

⁸¹ См. письмо генерал-губернатора И.В. Якоби А.А. Вяземскому от 27 августа 1784 г. (Там же. Л. 100). К письму были приложены указанные выше документы.

⁸² Акишин М.О. Указ. соч. С. 301–304.

⁸³ Русские экспедиции... М., 1989. С. 204–205. О взаимоотношениях Биллингса с генерал-губернатором говорится также в наставлении Адмиралтейской коллегии августа 1785 г. (Там же. С. 208–211).

⁸⁴ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 62. Ч. 1. Л. 411.

А.А. Безбородко от 30 ноября того же года генерал-губернатор сообщает о принятых мерах по заготовке провизии для экспедиции, но делает акцент на издержках, которые несет губерния. При отсутствии средств, выделяемых из центра, Иркутская казенная палата была вынуждена расходовать на экспедицию «из наличных во оной состоящих сумм». Цены на продукты были настолько высоки, что подрядчики не имели прибыли от поставок: «...ни один из них не только пользы от барышей толиких не имеет, но еще лишается сверх оных и собственного своего капитала, чему совершенным доказательством служат те поставщики, которые на экспедицию [господи]на Биллингса подрядились выставить в Охотск некоторую провизию»⁸⁵.

Возможно, стремление свести к минимуму казенные расходы на освоение Алеутских и Курильских островов и северо-западного побережья Северной Америки, а также на утверждение права России на эти земли отчасти побуждало Якоби поддерживать компанию купцов И.И. Голикова и Г.И. Шелихова и внести предложение в рапорте императрице от 30 ноября 1787 г. предоставить указанной компании исключительное право торговли в области, ограниченной 15 и 65° с. ш. и 53 и 73° долготы (от Охотского меридиана)⁸⁶. По его мнению, Шелихов доказал свое умение завоевать симпатии диких народов, через него они смогут узнать обычаи россиян, «познают больше способов, к общежитию и собственному их спокойствию нужных, а с таковым просвещением, кажется, родиться могут у них лутчие мысли вообще о российском народе, нежели, быть может, какие о всяком другом, им ведомом и около их находящемся, кроме себя имели. Сие доведет их и далее, что они наконец сами искать будут средств привлекать к себе российских подданных, так как и сами, познав лутче о славе и могуществе Вашего Величества, пребыть верными и усердными подданными»⁸⁷. Представление о таком способе подчинения других народов, как просвещение, под которым понимается знание об обычаях русских людей (как более цивилизованных) и о славе и могуществе императрицы, не встречается в официальных документах первой половины XVIII столетия. Якоби так обосновывает права России на острова и земли в северной части Тихого океана и

⁸⁵ Там же. Л. 4 об. Согласно приложенной к письму ведомости, на экспедицию было требовано припасов на сумму 70 909 руб. 24½ коп (Там же. Л. 6–6 об.).

⁸⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 52. Кн. 4383. Л. 701–716 об.; Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке / Под ред. и со вступ. ст. А.И. Андреева. М., 1948. С. 259–261.

⁸⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 52. Кн. 4383. Л. 711 об.; Русские открытия... С. 259. См. также письмо И.В. Якоби А.А. Безбородко от 30 ноября 1787 г. (РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 62. Ч. 3. Л. 28 об.— 29).

их жителей: «Народы, обитающие в тамошней части Америки и островах, от берегов Азии до оной простирающихся, так как и по гряде таких же, досягающих почти Японии, где заключает оные 22-й Курильской остров, Аткис или Надежда именующейся, и самыя богатства с ними по правам, положенным за неоспоримые перваго открытия, принадлежат скипетру Вашего Величества. Обретение их не малым иждивением казны и промышленными российскими, странствовавшими в тамошнем окиане, дают оныя пред целыми светом, устрняя всех посягающих на земли оныя и воды...»⁸⁸

Для утверждения российского владычества в тихоокеанском регионе помимо уже предложенных в Петербурге мер (строительство порта на Охотском море в устье реки Уды, расстановка российских гербов) генерал-губернатор считал нужным построить крепости на о. Афогнак и на мысе Св. Ильи (о. Каяк) и послать в каждую до 50 чел. казаков и солдат. В выборе мест под строительство Якоби полагался на Шелихова. Однако к этому следовало приступить после того, как «усилен будет флот здешней и благоприятнейшия обстоятельства объявлению дворам европейским о принадлежности всего того скипетру вашего величества будут уже несомненны»⁸⁹.

Свидетельством того, что Якоби придавал особое значение расширению границ империи не только в северной части Тихого океана, но и в Приамурье, является его рапорт Екатерине II, тоже от 30 ноября 1787 г. Руководствуясь именным указом от 6 ноября 1782 г., разрешающим ему принимать и селить в Иркутской губернии или в Кольванской области переходящие из Китая народы⁹⁰, он «обратил внимание... на все племена, обитающие противу границ здешних и реки Уды, из коих известные там под именем гиляк прилежат к самому Амуру». Генерал-губернатор получил сведения, что «сказанные гиляки, оскорблены будучи китайскими сборщиками с них ясака, поступавшими с ними самым тиранским образом, колебались остаться более зависящими от китайцов, но помышляли просить защиты от стороны России». Якоби продолжает далее: «Важность того края в разсуждении самага Амура и давняя цель на оной, так как и право Вашего Величества на тамошния народы и земли подкрепляли меня во удовлетворении притесняемых, и на сей конец зделал я все нужныя приготовления, укрепя сколько возможно и острог, при реке

⁸⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 52. Кн. 4383. Л. 701—701 об. Текст опубликован с неточностями и пропусками. См.: Русские открытия... С. 250. Ср. с обоснованием прав России, изложенным в записке А.Р. Воронцова и А.А. Безбородко Екатерине II декабря 1786 г. (Русские экспедиции... М., 1989. С. 29).

⁸⁹ Там же. С. 261—263.

⁹⁰ ПСЗ—1. Т. 41. № 15570. С. 727. Указ издан как ответ на принятие китайцами вышедших из российского подданства калмыков.

Уде находящийся. А потому и приготавливал я народ тот так, чтобы при первом удобном времени объявлен оной был подданным Вашего Величества. Солонов, однородных нашим тунгусам, около нерчинской границы находящихся, нашол я не лутче мыслящими для китайцов... Мунгалы той же части не отрываются также сложить с себя зависимость от китайцов...»⁹¹ Кроме того, Якоби считал необходимым занять земли по реке Бухтарме и территорию бывшей Джунгарии («Зенгории») от русских границ до озера Нор-Зайсан для облегчения торговли со среднеазиатскими и индийскими купцами⁹². Приведение в действие столь грандиозного плана генерал-губернатор отложил до выяснения дальнейшей воли и намерений императрицы⁹³.

Обращает на себя внимание то, что Якоби, заявляя о правах российской короны на Приамурье, имел не слишком точные представления об этой реке. Выполняя поручение императрицы, данное ему при отъезде из Петербурга, «наведаться чрез живущих по китайской границе обывателей и других пребывающих в той части людей о реке Амур, какой она глубины и широты и нет ли где порогов, каменьев и мели и какое разстояние до морского устья», он привлек в качестве источника информации двух беглых нерчинских каторжников, выданных русской стороне китайцами. Причем он признался, что не может подтвердить императрице истинность их показаний. Якоби, видимо, не пытался обратиться ни к одному из опубликованных к тому времени описаний Амура, в том числе к статье Г.Ф. Миллера «История о странах, при реке Амур лежащих...»⁹⁴.

После отстранения И.В. Якоби в 1788 г. по обвинениям в «самовластии», в превышении закупочной цены на провиант для Сибирского корпуса и даже в провоцировании войны с Китаем⁹⁵ на его место заступил И.А. Пиль. В его рапортах Екатерине II экспедиции И. Биллингса отведено гораздо больше места, что вполне объяснимо, так как результаты она стала приносить именно во время его генерал-губернаторства. Так, в рапорте от 17 ноября 1789 г. он сообщает императрице о выходе Биллингса из Охотска на судне «Слава России» и о сильном повреждении второго судна — «Доброе намерение», кото-

⁹¹ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 62. Ч. 3. Л. 8–8 об.

⁹² Там же. Л. 9–9 об.

⁹³ Там же. Л. 10.

⁹⁴ Миллер Г.Ф. История о странах, при реке Амур лежащих, когда оныя состояли под российским владением // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих. СПб., 1757. Июль. С. 3–39; Август. С. 99–130; Сентябрь. С. 195–237; Октябрь. С. 293–328. На немецком языке: Müller G. F. Geschichte der Gegenden an dem Flusse Amur von der Zeit, da selbige unter russische Oberherrschaft gestanden // Sammlung Rußischer Geschichte. SPb., 1758. Bd. 2. St. 5–6. S. 291–448.

⁹⁵ Власть в Сибири... С. 231.

рое в результате признали негодным к плаванию и сожгли⁹⁶. Биллингс взял с собой только часть команды, а 65 человек нижних чинов оставил в Охотске, предложив отправить из них 25 человек весной следующего года вслед за ним к американскому материку⁹⁷ на одном из транспортных судов, в случае если он не застанет на Камчатке вновь построенного судна⁹⁸. И.А. Пиль пишет далее: «...Предполагаемая флота капитаном Биллингсом новая диспозиция в разсуждении отряжения вслед за ним 25 человек команды к американским берегам с моей стороны всеконечно остановлена не будет, но произведется в действие с наблюдением интересов Ваших при первом удобном случае, коль скоро только не застанет он в Камчатке казеннаго транспортнаго судна... В сем случае я осмеливаюсь всеподданнейше испрашивать монаршаго соизволения Вашего. А до воспоследования онаго потщуся я распорядить тут таким образом, чтобы польза, от экспедиции ожидаемая, совершенно увеличена быть могла в самом деятельнейшем виде...»⁹⁹ 9 января 1790 г., извещая императрицу о возвращении в Охотск транспортного судна, которое было отправлено на Камчатку для «вспоможения» экспедиции, но так и не встретилось с судном «Слава России», видимо в ответ на предложение отправить к Америке часть команды на одном из кораблей компании Голикова и Шелихова, Пиль высказывает свое мнение: «...Не смею я обезпечить вас, Августейшая Монархиня, в том, чтобы предполагаемой капитаном Биллингсом отряд удобнее было поверить на суда Американской компании Голикова и Шелихова, ибо здесь могут выйтить партикулярные расчоты, для казны Вашей тягостные»¹⁰⁰.

Как и у И.В. Якоби, в рапортах и письмах Пилья встречаются сетования на немалые расходы, которые повлекла за собой экспедиция. В письме А.А. Безбородко от 27 июня 1789 г. он позволяет себе недовольство по поводу ее течения и действий командующего: «...Вам известно, что находящаяся здесь морская секретная экспедиция стоит не малой уже казне суммы своими приуготовлениями. Равномерно не безызвестно пред вами и то, какие оказала она успехи в порученном ей деле. Но за всеми таковыми для казны ощутительными издержками и поднесь остается все еще одно лишь только то, что снабжать ее суммою. Господин Биллингс, начальник той экспеди-

⁹⁶ См. также рапорт И. Биллингса Адмиралтейской коллегии от 12 сентября 1789 г. (Русские экспедиции... М., 1989. С. 254–256).

⁹⁷ По указанному выше рапорту И. Биллингса, им следовало идти в Чугацкую губу (залив Принца Вильяма) (Там же. С. 256).

⁹⁸ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 64. Ч. 1. Л. 49–50. О том же он сообщал в письме А.А. Безбородко того же числа (Там же. Л. 92).

⁹⁹ Там же. Л. 51.

¹⁰⁰ Там же. Л. 120–120 об.

ции, до самого почти прибытия моего сюда оставался, сколько мне известно, без всякой нужды в Якутске, а изготовление мореходных судов и всего к тому потребного заведывали подчиненные ему. Поелику же без начальника и подчиненные радеют в возложенном на них не с тем усердием и попечением, какового толь важное дело от них требовать может, то и предаю я прозорливому суждению вашему, чего мне должно будет ожидать от сей экспедиции. А потому и прибегаю я к милостивому Вашего Сиятельства в сем случае и для меня необходимому наставлению, ибо хотя господин Биллингс и пишет сюда, что выступит он в будущем августе или сентябре в вояж, но и сие не позволяет мне совершенно в том обезпечиться, да и дальнейшего о нем, как и обо всей экспедиции его повеления я не имею...»¹⁰¹

В том же рапорте императрице от 17 ноября он с облегчением замечает: «...Со вступлением экспедиции во определенной ей вояж окончились теперь... и все заботы, на попечении здешняго правительства облежавшие, равномерно и те трудности, кои при крайней необходимости обращены были на иноверцов»¹⁰².

Сведения о Секретной экспедиции в той или иной степени содержатся также в рапортах Екатерине II от 8 августа, 10 декабря 1789 г., 10 и 17 апреля, 19 ноября 1790 г., 17 сентября 1791 г., 23 мая, 24 ноября, 15 декабря 1792 г., 2 марта, 6 апреля и 6 июня 1793 г.¹⁰³ В одном из них, от 24 ноября 1792 г., он приводит свое заключение на предложение И. Биллингса возобновить Анадырскую крепость, что, по его мнению, могло бы доставить «близкую коммуникацию» с жителями острова Святого Лаврентия и американского материка, удержать чукчей от набегов на американцев и в скором времени привести последних в российское подданство. Наведя справки об истории подчинения чукчей и причинах упразднения Анадырской крепости, Пиль пришел к выводу, что едва ли было можно получить те выгоды, которые описывал Биллингс, и напротив, постройка на Анадыре крепости, увеличение числа военных служителей потребуют от казны «великотысячных расходов», а чукчи попытки защитить американцев могли бы принять за неблагосклонное с ними обращение»¹⁰⁴.

Столь же много места в рапортах И.А. Пилия отводится действиям компании Голикова и Шелихова. Уже в наиболее раннем, от 13 февраля 1790 г., посвященном открытию судном компании новых островов, генерал-губер-

¹⁰¹ Там же. Л. 60 об.— 61.

¹⁰² Там же. Л. 51—51 об.

¹⁰³ Там же. Л. 32—32 об., 52—53, 150, 151—152, 156—156 об.; Ч. 2. Л. 73 об., 134—134 об., 135—139 об., 141—141 об., 199—200, 201—201 об., 203—204.

¹⁰⁴ Там же. Л. 136 об.— 139 об. См. также: Зуев А.С. Указ. соч. С. 513.

Г.И. Шелихов. *Портрет XVIII в.*

натор так характеризует географические открытия и расширение империи: «Признавая начальное основание пространнейших пределов Сибирского края соединенным с полуостровом Камчаткою и так называнными Алеутскими и Курильскими островами до самаы твердыя земли Америки, нахожу я святейшее намерение вашего императорского величества действительно в том, дабы, с умножением тамо славы империи вашей, утверждалась неподвижимою власть и важность, одной ей подобающая, и чтобы сим доставлены были верноподданным вашим те способы, которые, обогащая их знатными прибытками, влекли б за собою источники благосостояния их и цену ненарушимой государственной пользы...»¹⁰⁵ Деятельность компании, получившей название Северо-восточной американской, а затем преобразованной в Северную Американскую, и самого Г.И. Шелихова находила полное одобрение генерал-губернатора и получила отражение в его рапортах императрице от 14 февраля (два), 13 ноября 1790 г., 17 сентября, 10 декабря 1791 г., 29 сентября 1792 г., 20 ноября 1794 г.¹⁰⁶ Распространение «звериных промыслов» на островах Тихого океана и американском материке, по его мнению, приведет к тому, что «со временем те страны учинятся прочноприверженными державе вашей (Екатерины II. — Е. Р.)»¹⁰⁷.

¹⁰⁵ Русские открытия... С. 295–296.

¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 64. Ч. 1. Л. 158; Ч. 2. Л. 72 об., 74–74 об., 158–159; Русские открытия... С. 305–316, 369–376.

¹⁰⁷ Русские открытия... С. 375.

Не забывал И.А. Пиль писать и о плаваниях других промышленников, например на кораблях «Свв. Апостолы Варфоломей и Варнава» компании тотемских купцов Г. и П. Пановых и «Свв. Изосима и Савватий, соловецкие чудотворцы» иркутского купца Киселева с товарищи на Лисьи и Андреяновские острова, с которых помимо обычного промысла был вывезен ясак, собранный островитянами «в знак верноподданнической... обязанности» императрице¹⁰⁸.

4 декабря 1790 г., извещая императрицу о выходе в море судна купца П. С. Лебедева-Ласточкина, Пиль замечает, что донесение охотского коменданта, доставившее ему это известие, «по содержанию своему означает неутомимость подданных Вашего Императорского Величества к размножению славы российских плователей на северо-восточных водах»¹⁰⁹.

13 сентября 1791 г. императрица издала указ И.А. Пилю об организации экспедиции в Японию¹¹⁰. Возглавил экспедицию сын профессора Академии наук Э. Лаксмана Адам Лаксман. Помимо описания Курильских и Японских островов, проведения астрономических, физических и географических наблюдений на него была возложена задача установить торговые отношения с японцами¹¹¹. При том что сама императрица восприняла итоги экспедиции с явным разочарованием, Пиль более оптимистично оценил полученное русскими (как и другими иностранцами) разрешение торговать в Нагасаки: «Распространение сея новья с Япониею торговли... послужит неприметным распространением обладания вашего (императрицы.— Е. Р.) над приобретениями, до сего на Тихом море утвержденными, ибо Курильския и Алеутския острова, равно и матерая Российская Америка с ее островами, могущия доставлять прожектируемой японской компании рыбныя, китовыя и других морских зверей жировыя, кожевенныя и всякия промыслы для посылки в Японию, более прежняго будут российскими мореходами увеличены и новья каналы на пространстве тамошних вод и земель к умножению промыслов к торговле изыскиваемы, обращение мореходных судов на та-

¹⁰⁸ См. рапорт И.А. Пиля Екатерине II от 5 ноября 1791 г. (РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 64. Ч. 2. Л. 69–69 об.). Приложены ведомости этого ясака (Там же. Л. 70, 71). Суда вернулись в Охотск 24 и 26 августа 1791 г. Первое судно находилось в плавании 9 лет, второе — 10 (Макарова Р.В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968. С. 186).

¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 64. Ч. 1. Л. 161 об.

¹¹⁰ Русские экспедиции... М., 1989. С. 303–305.

¹¹¹ Там же. С. 312–315, 336–337; *Файнберг Э.Я.* Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М., 1960. С. 54–65; *Полевой Б.П.* Первооткрыватели Курильских островов: Из истории русских географических открытий в Тихом океане в XVIII в. Южно-Сахалинск, 1982. С. 160–161; *Черевко К.Е.* Зарождение русско-японских отношений. XVII–XIX века. М., 1999. С. 126–134.

мошнем море будет удвоено, чащее тамошния народы станут видеть ндравы и обычаи российскийя и, ко оным с исподволь привыкая, зделаются наконец надежными подданными высочайшей державе вашей»¹¹².

* * *

В рапортах и письмах иркутских губернаторов и генерал-губернаторов, а также сибирского губернатора Д.И. Чичерина эпохи правления Екатерины II открытие и присоединение новых земель и народов, с одной стороны, по-прежнему рассматривается как способ пополнения государственной казны, доходы которой обеспечивали сбор пошлины с промышленников, ясака с аборигенного населения, добыча полезных ископаемых, и расширения торговых связей с такими государствами, как Япония. С другой стороны, происходит переход от простой констатации цели морских и сухопутных экспедиций как призыва «немирных иноземцов» по «великого государя царскую высокодержавную руку в ясачной платеж»¹¹³ к более развернутой оценке в духе екатерининской просвещенной политики: расширение Российской империи и открытие «дон[ы]не всему свету неизвестных и нечаенных... ко изысканию новостей путей» являются знаком Божьего благословения (Д.И. Чичерин) и умножают славу империи (И.А. Пиль), плавание промышленников приводят к размножению славы российских плователей» (И.А. Пиль), народы приводятся в прочное подданство империи через просвещение (И.В. Якоби) и торговлю с Японией (И.А. Пиль).

Все эти администраторы либо сами инициировали отдельные походы в малоизученные области, либо влияли на деятельность правительственных географических экспедиций, нередко оценивая их с точки зрения темпов или целесообразности государственных расходов. Не меньше внимания они уделяли поискам новых земель «партикулярными» судами.

¹¹² Рапорт И.А. Пилия Екатерине II от 28 февраля 1794 г. (Русские экспедиции... М., 1989. С. 320).

¹¹³ См. отписку якутского воеводы Д.А. Траурнихта и И. Татарина Сибирскому приказу о походах приказчиков дальних сибирских острогов 1710 г. (Памятники сибирской истории. СПб., 1885. Кн. 2: 1713—1724. С. 531).

REFERENCES

1. *Akishin M. O.* Rossijskij absolyutizm i upravlenie Sibiri XVIII veka: organizaciya i sostav gosudarstvennogo apparata. M.; Novosibirsk, 2003.
2. *Bykonya G. F.* Russkoe nepodatnoe naselenie Vostochnoj Sibiri v XVIII — nachale XIX v. Formirovanie voenno-byurokraticheskogo dvoryanstva. Krasnoyarsk, 1985.
3. *Cherevko K. E.* Zarozhdenie russko-yaponskih otnoshenij. XVII–XIX veka. M., 1999.
4. *Efimov A. V.* Iz istorii russkikh ekspeditsij na Tihom okeane. Pervaya polovina XVIII veka. M., 1948.
5. *Evseev E. N.* Ekspeditsiya I. D. Buholca i osnovanie Omskoj kreposti // Goroda Sibiri (Ekonomika, upravlenie i kul'tura gorodov Sibiri v dosovetskij period) / Otv. red. O. N. Vil'kov. Novosibirsk, 1974. S. 47–59.
6. *Fajnberg E. Ya.* Russko-yaponskie otnosheniya v 1697–1875 gg. M., 1960.
7. *Goldenberg L. A.* Katorzhanin — sibirskij gubernator. Zhizn' i trudy F. I. Sojmonova. Magadan, 1979.
8. *Kishkin L. S.* O prosvetitel'noj deyatel'nosti F. N. Klichki v Irkutske v 1779–1783 godah // Izvestiya SO AN SSSR. Seriya obshchestvennyh nauk. 1972. Vyp. 1. № 1. S. 19–28.
9. *Kopylov A. N.* Upravlenie i politika carizma v Sibiri v period feodalizma // Itogi i zadachi izucheniya istorii Sibiri dosovetskogo perioda. Novosibirsk, 1971. S. 102–111.
10. *Lantzeff G. V.* Siberia in the Seventeenth Century: A Study of the Colonial Administration. Berkeley, 1943.
11. *Lebedev D. I.* Ocherki po istorii geografii v Rossii v XVIII v. (1725–1800 gg.). M., 1957.
12. *Makarova R. V.* Russkie na Tihom okeane vo vtoroj polovine XVIII v. M., 1968.
13. *Markova I. B.* Voprosy organizacii upravleniya Sibir'yu perioda pozdnego feodalizma v sovetskoj istoriografii // Voprosy istoriografii Sibiri i Altaya. Barnaul, 1988. S. 51–63.
14. *Miller G. F.* Istoriya o stranah, pri reke Amur lezhashchih, kogda onyya sostoyali pod rossijskim vladeniem // Ezhemesyachnye sochineniya k pol'ze

- i uveseleniyu sluzhashchiya. SPb., 1757. Iyul'. S. 3–39; Avgust. S. 99–130; Sentyabr'. S. 195–237; Oktyabr'. S. 293–328.
15. Müller G. F. Geschichte der Gegenden an dem Flusse Amur von der Zeit, da selbige unter russische Oberherrschaft gestanden // Sammlung Rußischer Geshichte. SPb., 1758. Bd. 2. St. 5–6. S. 291–448.
  16. Pamyatniki sibirskoj istorii XVIII veka. SPb., 1885. Kn. 2: 1713–1724.
  17. Polevoj B. P. Pervootkryvateli Kuril'skich ostrovov: Iz istorii russkikh geograficheskikh otkrytij v Tihom okeane v XVIII v. Yuzhno-Sahalinsk, 1982.
  18. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 1-e. SPb., 1830. T. 3; T. 4; T. 5; T. 6; T. 11; T. 16; T. 41.
  19. Rabceвич V. V. Gosudarstvennye uchrezhdeniya doreformennoj Sibiri. Poslednyaya chetvert' XVIII — pervaya polovina XIX v.: Spravochnik. Chelyabinsk, 1998.
  20. Rabceвич V. V. Sibirskij gorod v doreformennoj sisteme upravleniya. Novosibirsk, 1984.
  21. Raeff M. Siberia and the reforms of 1822. Seattle, 1956.
  22. Rafienko L. S. Instrukciya sibirskomu gubernatoru 1741 g. // Arheograficheskij ezhegodnik za 1973 god. M., 1974. S. 58–67.
  23. Rafienko L. S. Lorenc Lang i Vostochnaya Sibir' // Izvestiya SO AN SSSR. Seriya obshchestvennyh nauk. 1977. Vyp. 2. № 6. S. 126–132.
  24. Rafienko L. S. Upravlenie Sibir'yu v 20–80-e gody XVIII v. Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. Novosibirsk, 1968.
  25. Remnev A. V. Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaya politika v pervoj polovine XIX v. Omsk, 1995.
  26. Russkie ekspedicii po izucheniyu severnoj chasti Tihogo okeana v pervoj polovine XVIII v.: Sbornik dokumentov. M., 1984.
  27. Russkie ekspedicii po izucheniyu severnoj chasti Tihogo okeana vo vtoroj polovine XVIII v.: Sbornik dokumentov. M., 1989.
  28. Russkie otkrytiya v Tihom okeane i Severnoj Amerike v XVIII veke / Pod red. i so vstup. stat'ej A. I. Andreeva. M., 1948.
  29. Rychalovskij E. E. Severo-Vostochnaya Aziya i Severo-Zapadnaya Amerika v geograficheskikh trudah i perepiske G. F. Millera. 1761–1783 gody // Vek Prosveshcheniya. M., 2015. Vyp. 5: Geografiya ehpoi Prosveshcheniya: mezhdru voobrazheniem i real'nost'yu. S. 59–99.
  30. Shishkin V. I. Gosudarstvennoe upravlenie Sibir'yu v XVII–XIX vekah: osnovnye osobennosti organizacii i funkcionirovaniya // Problemy istorii mestnogo upravleniya Sibiri XVI–XX vv. Novosibirsk, 1998. S. 3–36.
  31. Sibirskie i tobol'skie gubernatory: istoricheskie portrety, dokumenty / Pod red. V. V. Konovalova. Tyumen', 2000. S. 23–137.

32. Vlast' v Sibiri XVI — nachala XX veka / Sost. M. O. Akishin, A. V. Remnev. Novosibirsk, 2002.
33. Williams G. The British Search for the Northwest Passage in the Eighteen Century. 1962.
34. Zuev A. S. Prisoedinenie krajnego Severo-Vostoka Sibiri k Rossii: voenno-politicheskij aspekt. Vtoraya polovina XVII–XVIII vek. Diss. ... d. ist. nauk. Novosibirsk, 2005.

Ключевые слова:

русские географические открытия, присоединение земель, деятельность иркутских губернаторов и генерал-губернаторов.

Evgeniy E. Rychalovsky

GEOGRAPHICAL DISCOVERIES AND THE EXPANSION OF IMPERIAL BORDERS IN THE CORRESPONDENCE BETWEEN IRKUTSK GOVERNORS AND GOVERNORS-GENERAL WITH THE CENTRAL GOVERNMENT.

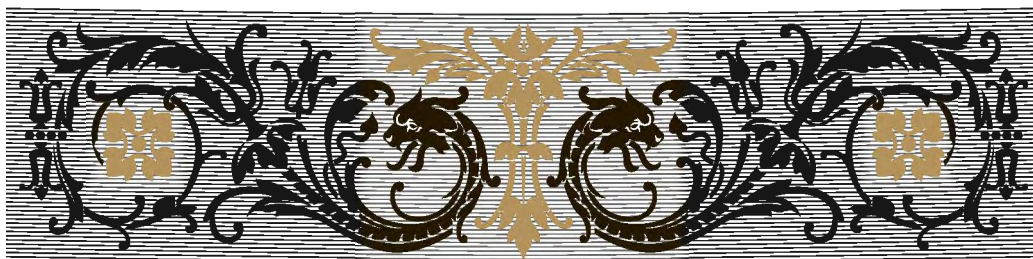
1760^S — 1790^S

In the last third of the 18th century, the Pacific and Arctic ocean regions and the North-Eastern part of Asia which were included in the Irkutsk province accounted for all the cruises of manufacturers, a bigger part of Russian geographical expeditions and the respective discoveries. The article reviews the correspondence between Irkutsk Governors and Governors-General in the time of Catherine II and the Siberian (later, Tobolsk) Governor D.I. Chicherin and the Empress together with a number of officials in St. Petersburg. The work focuses on the question to what extent the Governors translated the ideas of searching for and annexing new lands, which were articulated in the Government circles, and what was their own contribution to the «joint authorship» and how this idea was transformed in the context of the «enlightened monarchy». Apart from the correspondence the work analyzes the instructions issued by the Governors for regional heads. The study allows making a conclusion that on the one hand, like in the 18th and early 19th centuries, the discovery and annexation of new lands and peoples was still seen as a way to replenish the State Treasury. On the other hand, there is a shift to a more extensive evaluation in the style of Catherine's enlightened policy: the expansion of the Russian Empire, the discovery of new lands, and the creation of new trade routes which increased the glory of the Monarchy and its ruler, as well as the Russian navigators. The Irkutsk Governors and Governors-General not only obediently followed the issued decrees but also initiated certain expeditions to the understudied region. These decisions influenced the activities of state geographical expeditions by often assessing them from the viewpoint of rates or viability of state expenditures.

 Рычаловский Евгений Евгеньевич

начальник отдела научной информации и публикации документов РГАДА

Н.А. Охотина-Линд

ГДЕ БЫЛ ПОХОРОНЕН ВИТУС БЕРИНГ?

1991 г. отмечалась 250-летняя годовщина плавания капитана-командора Витуса Беринга и капитана Алексея Чирикова на пакетботах «Св. Петр» и «Св. Павел» к берегам Северной Америки, а также крушения «Св. Петра» и смерти Беринга 8 декабря 1741 г. на необитаемом острове, названном позже его именем. Еще в 1979–1981 гг. на острове Беринга в Тихом океане работал археологический отряд Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения АН СССР (В.Д. Леньков, Г.Л. Силантьев, А.К. Станюкович). Ими были исследованы место крушения «Св. Петра» и лагерь экспедиции Беринга в бухте Командор, состоящий из шести землянок-жилищ и хозяйственных построек¹. В связи с 250-летним юбилеем на остров Беринга была снаряжена Комплексная историко-культурная экспедиция «Беринг-91» под руководством А.К. Станюковича, организован-

¹ Леньков В.Д., Силантьев Г.Л., Станюкович А.К. Командорский лагерь экспедиции Беринга (Опыт комплексного изучения). М., 1988; Звягин В.Н., Мусаев Ш.М., Станюкович А.К. Витус Йонассен Беринг (1681–1741). Медико-криминалистический портрет. Баку, 1995. С. 17–18; Русские морские экспедиции XVIII века. Очерки комплексного изучения памятников материальной культуры / Под ред. А.К. Станюковича. М., 1996. С. 18–26, 70–80.

ная Международным обществом «Подводный Мир», Институтом археологии РАН и московским предприятием «Форт» при участии клуба «Приключение», Алеутского культурного центра на о. Беринга, Исторического музея г. Хорсенса (Дания). Поскольку участвовать в раскопках были приглашены археологи с родины Витуса Беринга, Дании (О. Шёрринг, С.Г. Петерсен, О. Мадсен и С.Э. Альбретсен)², экспедиция стала международной. В составе экспедиции работали Археологический отряд, Подводно-археологический отряд, Международный отряд, Разведочный отряд и Геофизико-геодезическая группа. Задачи экспедиции были многообразны, но важнейшей из них было нахождение могилы Витуса Беринга. Эта идея принадлежала главному организатору, клубу «Приключение»³. С первого дня экспедиции на остров были завезены специалисты из НИИ судебной медицины Минздрава во главе с проф. В.Н. Звягиным, несколько потомков Беринга, телевизионщики и журналисты России и зарубежья. Все было готово для сенсации, все ожидали нахождения захоронения Беринга.

И сенсация последовала. Буквально в первые же дни работы экспедиции на основе геофизической разведки была выявлена зона аномальных концентраций фосфатов, то есть место погребений, и в первый же день раскопок были обнаружены кости. Это место, сразу же окрещенное «некрополем Камчатской экспедиции», находилось рядом с Командорским лагерем, на вершине песчаного берегового вала⁴. По мнению археологов, некрополь был расположен на очень удобном и «естественном» месте, где было относительно легко копать песчаный грунт зимой ослабевшим людям. А по свидетельству участника Камчатской экспедиции адъютанта натуральной истории Академии наук Г.В. Стеллера, Беринг якобы был похоронен

² В своих статьях датские археологи, не имевшие возможности ознакомиться с письменными источниками, повторяют выводы и идентификации, сделанные русскими археологами. Наибольший интерес вызывает одна из их первых статей, написанная по горячим следам раскопок и в некоторых деталях отличающаяся от того, что позже писали русские археологи: *Madsen O., Petersen S.G., Schjørring O.* Excavating Bering's grave, Komandor bay, Bering island, august 1991: a preliminary report // Bering and Chirikov. The american voyages and their impact. Ed.: Frost O.W. Anchorage 1992. P. 229–247. См. также их другие статьи: *Petersen S.G. & Schjørring O.* «Han døde 8. december» // Skalk 1991. Nr. 6. S. 3–8; *Albrethsen S.E.* Vitus Berings sidste rejse // Nationalmuseets Arbejdsmark. København 1993. S. 135–150; *Albrethsen S.E.* Vitus Bering's second Kamchatka expedition — the journey to America and archaeological excavations on Bering Island // Vitus Bering 1741–1991. Ed.: Jacobsen N.K. Copenhagen, 1993. P. 66–96; *Madsen O.* Die Ausgrabung eines Entdeckers. Die Vitus-Bering-Expedition 1991 // Es war einmal ein Schiff. Archäologische Expeditionen zum Meer. Hg.: Claus von Carnap-Bornheim, Christian Radtke. Hamburg, 2007. S. 319–353.

³ *Звягин В.Н., Мусаев Ш.М., Станюкович А.К.* Указ. соч. С. 18–21.

⁴ Там же. С. 43–46.

«рядом с нашим пристанищем»⁵, то есть умерших хоронили недалеко от зимовья. Поэтому именно в этом месте археологи и начали копать. И так они объясняли выбор ими места для ведения раскопок в их трудах, написанных по результатам этой экспедиции. К вопросу о том, на каком основании в действительности ими было принято решение копать именно на этом небольшом «пяточке», к северу от лагеря зимовщиков, мы вернемся еще раз более подробно в конце статьи.

Некрополь состоял из шести захоронений с ориентацией по христианскому обряду восток—запад. Скелет, лежавший в погребении № 6, был сразу же объявлен останками капитана-командора Витуса Беринга. Об этом свидетельствуют многочисленные фотографии, слайды и кинохроники, где счастливые участники экспедиции засняты рядом с еще не до конца раскопанным скелетом. Датский археолог Оле Шёрринг рассказывал, что когда он расчищал кисточкой останки Беринга (ему была доверена эта честь), то шептал своему великому соотечественнику о событиях, произошедших в его родном Хорсенсе за последние 250 лет. Эйфория и атмосфера сенсационности были полнейшими. Новость мгновенно облетела всю Россию и весь мир благодаря журналистам, стоявшим наготове с фотоаппаратами и кинокамерами буквально на краю раскопа. На основе черепа проф. В.Н. Звягин в НИИ судебной медицины в Москве по методу Герасимова реконструировал облик Витуса Беринга. Эту пластическую реконструкцию сейчас можно встретить во многих изданиях, в Интернете, на выставках в музеях, на ее основе создано несколько скульптурных памятников. Изображения черепа с подписью «капитан-командор В. Беринг» тоже получили широкое распространение.

Глядя на реконструкцию Звягина, сразу становится ясно, что она никак не соответствует единственному известному ранее живописному портрету Витуса Беринга. История этого «старого» портрета довольно туманна. Он был подарен в 1945 г. Центральному военно-морскому музею в Ленинграде праправнучкой капитана-командора Е.А. Трегубовой. Никаких надписей на портрете нет, но, по семейной легенде, на нем изображен мореплаватель Витус Беринг. А.К. Станюкович и В.Н. Звягин неоднократно утверждали, что на «старом», круглолицем портрете изображен дядя нашего Витуса Беринга, датский королевский историограф Витус Педерсен Беринг (1617–1675 гг.)⁶. В недавно вышедшем каталоге музея говорится, что портрет ранее приписы-

⁵ Стеллер Г.В. Дневник плавания с Берингом к берегам Америки 1741–1742 / Под ред. А.К. Станюковича. М., 1995. С. 115.

⁶ См., напр.: Звягин В.Н., Мусаев Ш.М., Станюкович А.К. Указ. соч. С. 212, 240. Эту же ошибку повторяет и член клуба «Приключение» С.М. Епишкин (Последняя экспедиция Витуса Беринга. М., 1992. С. 155).

Неизвестный из погребения № 6 (ранее предполагалось, что это Витус Беринг).
Реконструкция по черепу В.Н. Звягина.

вался капитану-командору В.И. Берингу, но теперь атрибутируется историографу В.П. Берингу и «...еще в 1940-х гг. датские историки и искусствоведы заключили, что на портрете изображен родной дядя мореплавателя, датский придворный историограф и профессор поэтики Беринг Витус Педерсен»⁷. Это, однако, не соответствует действительности. Никакие «датские историки и искусствоведы» никогда не утверждали, что на портрете изображен дядя, да и не могли утверждать, потому что историограф Витус Педерсен Беринг был хорошо известной личностью в свое время, сохранился его великолепный прижизненный портрет⁸, хранящийся в одном из крупнейших музеев Дании в замке Фредериксборг (Музей национальной истории), и можно уверенно говорить, что он не имеет ни малейшего сходства с «круглолицым» портретом из Военно-морского музея.

Каким же образом археологи так легко и быстро идентифицировали захоронение Беринга? Дело в том, что из всех шести захоронений некрополя только одна эта могила содержала деревянный гроб. На этом основании был сделан совершенно логичный, на первый взгляд, вывод, что похороненный в

⁷ Русские портреты XVIII — начала XX в. Материалы по иконографии. Вып. 5. Портретная живопись из собрания Центрального военно-морского музея / Сост. С. А. Подстанничий. СПб., 2016.

⁸ Впервые в России портрет опубликован: Шопотов К.А. Берингов крест. СПб., 2016 (1-е изд.: 2009). С. 63. Только этот портрет не был «найден датским археологом Оле Шёррингом», как пишет Шопотов. Портрет был в Дании всегда прекрасно известен.

гробу человек обладал более высоким статусом, чем остальные, следовательно, это и есть Беринг. Вот как описывается эта находка в дневнике участника экспедиции «Беринг-91» С.М. Епишкина: «6 августа ... датские специалисты обнаружили доски, которыми был обложен скелет. Возможно, это и есть Беринг! А ведь именно над данным захоронением ранее нашли полиэтилен!!!»⁹ Уже на следующий день В.Н. Звягин давал интервью иностранным журналистам об обнаружении останков Беринга. Обратим внимание на упоминание Епишкиным полиэтилена. Объяснить его присутствие можно только таким образом: вероятно, археологи еще в 1979–1981 гг. натолкнулись на захоронение с гробом и поняли его значение, но по какой-то причине не стали раскапывать его сразу же и накрыли для лучшей сохранности полиэтиленом. Именно поэтому перед экспедицией 1991 г. археологи могли так уверенно «обещать» находку останков Беринга.

Однако, когда археологи начали изучать письменные источники (вероятно, уже по возвращении в Москву), обнаружилась весьма неприятная для них неувязка. Единственное описание похорон Беринга сохранилось в записках лейтенанта Свена Вакселя: «Капитан-командор Беринг скончался 8 декабря. Тело его привязали к доске и закопали в землю; все остальные наши покойники похоронены были без досок»¹⁰. Это лаконичное описание очень выразительно и конкретно. В начале декабря вся команда была изнурена цингой, большинство не вставало; те, кто еще держался на ногах, должны были заботиться об обеспечении элементарного существования своего собственного и больных товарищей, и хоронить умерших. Лес на о. Беринга не растет, можно было только собирать на берегу моря плавник или же разбирать на части пакетбот, тем самым отрезая себе путь к возвращению. Обессилевшие люди, не имевшие под рукой древесины, строить гробы не могли. Значит, покойников несли (или волокли ?) к могилам на одеялах или парусах, а то и просто за руки-ноги. И только из почтения к капитану-командору (который не только

⁹ Последняя экспедиция Витуса Беринга. С. 164.

¹⁰ Ваксель С. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга / Под ред. А.И. Андреева. Л.; М., 1940. С. 82. До сих пор книга Вакселя была опубликована только в переводах на русский и на датский языки — в обоих случаях переводы делались с немецкого подлинника, хранящегося в Российской национальной библиотеке. Все последующие переводы на другие языки делались с этих двух. В настоящее время др. Виланд Хинтцше (г. Галле, Германия) готовит к публикации научное издание книги Вакселя на языке оригинала. В. Хинтцше любезно предоставил в мое распоряжение выдержку из немецкой рукописи, где данная фраза звучит следующим образом: «*Capitain Commandeur Bering sturb den 6 [в копии из РНБ: 8] Decembris und wurde auf ein Brett festgebunden und in der Erde vergraben, alle übrige unserer todten wurden ohne Bretter begraben*» (РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 531. Л. 65). Как мы видим, русский перевод 1940 г. абсолютно точен и не допускает никаких иных толкований.

являлся многолетним руководителем Первой и Второй Камчатских экспедиций, но и был уважаем и любим членами команды) было сделано исключение: его тело привязали к доске (скорее всего взятой со «Св. Петра»), чтобы его по крайней мере можно было нести к могиле с достоинством, оказав ему последнюю честь. А привязывать было необходимо, чтобы тело не упало с доски.

Итак, описание Вакселя не соответствует наличию гроба в могиле, приписываемой Берингу. К тому же при ближайшем рассмотрении выяснилось, что «гроб» из могилы № 6 — не настоящий гроб, а сколоченный из планок трапециевидный ящик, к тому же его днище состоит из пяти тоненьких жердочек с большим расстоянием между ними (хотя археологи и продолжают везде именовать эту конструкцию «гробом») ¹¹. Ящик был слишком тесен для тела, которому при погребении пришлось придать несколько дугообразное положение ¹². Этот факт вызвал решительные протесты еще одного участника экспедиции «Беринг-91», контр-адмирала К.А. Шопотова, категорически не согласного с тем, что тело из могилы № 6 принадлежит В. Берингу ¹³. По утверждению Шопотова, этот ящик без дна — «обрешетник», т.е. курятник, который использовали на многих судах, когда уходили в море надолго и брали с собой живность, например кур ¹⁴. Я полностью присоединяюсь к мнению Шопотова, что это захоронение никоим образом не соответствует описанию Вакселя: в ящике с таким непрочным днищем тело нести не могли, и трудно себе представить, чтобы капитана-командора похоронили в обрешетнике, для чего пришлось сгибать тело. Важно также наблюдение контр-адмирала о том, что раз тело Беринга привязывали к доске, то в его настоящей могиле должны были сохраниться остатки веревки, потому что все веревки на судне были просмолены.

Столкнувшись с несоответствием описания Вакселя и результатов раскопок, археологи нашли следующее объяснение: Свен Ваксель дал приказ похоронить Беринга, привязав к доске. Но члены команды проявили инициативу и нашли для капитана-командора на судне готовый ящик, подходящий по размерам в качестве гроба. Сам Ваксель был тяжело болен и на похоронах не присутствовал, поэтому он не знал, что Беринг был похоронен

¹¹ Реконструкцию этого ящика см.: Русские морские экспедиции XVIII века. С. 154, 155; Звягин В.Н., Мусаев Ш.М., Станюкович А.К. Указ. соч. С. 86, 87.

¹² Русские морские экспедиции XVIII века. С. 34.

¹³ Шопотов К.А. Указ. соч. По свидетельству К.А. Шопотова, также и крупный специалист по истории тихоокеанских экспедиций Б.П. Полевой в устной беседе с ним говорил о своей неверии в идентификацию похороненного в могиле № 6 как Витуса Беринга. Б.П. Полевой поощрял в разговоре В.Н. Звягина публично признать ошибку, но этого так никогда и не произошло (Там же. С. 60–65).

¹⁴ Там же. С. 56–57.

в импровизированном гробу¹⁵. В такое объяснение трудно поверить. В конце концов после смерти Беринга лейтенант Ваксель остался командиром экипажа, и даже если он из-за болезни не присутствовал на похоронах сам (он действительно был тяжело болен), то неужели ему, новому начальнику отряда, никто и никогда об этом не рассказал? Какие еще события обсуждали зимовщики, как не смерти и похороны?

Еще одно подтверждение своей правоты археологи нашли в словах Стеллера, что Беринг был похоронен «по обряду, принятому нашей церковью»¹⁶. По их представлению, речь здесь идет о протестантском обряде, «подразумевающим помещение умершего в гроб»¹⁷. Но ведь в захоронении в гробу нет ничего «протестантского», так в нормальных условиях хоронят всех людей. Я думаю, слова Стеллера надо понимать таким образом, что над покойным были прочитаны приличествующие случаю протестантские молитвы (скорее всего, самим Стеллером, имевшим среди прочего и теологическое образование).

Датские археологи предложили свою собственную реконструкцию похорон Беринга: его тело привязали к отдельному днищу, состоявшему из пяти жердочек, донесли так до могилы и опустили в нее. Уже в могиле его «обложили» стенками гроба и крышкой¹⁸. Это объяснение вообще не выдерживает никакой критики. Если бы тело можно было бы нести на днище гроба, то его не надо было бы привязывать. К тому же такое несолидное днище, как в погребении № 6, не выдержало бы веса даже очень исхудавшего человека. И видано ли такое, чтобы покойного несли к могиле на днище, а остальной гроб (который к тому же был мал по размеру) приделывали сверху уже на кладбище?

Доказывая неверность заключения археологов, что в данной могиле похоронен Беринг, К. Шопотов утверждал, что Беринг должен был быть похоронен в форме капитана-командора (так же как и остальные члены команды в положенной им форме)¹⁹. Конкретно с этим доводом мне, однако, трудно согласиться. По моим многолетним наблюдениям над документами Второй Камчатской экспедиции я никогда не встречала упоминаний формы у офицеров. Форма была у матросов и солдат, а вот в сохранившихся списках имущества умерших офицеров форменная одежда или головные уборы никогда не встречаются, хотя деньги «на мундир»

¹⁵ Русские морские экспедиции XVIII века. С. 37.

¹⁶ Стеллер Г.В. Указ. соч. С. 115.

¹⁷ Русские морские экспедиции XVIII века. С. 37.

¹⁸ Madsen O., Petersen S.G., Schiørring O. Excavating Bering's grave... P. 247.

¹⁹ Там же. С. 58.

Витус Беринг. Портрет XVIII в.

им всем выдавались. Судя по трудам исследователей русского морского мундира, указы о введении мундиров морским офицерам и гренадерам вводились в 1730-е гг. постоянно, но они в первую очередь охватывали штабистов в Петербурге, и даже в центральных областях распространялись медленно. А различие морских офицерских чинов с помощью разного фасона галунов было введено только начиная с реформы морского мундира в 1745 г.²⁰ Я полагаю, что во времена Второй Камчатской экспедиции распространение морской офицерской формы до Восточной Сибири и Камчатки просто еще не дошло, но этот вопрос, несомненно, требует специального изучения в будущем.

Но форма или не форма, а какие-то кафтаны или камзолы на похороненных членах команды, и в первую очередь на самом капитане-командоре, должны были быть? К великому удивлению, ни одна из могил некрополя не содержит инвентаря: пуговиц, пряжек, остатков ремней и т.п. Даже настоящих крестов всего два на шесть погребений. Похоже, что все эти люди, в том числе и предполагаемый Беринг, были похоронены без одежды. Встает вопрос: мог ли капитан-командор быть похоронен без одежды? Возможно, конечно, предположить, что покойных заворачивали в саваны. Но мне это кажется очень маловероятным: саваны можно было сделать только из парусины, а при таком количестве умерших (31 человек за плавание и зи-

²⁰ Доценко В.Д. Русский морской мундир 1696–1917. СПб., 1994. С. 24–30; Доценко В.Д., Гетманец Г.М. Русский морской мундир 1696–1917. СПб., 2008. С. 42–61.

мовку) судно просто осталось бы в итоге без парусов; да к тому же во время зимовки паруса были нужнее живым, чем мертвым — их использовали для сооружения навесов над землянками.

Единственный сохранившийся судовой журнал, в котором кратко описываются события зимовки, — журнал, ведшийся мастером Софроном Хитрово, — к сожалению, ничего не говорит о похоронах Беринга. Зато там есть ценные сведения, отсутствующие в других источниках: «9 дня ноября 741 году: повезли на берег капитана-командора Беринга»²¹ и «8 дня декабря 741 году пополуночи часу в 5 преставился капитан-командор Беринг. Команду принял лейтенант Ваксель»²². Яркие воспоминания об условиях, в которых умирал на острове капитан-командор, сохранились в записках и Вакселя, и Стеллера.

Обратимся теперь к подробному антропологическому описанию скелета из погребения № 6, которое не специалисту понять зачастую нелегко²³. Возраст покойного определен в диапазоне 53,5–63,5 года, что соответствует возрасту В. Беринга — 60 лет. По поводу антропологической принадлежности черепа датские археологи в статье, написанной сразу после раскопок, пишут, что, по словам В. Звягина, он принадлежит к балтийскому типу, что тоже подходит Берингу²⁴. Однако сам Звягин во всех его работах указывает, что череп из погребения № 6 — не североевропейского, а средневропейского типа, распространенного на всей Североевропейской равнине от Атлантики до Волги. Не более естественным было бы, если череп датчанина принадлежал к североевропейскому типу? Изумление вызывает «прекрасное состояние зубо-челюстного аппарата», его у Беринга после шести месяцев плавания и болезни быть никак не могло (о зубах см. более подробно ниже). Еще большее удивление вызывает следующая характеристика: он «не мог не выделяться среди окружающих своей физической силой. Вне всякого сомнения, для него с юности была естественна работа, связанная с поднятием тяжестей... Аналогичные характеристики наблюдаются у спортсменов, занимающихся тяжелой атлетикой». Помилуйте, да Витус Беринг был офицером, а не матросом, он никогда не работал физически, а спортом ради здоровья европейцы начали заниматься

²¹ РГАДА. Ф. 21. Оп. Доп. Д. 9. Л. 94 об. У Стеллера перенос Беринга на остров датируется 10 ноября (*Стеллер Г.В.* Указ. соч. С. 100).

²² РГАДА. Ф. 21. Оп. Доп. Д. 9. Л. 97 об.

²³ Русские морские экспедиции XVIII века. С. 44–48; *Звягин В.Н., Мусаев Ш.М., Станюкович А.К.* Указ. соч. С. 91–99. К сожалению, пробы ДНК при изучении скелетов сделаны не были.

²⁴ *Madsen O., Petersen S.G., Schjørring O.* Excavating Bering's grave... P. 247.

только с конца XIX в. По документам Второй Камчатской экспедиции прекрасно видно, что с головой загруженный бесконечной бюрократической перепиской Беринг был обречен все девять лет в Сибири днями и ночами сидеть за столом в канцелярской избе. Известно, что в Охотске он иногда (!) выходил из избы, чтобы посмотреть, как идет строительство судов. Откуда же тут богатырская силушка?

По моему мнению, из антропологических характеристик скелета из погребения № 6 только возраст покойного уверенно соответствует Витусу Берингу, все остальные характеристики скорее противоречат тому, что это он.

х х х

Помимо самого Витуса Беринга, археологи идентифицировали и остальных пятерых погребенных в некрополе Командорского лагеря. За отправную точку ими была взята цитата из Стеллера: «Там он [Беринг. — Н.О.-А.] и лежит между своим адъютантом, комиссаром и гренадерами»²⁵. Адъютант отождествляется легко — это подшкипер Никита Хотяинцов (ум. 9 декабря). С комиссаром тоже нет проблем — прапорщик Иван Лагунов (ум. 8 января). По поводу первого гренадера тоже нет никаких возражений — гренадер Иван Третьяков (ум. 17 декабря). А вот на роль «второго гренадера» археологи неожиданно избрали Федора Панова (ум. 2 января)²⁶. Но Федор Панов был вовсе не гренадером, а морским солдатом. В то же время известно еще имя гренадера Ивана Небаронова (ум. 5 ноября, скорее всего похоронен на острове). Почему не он?

К тому же у археологов возникла еще одна серьезная проблема: Стеллер называет пять похороненных, а в некрополе было найдено шесть могил. На роль шестого погребенного археологами по не совсем понятной причине был избран штурман Андреас Эйзельберг (или Хессельберг, ум. 22 ноября)²⁷. По антропологическим данным возраст похороненного в этой яме составляет приблизительно 65 лет. И действительно, редкий случай — по

²⁵ Стеллер Г.В. Указ. соч. С. 115. В русском переводе, делавшемся не с немецкого оригинала, а с английского перевода, повторена неточность английского текста. В немецком тексте стоит не «и гренадерами», а «и двумя гренадерами» (*Steller G.W. Reise von Kamtschatka nach Amerika mit dem Commandeur-Capitan Bering. St. Petersburg, 1793. S. 116*). Археологи, однако, сами все время писали именно о двух гренадерах.

²⁶ Русские морские экспедиции XVIII века. С. 42, 52; Звягин В.Н., Мусаев Ш.М., Станюкович А.К. Указ. соч. С. 104.

²⁷ Русские морские экспедиции XVIII века. С. 42, 50; Звягин В.Н., Мусаев Ш.М., Станюкович А.К. Указ. соч. С. 100–101.

письменным источникам нам известен возраст Эйзельберга: 70 лет²⁸. Но мы не знаем возраста подавляющего большинства членов команды. Вполне вероятно, что среди них были и другие люди около 65 лет. В этой же могиле был найден простой оловянный четырехконечный крест-тельник очень плохой сохранности. С этим крестом в работах археологов происходили удивительные метаморфозы. В статье Петерсена и Шёрринга, написанной непосредственно после окончания экспедиции и вышедшей уже в декабре 1991 г., авторы пишут, что это крест «сибирского типа», и для сравнения приводят прорисовку аналогичного, но лучшей сохранности, крестика из раскопок 1979–1981 гг., найденного в одной из землянок Командорского лагеря²⁹. Я не знаю насчет «сибирского», но это, судя по иллюстрации, во всяком случае совершенно обыкновенный православный крест-тельник; точно такой же можно купить и в наши дни в любой церковной лавке. Определение крестика из этого захоронения как «сибирского» и иллюстрацию аналогичного тельника в качестве доказательства датские археологи могли получить только от русских археологов, поскольку сами они в православных крестах не разбираются. Их почему-то не удивило, каким образом Эйзельберг (мы не знаем, был он католиком или протестантом) мог быть похоронен с православным крестом. Но русские ученые, вероятно, уже после окончания раскопок и при написании ими книг, заметили это несоответствие. Но раз археологи уже приписали могилу Эйзельбергу, то и крест они были вынуждены теперь охарактеризовать как «нательный крест западноевропейского типа»³⁰. Однако одного взгляда на опубликованную ими же иллюстрацию достаточно, чтобы увидеть, что это совершенно обычный православный нательный крест простой формы, в нем нет ничего специфически западноевропейского. Интересно, что в статье датского участника раскопок О. Мадсена, вышедшей уже в 2007 г., он тоже называет крест «западноевропейским»³¹, тем самым отказываясь от первоначального определения креста его датскими коллегами как «сибирского» и принимая более позднюю точку зрения русских археологов (с которой он познакомился, вероятнее всего, через англоязычную литературу). Удивительно, как же датские археологи не признали этот крест «своим» еще во время раскопок на острове, а стали называть его «западноевропейским» только после атрибутирования русскими археологами похороненного как Эйзельберга?

²⁸ Стеллер Г.В. Указ. соч. С. 111.

²⁹ Petersen S.G. & Schjørring O. Ibid. S. 7–8.

³⁰ Звягин В.Н., Мусаев Ш.М., Станюкович А.К. Указ. соч. С. 85.

³¹ Madsen O. Ibid. S. 340.

И почему же Стеллер называет пять погребенных и не упоминает штурмана Андреаса Эйзельберга? Археологи предлагают следующее объяснение: «То, что его [Эйзельберга. — Н.О.-А.] имя пропущено в перечне Стеллера, может объясняться весьма просто: все лица, упомянутые в нем, умерли и были похоронены после Беринга, А. Хессельберг же был первым умершим во время зимовки»³². Честно говоря, я не могу понять, каким образом то, что Эйзельберг был первым умершим (что, кстати, не соответствует действительности), может быть причиной того, что Стеллер о нем не говорит? Записки были написаны Стеллером спустя несколько лет после описываемых в них событий, и в то время никакой роли не играло, кто умер на несколько дней раньше, а кто позже. Мы также знаем, что между Эйзельбергом и Берингом умерло еще два человека (денщик Семен Артемьев и конопатчик Алексей Клементьев — см. ниже). Где тогда они? Каким образом тогда вообще оправдывается присутствие Эйзельберга в конструкции археологов?

По моему мнению, фраза Стеллера: «Там он и лежит между своим адъютантом, комиссаром и двумя гренадерами» допускает два возможных толкования. Можно понимать ее как прямое конкретное указание на ближайших «соседей» Беринга на кладбище — именно эту трактовку выбрали археологи. Я же предлагаю читать высказывание натуралиста-адъютанта как грустное общее рассуждение на тему, что могила сравнивает всех, и первых, и последних. Решить, какое прочтение соответствует истине, трудно. Тем не менее я нахожу подтверждение своей трактовке в приводимом ниже хронологическом списке умерших. Здесь хорошо видно, что Стеллер называет погребенных не в хронологическом порядке. Если бы Стеллер говорил о прямых «соседах» Беринга на кладбище, то они должны были бы умереть один за одним. Но где в таком случае похоронены денщик Семен Артемьев (ум. 22 ноября), конопатчик Алексей Клементьев (ум. 4 декабря) и канонир Проконий Ефимцов (ум. 27 декабря)? Ведь если следовать собственной логике археологов и их истолкованию слов Стеллера, то именно эти люди должны были бы лежать бок о бок с Берингом, а не те, кого называют археологи.

х х х

Сколько всего человек было похоронено на острове и возможно ли это установить? В нашем распоряжении имеется всего четыре письменных источника, проливающих свет на эти вопросы. Наиболее информативный

³² Звягин В.Н., Мусаев Ш.М., Станюкович А.К. Указ. соч. С. 57.

и систематичный из них — официальный список всех умерших членов команды «Св. Петра» во время компании 1741–1742 гг.³³ Список был явно составлен на основе судового журнала во время плавания и каких-то неизвестных нам записей во время зимовки и сохранился как приложение к рапорту Вакселя Адмиралтейств-коллегии от 15 ноября 1742 г.³⁴ Список включает в себя имена в общей сложности 31 человека, погибшего во время плавания «Св. Петра» и во время зимовки на о. Беринга. Список организован по старшинству чинов и приводит дату смерти, но не сообщает, был ли умерший сброшен в воду или погребен на острове.

Вахтенный журнал «Св. Петра», ведшийся штурманом Харламом Юшиным, подробно говорит обо всех умерших во время плавания, но заканчивается на дате 6 ноября и не приводит никаких сведений о событиях зимовки. Про умерших 4 ноября Осипе Ченцове, Алексее Попове и Иване Давыдове указывается, что их тела «были спущены на воду»³⁵. Подобные же указания систематично стоят и у имен всех тех, кто умер на борту пакетбота раньше, во время плавания³⁶. Но вот у имени гренадера Ивана Небаронова, умершего 5 ноября, такой пометы в журнале нет³⁷. Можно предполагать, что Небаронов оказался первым, похороненным на берегу. Возможно, это подтверждается и словами Стеллера о «двух гренадерах».

Интересно, что об О. Ченцове упоминается, что его отпели, прежде чем спустить на воду. Несомненно, что отпевали и всех других, хотя ни священника, ни дьякона на «Св. Петре» не было. В таких случаях обряды выполнял старший по званию офицер православного вероисповедания (в данном случае таковым являлся мастер Софрон Хитрово). В этом упоминании отпевания видно и то, что, даже несмотря на суматоху и панику начала ноября, к покойным относились с полным почтением и все обряды, насколько это было возможно, выполнялись.

³³ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Д. 794. Л. 186 об. — 187 об. Список опубликован: Последняя экспедиция. С. 135–136. В работах археологов, несомненно, использована эта публикация, хотя ссылки на нее не поставлены. Новая публикация списка готовится в: Вторая Камчатская экспедиция. Документы. Морские отряды. 1741–1742 / Сост. Н. Охотина-Линд. СПб., 2018 (в печати).

³⁴ Сам рапорт (без приложений) опубликован: *Ваксель С.* Указ. соч. С. 138–151; Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. Сборник документов / Сост. Т.С. Федорова и др. М., 1984. С. 262–273.

³⁵ Русские экспедиции. С. 247–248.

³⁶ Исключение составляет самый первый умерший член команды, матрос Никита Шумагин (ум. 31 августа). Он был похоронен на необитаемом острове, куда «Св. Петр» зашел взять пресной воды. Остров был окрещен Шумагинским — вероятно, редкий в истории случай, когда географическое название было присвоено в честь простого матроса.

³⁷ Там же. С. 248.

Пакетботы «Св. Петр» и «Св. Павел». Рис. И. Пиеничного

Судовой журнал также сообщает, что высадка больных на берег шла с 6 по 22 ноября, и в это время около 50 членов команды были одержимы цингой³⁸. Изначально на борту «Св. Петра» было 77 человек, на 6 ноября умерло уже 12 или 13 человек, значит, более или менее здоровых или во всяком случае ходячих оставалось около 15 человек.

Об умерших во время экспедиции писали в воспоминаниях также и Стеллер, и Ваксель, но совершенно несистематично и неполно. Они оба составляли свои записки не по горячим следам, а полагаясь на память³⁹, поэтому у них много несоответствий и, вероятно, ошибок, в первую очередь при описании сумбурных дней начала ноября, когда «Св. Петр» подошел к берегу необитаемого острова, попал в шторм и был разбит, и одновременно с этим шли постепенная высадка экипажа на берег и устройство зимнего лагеря. Так, например, Стеллер пишет под датой 6 ноября: «Хотя в последние дни мы везли с собой нескольких умерших солдат и трубача, чтобы похоронить их на берегу, их без вся-

³⁸ Там же.

«Дневник» Стеллера был написан в 1743 г., а «Записки» Вакселя около 1758 г.

ких церемоний сбросили вниз головой в море»⁴⁰. На самом деле трубач Михаил Торощов умер только 11 ноября и явно был похоронен на острове. Скорее всего, Стеллер имел в виду барабанщика Осипа Ченцова, умершего 4 ноября и действительно, судя по судовому журналу, сброшенного в море. Опять же, как мы видим по вахтенному журналу, «церемонии» все-таки соблюдались.

По сведениям же Вакселя, пятерых покойных, которые продолжали все это время оставаться на борту «Св. Петра», сбросили в воду только 19 ноября⁴¹. Судя по всему, Ваксель подводит память с датами, когда он описывает, как 8 ноября началась эвакуация больных с судна: «Многие из них умерли, как только попали на свежий воздух, несколько человек скончалось в лодке, так и не ступив на берег, а несколько человек умерло уже на берегу вскоре после высадки»⁴². Но эвакуация больных началась 6 ноября (по судовому журналу), а 8 ноября (по списку умерших) умер только один человек, Нильс Янсен. Тем не менее обрисованная им картина смерти людей во время высадки с корабля настолько ярка и впечатляюща, что нет сомнений, что она врезалась в память лейтенанта. Вероятно, он имел в виду всех, умерших 15 ноября (см. список ниже) и похороненных на острове. Их же имена как умерших 15 ноября при перевозе с судна на берег называет и Стеллер⁴³.

Совершенно точно ошибается Ваксель, когда преувеличивает число умерших: «Весь ноябрь и декабрь мы провели в величайших страданиях. За это время умерло около тридцати человек, не считая тех, которые скончались во время плавания и были выброшены в море»⁴⁴. Как мы знаем, за всю экспедицию умер 31 человек, а по моим подсчетам (см. ниже), во время зимовки скончалось 19–20 человек.

Археологи исходили из того, что умерших во время высадки на берег хоронили непосредственно тут же на берегу, а уже всех остальных — в близости от Командорского лагеря. Мне представляется более естественным, что кладбище было создано одно, рядом с лагерем⁴⁵, и что на нем все лежали рядом, а не были разбросаны по острову. К тому же хотя в команде не было священника, но земля под будущее кладбище должна была как-то освящаться — а это опять, на мой взгляд, говорит в пользу единого общего

⁴⁰ Стеллер Г.В. Указ. соч. С. 97.

⁴¹ Ваксель С. Указ. соч. С. 75.

⁴² Там же.

⁴³ Стеллер Г.В. Указ. соч. С. 106.

⁴⁴ Там же. С. 84.

⁴⁵ Зимний лагерь начали готовить уже 6 ноября, одновременно с началом высадки больных, поэтому хоронить умерших с самого начала было можно около лагеря.

кладбища. Однако и то и другое предположение — чисто умозрительные, в письменных источниках ничего конкретно об этом не говорится.

х х х

Сколько же человек было в общей сложности похоронено на острове? Археологи везде приводят число 13–14, но не объясняют, каким образом они это число получили. Как уже говорилось, в нашем главном источнике — официальном списке умерших — имена расположены по чину, с указанием даты. В следующей ниже таблице я расположила имена по дате их смерти и получила довольно интересную картину. Уверенно можно говорить, что начиная с 8 ноября покойных хоронили на острове. Скорее всего и гренадер Иван Небаронов был погребен тут же, хотя и умер еще на корабле. Только для двоих — дворовых людей Никиты Булатова и Прокофия Хорохорина — даты не были записаны. Но о слуге мастера Софрона Хитрово Прокофии Хорохорине известно со слов Стеллера⁴⁶, что он умер во время зимовки. А дата смерти слуги Дм. Овцына Никиты Булатова — 19 ноября — сохранилась в журнале Софрона Хитрово⁴⁷.

5.11.1741	Иван Небаронов ?	гренадер
8.11.1741	Нильс Янсен	боцман
11.11.1741	Михаил Торопцов	трубач
15.11.1741	Илья Дергачев	канонир
15.11.1741	Иван Емельянов	матрос
15.11.1741	Селиверст Тараканов	матрос
15.11.1741	Василий Попков	солдат
16.11.1741	Сава Степанов	солдат
19.11.1741	Никита Булатов	дворовый человек Овцына
20.11.1741	Марк Антипин	матрос
22.11.1741	<i>Андреас Эйзельберг</i>	<i>штурман</i>
22.11.1741	Семен Артемьев	денщик Лагунова

⁴⁶ Стеллер Г.В. Указ. соч. С. 111.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 21. Оп. Доп. Д, 9 доп. Л. 95 об.

04.12.1741	Алексей Клементьев	конопатчик
08.12.1741	<i>Витус Беринг</i>	<i>капитан-командор</i>
09.12.1741	<i>Никита Хотяинцов</i>	<i>поджигер, адъютант</i>
17.12.1741	<i>Иван Третьяков</i>	<i>гренадер</i>
27.12.1741	Прокопий Ефимцов	канонир
02.01.1742	<i>Федор Панов</i>	<i>солдат</i>
08.01.1742	<i>Иван Лагунов</i>	<i>прапорщик, комиссар</i>
на острове	Прокофий Хорохорин	дворовый человек Хитрово

Таким образом, на острове точно было похоронено 19 человек, а может быть, еще и Небаронов. Курсивом я выделила в таблице имена людей, которые, по утверждению археологов, были захоронены в шести погребениях раскопанного ими некрополя.

Почему «некрополь Командорского лагеря» в представлении археологов состоит только из шести могил? А где же остальные 13 (или 14) человек? И действительно ли эти шесть захоронений принадлежат Камчатской экспедиции? Мне кажется, что рассмотренная выше аргументация археологов в пользу сделанной ими идентификации похороненных неубедительна и не находит подтверждения не только в письменных, но и в приводимых ими же самими антропологических источниках.

Изучение костных останков некрополя показало, что у всех шести похороненных там мужчин было «хорошее состояние зубов»⁴⁸. Но ведь по всем источникам нам известно, что вся команда Беринга была больна цингой (от нее, пожалуй, был свободен только Стеллер, готовивший себе во время плавания лечебные отвары). Участники раскопок тоже хорошо видели это противоречие, но пытались объяснить его тем, что многие болезни имеют некоторые симптомы, сходные с симптомами цинги (например, ишемическая болезнь сердца, нефрит, астматический бронхит и др.), и значит, члены экспедиции болели не цингой. Но трудно себе вообразить, чтобы все находившиеся на «Св. Петре» одновременно заболели разными болезнями, которые все имеют схожие с цингой симптомы, но при этом не были цингой. По материалам Камчатской экспедиции ясно прослеживается, что во всех плаваниях моряки из-за бедного витаминного питания и нехватки свежей воды самое большое через месяц, а то уже и раньше начинали страдать от цинги — кто в большей, кто в меньшей

⁴⁸ Звягин В.Н., Мусатов Ш.М., Станюкович А.К. Указ. соч. С. 238.

степени. А команда «Св. Петра» находилась в плавании шесть изнурительных месяцев. Уже 10 августа 1741 г. консилиум команды «Св. Петра» говорит о том, что пять человек не встают, шестнадцать человек еще могут двигаться, хотя и больны⁴⁹. В начале ноября, перед высадкой на остров, восемь человек могли слегка двигаться, но наверх, на палубу, выходило только трое. Остальные лежали при смерти (если уже не умерли)⁵⁰. И неужели опытные моряки, потерявшие от цинги многих товарищей за годы службы, и обладавший медицинским образованием и опытом Стеллер не видели разницы между цингой и другими болезнями⁵¹? И каким образом все выжившие члены команды, получив на острове свежую мясную пищу и здоровую воду, сумели к концу января 1742 г. поправиться и встать на ноги⁵², если у них была не цинга, а какие-то другие болезни? В это трудно поверить. Никаким чудом у шестерых погребенных не могло быть хороших зубов, если они были членами экипажа «Св. Петра».

Х Х Х

И наконец, само расположение раскопанного некрополя не соответствует единственному письменному источнику, в котором содержатся указания на его место — «Дневнике плавания» Стеллера. В данном контексте интересно обратиться к ранней статье датских археологов, где отражены представления, полученные ими от русских археологов, и становится понятно, почему они начали раскопки именно в этом месте. В статье, написанной по горячим следам, в конце 1991 г., датские археологи С. Петерсен и О. Шёрринг пишут: «За то, что на такой обширной территории вообще удалось найти могилу Беринга, мы должны благодарить Стеллера, который пишет, что Беринг был погребен в непосредственной близости от его землянки»⁵³. Эту же ошибку видим намного позже и у датского археолога О. Мадсена, который полностью повторяет аргумент, почему могилу Беринга искали именно в этом месте — потому что якобы так указывает Стеллер⁵⁴. Их ошибка особенно досадна, потому что

⁴⁹ Вторая Камчатская экспедиция. Морские отряды. Док. № 53 (в печати).

⁵⁰ Там же. Док. № 150.

⁵¹ Подробное описание симптомов и протекания цинги оставил Ваксель, сам едва не умерший: Ваксель С. Указ. соч. С. 130–131.

⁵² Ваксель С. С. 84.

⁵³ Petersen S.G. & Schiørring O. S. 5 (перевод мой. — Н.О.-А.).

⁵⁴ Madsen O. S. 333.

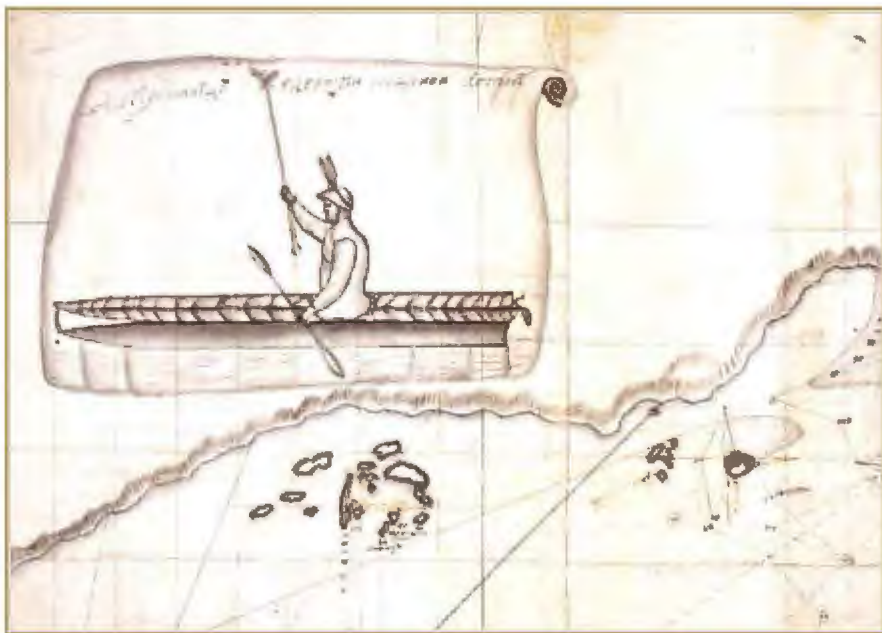
сочинение Стеллера — единственный источник, который они могли бы прочитать сами, поскольку он написан на немецком языке, а к тому же и переведен на датский. Но они абсолютно очевидно этого не сделали, а положились на прочтение Стеллера русскими археологами. Откуда же эта ошибка взялась у русских археологов? Ответ находится в их книге 1988 г. о результатах раскопок Командорского лагеря: при написании этой книги они использовали очень плохой и неточный перевод Стеллера 1928 г., в котором действительно читается, что Беринг был похоронен «возле его жилища»⁵⁵. Совершенно очевидно, что отправляясь в новую экспедицию в 1991 г., на поиски могилы Беринга, они так и не прочитали не только оригинальное немецкое издание Стеллера 1793 г., но и вышедший в 1988 г. английский перевод, и были свято уверены, что захоронение надо искать рядом с землянкой Беринга, а она, по результатам их предыдущих раскопок, находилась в самой северной части лагеря. Именно поэтому поиски некрополя с самого начала и велись целенаправленно на 25 метров к северу от жилища Беринга, т.е. к северу от всего лагеря зимовщиков, вытянутого полосой с юга на север⁵⁶. Русские археологи обнаружили, вероятно, лишь постфактум, что Стеллер никогда не писал о том, что Беринг был похоронен рядом с его собственной землянкой. Поэтому в их работах о раскопках 1991 г. обходится молчанием, почему собственно могилу стали искать в этом конкретном месте. В своей исходной ошибочной посылке они так никогда и не признались, иначе бы все их построения и аргументация того, что они нашли могилу Беринга и реконструировали его облик, разрушились бы как карточный домик. Лишь наивные объяснения датских археологов, почему раскопки велись в непосредственной близости от предполагаемой землянки Беринга, проливают свет на корень этой ошибки.

В 1995 г. вышел новый перевод Стеллера под редакцией самого руководителя раскопок на острове Беринга А.К. Станюковича. Перевод делался не с немецкого оригинала, а с английского перевода. В этом новом русском переводе с перевода стоит: «Мы похоронили его тело на следующий день рядом с **нашим пристанищем...**»⁵⁷ [выделено мной. — Н.О.-Л.]. «Пристанище» — очень неопределенное и расплывчатое понятие, его можно понимать и как отдельное жилище, и как весь лагерь зимовщиков, и именно в этом последнем значении его и предпочитали понимать археологи.

⁵⁵ Леньков В.Д., Силантьев Г.А., Станюкович А.К. Указ. соч. С. 17.

⁵⁶ Там же. С. 35.

⁵⁷ Стеллер Г.В. Указ. соч. С. 115.

Алеут в лодке. Рисунок на карте 1744 г., составленной С. Вакселем и С. Хитрово.

Если же мы обратимся к немецкому тексту, чего ни датские, ни русские археологи до сих пор не делали, то прочитаем: «*unsrer Wohnung*»⁵⁸, т.е. «наше жилище», «наша постройка», это слово никоим образом не может относиться ко всему лагерю. Во всем своем сочинении Стеллер систематично употребляет слово «*Wohnung*» только по отношению к отдельным постройкам, жилищам или землянкам. Один раз он пишет, имея в виду весь лагерь: «... *fünf Werste von unsern Wohnungen nach Westen* ...»⁵⁹ (в пяти верстах от наших жилищ на запад), но тут совершенно четко употреблено множественное число и для существительного, и для притяжательного местоимения 1-го лица. Таким образом, Стеллер привязывал место захоронения Беринга к своей собственной землянке (в ней также жили Плениснер и другие иностранцы), а она, по собственной же атрибуции археологов, находилась в южной части лагеря, а не в северной, где были землянка Беринга и общая казарма. Судя по сделанному ими плану, между жилищами Беринга и Стеллера было приблизительно 30 метров⁶⁰, а между раскопанным некрополем и жилищем Беринга еще 25 метров⁶¹. Таким образом получаем, что жилище Стеллера от места раскопанного некрополя отделя-

⁵⁸ *Steller G.W. Ibid. S. 116.*

⁵⁹ *Steller G.W. Ibid. S. 126.*

⁶⁰ *Леньков В.Д., Силантьев Г.А., Станюкович А.К. Указ. соч. С. 35.*

⁶¹ *Русские морские экспедиции XVIII века. С. 29.*

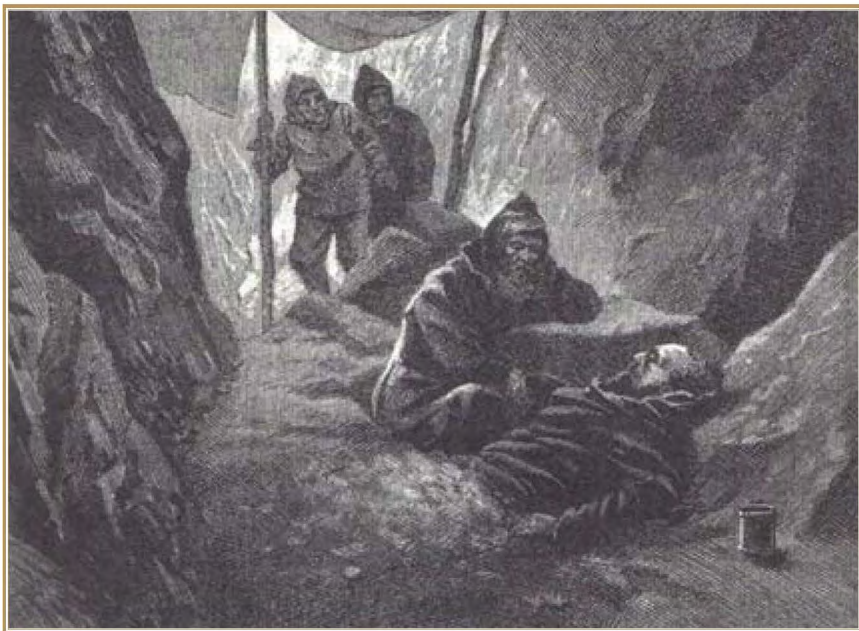
ет примерно 55 метров, и между ними расположены еще три другие землянки. Совершенно очевидно, что слова Стеллера о том, что Беринг был похоронен рядом с землянкой самого Стеллера, не могли относиться к так называемому «некрополю Командорского лагеря».

А что же стояло в английском переводе, с которого переводилось русское издание Стеллера? Там мы читаем совершенно четкий и ясный перевод с немецкого: «...close to our dwelling»⁶². Слово «dwelling» на русский язык переводится так же четко и ясно: жилище, постройка, дом (и именно так слово и переводится во всех других случаях в этой книге). То есть в данном контексте речь совершенно определено идет о землянке самого Стеллера (которую он делил с другими иностранцами), и никак не обо всем Командорском лагере. Даже переводя с английского, а не с немецкого, эта фраза в русском тексте должна была бы звучать так: «Мы похоронили его тело на следующий день рядом с **нашей землянкой...**» Почему же в русском переводе под редакцией Станюковича появляется это странное слово «пристанище»? С чем мы имеем дело: с неряшливостью перевода или с сознательной фальсификацией исторического источника? К моменту опубликования русского перевода в 1995 г. продолжалась эйфория вокруг сенсационной находки могилы Беринга и реконструкции его облика Звягиным. Вышло несколько научных работ о результатах раскопок и об антропологических исследованиях, внимание средств массовой информации было безотрывно приковано к этим событиям, журналистами было написано несметное количество репортажей и статей, взято интервью, с большой помпой были перезахоронены останки людей из раскопанных захоронений (которым всем были присвоены имена), новосозданный бюст Беринга украсил многие музеи. И на фоне этой триумфальной атмосферы опубликовать перевод Стеллера, из которого бы следовало, что Беринг на самом деле был похоронен совсем не там, где его могилу искали и «нашли» археологи? Вероятно, чтобы хоть как-то спасти положение, и было придумано туманное и двусмысленное слово «пристанище», которое археологи могли трактовать как весь Командорский лагерь. Если Беринг был якобы похоронен «рядом с нашим лагерем», то и место раскопок не выглядит как та вопиющая ошибка, которой оно является в действительности⁶³.

⁶² *Steller G.W. Journal of a Voyage with Bering 1741–1742. Ed.: O.W. Frost. Stanford, 1988. P. 141.*

⁶³ Только К.А. Шопотов, хотя и не знакомый с немецким оригиналом, прочитал русский перевод правильно, понимая под «нашим пристанищем» землянку Стеллера. На этом основании он также указывал, что археологи выбрали ошибочное место для раскопок — рядом с землянкой Беринга (*Шопотов К.А. Указ. соч. С. 52*).

Смерть Витуса Беринга. Рис. 1898 г.

X X X

По заключению самих археологов, начиная с середины 1740-х гг. Командорский лагерь активно использовался зверопромышленниками-купцами, с большим успехом истреблявшими морскую корову, часто зимовавшими на острове и пользовавшимися оставленным имуществом экспедиции Беринга и бывшим лагерем команды «Св. Петра»⁶⁴. Вполне вероятно, что «некрополь», состоявший из шести захоронений и располагавшийся рядом с Командорским лагерем, мог быть оставлен зверопромышленниками второй половины XVIII в. В пользу этого предположения указывает, например, тот факт, что у всех погребенных здесь мужчин были здоровые зубы. В отличие от только что вернувшихся из длительного плавания моряков, у промышленников не было цинги: они жили длительное время на острове, питались мясом морских коров и пили свежую воду. Кем же был погребенный из захоронения № 6? Мужчина около 60 лет, с черепом среднеевропейского типа, обладавший недюжинной богатырской силой и ослепительной улыбкой здоровых зубов, на его высокий социальный статус указывает наличие деревянного сооружения, имитировавшего гроб. Казак-атаман? «Батька» артели промышленников? Гадать можно сколько

⁶⁴ Леньков В.Д., Силантьев Г.А., Станюкович А.К. Указ. соч. С. 20–23; Звягин В.Н., Мусатов Ш.М., Станюкович А.К. Указ. соч. С. 17.

угодно. Его имени мы, вероятно, никогда не узнаем, но во всяком случае у нас есть реконструкция облика этого человека, сделанная В.Н. Звягиным.

Так где же находилось настоящее кладбище Второй Камчатской экспедиции? Слова Стеллера указывают на то, что оно располагалось рядом с южной частью лагеря (конечно, если доверять определению археологов, что землянка Стеллера находилась именно там). Может быть, оно и до сих пор там, а может быть, оно было смыто водой еще много лет тому назад. Окрестности Командорского лагеря постоянно размываются водой как со стороны моря, так и в результате изменения русла р. Командор⁶⁵. Так что очень вероятно, что настоящее кладбище зимовщиков со «Св. Петра» и могила самого Витуса Беринга давно не существуют.

Я боюсь, что соблазн громкой научной сенсации, приуроченной к 250-летию юбилею, подтолкнул археологов к обнаружению скоропалительных выводов, не получающих подтверждений в письменных источниках и в приводимых ими же самими антропологических наблюдениях. Все данные говорят за то, что раскопанный ими в 1991 г. некрополь не мог принадлежать команде Второй Камчатской экспедиции, соответственно и могила Витуса Беринга продолжает оставаться неизвестной, а сделанная по черепу реконструкция его облика становится неактуальной. В заключение я лишь хочу подчеркнуть, что я ни в коем случае не призываю к новым поискам кладбища зимовщиков и могилы Беринга. Эти люди достаточно страдали при жизни, не надо тревожить их и после смерти. Сама мысль раскапывать могилы известных людей для того, чтобы с помощью современных технологий восстановить их внешность и полюбопытствовать, какой формы у них был нос, кажется мне чудовищной. Так ли уж важно, как выглядел на самом деле капитан-командор? Действительно, всегда хочется визуализировать облик знаменитого человека, но в случае с Витусом Берингом существует по крайней мере портрет из Центрального военно-морского музея. И хотя с этим портретом тоже нет стопроцентной уверенности, что на нем изображен мореплаватель, но этот образ был известен в течение нескольких десятилетий, вошел в сознание большинства и до сих пор остается единственным, что у нас есть.

⁶⁵ Звягин В.Н., Мусавев Ш.М., Станюкович А.К. Указ. соч. С. 58–59.

REFERENCES

1. *Albrethsen S.E.* Vitus Berings sidste rejse [Vitus Bering's last voyage] // Nationalmuseets Arbejdsmark [The Work Field of the Nationalmuseum]. København, 1993. S. 135–150.
2. *Albrethsen S.E.* Vitus Bering's second Kamchatka expedition — the journey to America and archaeological excavations on Bering Island // Vitus Bering 1741–1991. Ed.: Jacobsen N.K., Copenhagen, 1993. P. 66–96.
3. *Docenko V.D.* Russkij morskoy mundir 1696–1917 [Russian naval uniform 1696–1917]. SPb., 1994.
4. *Docenko V.D., Getmanec G.M.* Russkij morskoy mundir 1696–1917 [Russian naval uniform 1696–1917]. SPb., 2008.
5. *Len'kov V.D., Silant'ev G.L., Staniukovich A.K.* Komandorskij lager' ekspedicii Beringa. Opyt kompleksnogo izuchenija [The Komandorskii Camp of the Bering Expedition. An Experiment in Complex Study]. M., 1988.
6. *Madsen O., Petersen S.G., Schiørring O.* Excavating Bering's grave, Komandor bay, Bering island, august 1991: a preliminary report // Bering and Chirikov. The american voyages and their impact. Ed.: Frost O.W. Anchorage 1992. P. 229–247.
7. *Madsen O.* Die Ausgrabung eines Entdeckers. Die Vitus-Bering-Expedition 1991 [The excavation of an explorer] // Es war einmal ein Schiff. Archäologische Expeditionen zum Meer [Once there was a ship. Archaeological Expeditions on sea]. Hg.: Claus von Carnap-Bornheim, Christian Radtke. Hamburg, 2007.
8. *Petersen S.G. & Schiørring O.* «Han døde 8. december» [He died December 8] // Skalk 1991. Nr. 6. S. 3–8.
9. Poslednjaja ekspedicija Vitusa Beringa [Vitus Bering's last expedition]. M., 1992.
10. Russkie ekspedicii po izucheniju severnoj chasti Tikhogo okeana v pervoj polovine XVIII v. Sbornik dokumentov [Russian expeditions exploring the northern parts of the Pacific Ocean in the first half of the 18th century]. Sost. T.S. Fedorova i dr. M., 1984.
11. Russkie morskije ekspedicii XVIII veka. Oчерki kompleksnogo izuchenija pamjatnikov material'noj kul'tury [Russian maritime expeditions of the 18th century]. Pod red. A.K. Stanjukovicha. M., 1996.

12. Russkie portrety XVIII — nachala XX vv. Materialy po ikonografii [Russian portraits from the 18th to the beginning of the 20th century. Materials on Iconography]. Vyp. 5. Portretnaja zhivopis' iz sobranija Central'nogo voennomorskogo muzeja [Portrait paintings from the collection of the Central naval museum]. Sost. S.A. Podstanickij. SPb., 2016.
13. *Shopotov K.A.* Beringov krest [Bering's cross]. SPb., 2016.
14. *Steller G.V.* Dnevnik plavanija s Beringom k beregam Ameriki 1741–1742 [The Diary of Bering's voyage to the coasts of America]. Pod red. A.K. Stanjukovicha. M., 1995.
15. *Steller G.W.* Reise von Kamtschatka nach Amerika mit dem Commandeur-Capitan Bering [The voyage from Kamchatka to America with Captain Commander Bering]. St. Petersburg, 1793.
16. *Steller G.W.* Journal of a Voyage with Bering 1741–1742. Ed.: O.W. Frost. Stanford, 1988.
17. *Vaksel' S.* Vtoraja Kamchatskaja ekspedicija Vitusa Beringa [Vitus Bering's Second Kamchatka Expedition]. Pod red. A.I. Andreeva. L.; M., 1940.
18. Vtoraja Kamchatskaja ekspedicija. Dokumenty. Morskie otrjady. 1741–1742 [The Second Kamchatka Expedition. Documents. The Marine Group]. Sost. N. Okhotina-Lind. SPb. 2018 (v pečati).
19. *Zvjagin V.N., Musaev Sh.M., Stanjukovich A.K.* Vitus Jonassen Bering (1681–1741). Mediko-kriminalisticheskij portret [Vitus Jonassen Bering (1681–1741). A medico-forensic portrait]. Baku, 1995.

Ключевые слова:

Витус Беринг, Вторая Камчатская экспедиция, археологические раскопки на острове Беринга, облик В. Беринга.

Natalia A. Okhotina-Lind

WHERE IS VITUS BERING BURIED?

In 1991 on Bering Island archeologists excavated six graves. One, grave № 6, was identified as the grave of Captain-Commander Vitus Bering, who died December 8, 1741. The remaining five graves were considered to belong to crewmen of the Second Kamchatka expedition.

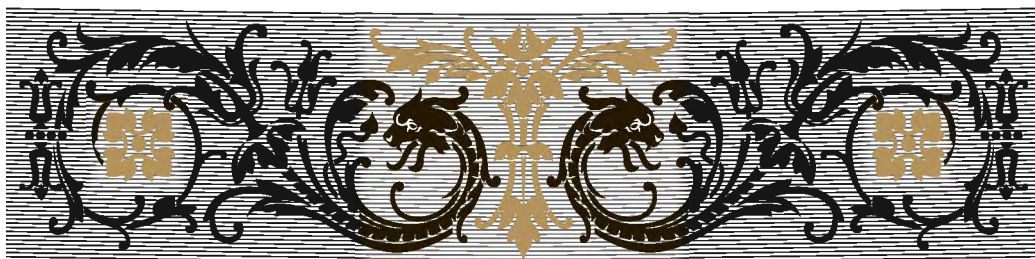
These identifications have never been verified nor contested, nonetheless the reconstructed facial characteristics of the skull in grave № 6 has generally been acknowledged as representing those of Vitus Bering and are now widely known from numerous busts.

In the article all known written sources, pertaining to the deaths and burials of crew members of the Expedition, are considered and analyzed, as are the anthropological data published by the archeologists. As a result, it is demonstrated that neither the claim that one grave contained the bones of Vitus Bering nor the identifications of the remaining five stands up to criticism.

Furthermore, the anthropological data entirely disproves the archeologists' claim that this was the «necropolis of the Second Kamchatka expedition». Accordingly, the portrait created on the basis of the skull in grave № 6 cannot possibly be identified with Vitus Bering. Hence the burial place of the explorer is still unknown.

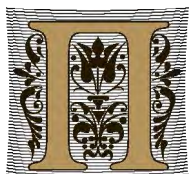
 Наталья Александровна Охотина-Линд

кандидат исторических наук, Ph.D., доцент Института межкультурных
и региональных исследований при Копенгагенском университете,
г. Копенгаген, Дания

А.В. Морохин

«Я УЗНАЮ СЕБЯ В МОЕМ ОТЦЕ»: НИКОЛАЙ I И КУЛЬТ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

очитание Павла I (1754–1801) в российской императорской фамилии XIX — начала XX в. никогда не являлось предметом специального изучения отечественной исторической традиции. Между тем окончательное оформление этого семейного культа во второй четверти XIX столетия необходимо связать с деятельностью младшего сына «романтического императора» — Николая I. Историки неоднократно отмечали интерес последнего к эпохе 1796–1801 гг., его пиетет к памяти отца и даже взаимосвязь многих идей двух императоров¹.

Одним из первых на отношение Николая I к памяти отца обратил внимание известный историк П.И. Барг, который на страницах редактируемого им журнала «Русский архив» неоднократно делился с читателями

¹ Полевктов М. Николай I. Биография и обзор царствования. М., 1918. С. 2; Эйдельман Н.Я. Герцен против самодержавия. Секретная политическая история России XVIII–XIX веков и Вольная печать. М., 1984. С. 202; Марголис Ю.Д., Жуковская Т.Н. Традиции Павла I в истории русской государственности // Император Павел Первый и Орден Св. Иоанна Иерусалимского в России. СПб., 1995. С. 36; Выходков А.В. Николай I. М., 2003. С. 539; Скоробогатов А.В. Цесаревич Павел Петрович. Политический дискурс и социальная практика. М., 2005. С. 140.

своими наблюдениями касательно отношения Николая I к эпохе своего отца. Как свидетельствовал П.И. Бартнев, «судьба отца отменно занимала его (Николая I) во всю его жизнь»². В другой своей работе историк отмечал, что Николаю Павловичу «были мало известны ужасы Павловского царствования, объясняемые болезненностью; но он хорошо знал про его великодушные, про широту замыслов, про отвращение к крепостному праву... о самобытности его ума, о своеобразии в отношении к людям. Письменные приказы Павла Петровича, его меткие отзывы о событиях и лицах были, конечно, ему известны, и он любил находить в себе сходство со злополучным своим родителем»³. Уже в наше время появились работы, посвященные созданию Николаем I мемориала Павла I в Гатчине и строительству в этой резиденции собора во имя апостола Павла, тезоименитого отцу императора⁴. Несмотря на наметившийся в последние годы интерес к указанной проблеме, связанной с почитанием Павла I Николаем I, следует признать, что далеко не все аспекты данной тематики нашли свое отражение в историографии.

У родившегося 25 июня 1796 г. Николая I сохранились отдельные детские воспоминания об отце, хотя, по свидетельству некоторых современников, младший сын даже считался любимцем Павла I⁵. По наблюдениям современных исследователей, «образы счастливого детства в памяти Николая были связаны именно с отцом...»⁶. Будущий император, например, прекрасно помнил свое назначение в трехлетнем возрасте шефом Измайловского полка в 1799 г. после того, как старший брат Константин был назначен шефом Конногвардейского полка. Николай I так вспоминал об этом событии:

² Из Записной книжки «Русского архива» // Русский архив. 1912. Кн.1. С. 313.

³ Из писем императора Николая Павловича к И.Ф. Паскевичу // Русский архив. 1910. № 6. С. 161 (Предисловие П.И. Бартнева).

⁴ Лосева А.С. «Себя как в зеркале я вижу...». Царские резиденции глазами заказчиков. СПб., 2006. С. 50, 57; Яковлев Н.А. Собор Святого Апостола Павла в Гатчине: проект, авторы, посвящение // Культура и искусство в эпоху Николая I. Материалы научной конференции. СПб., 2008. С. 214–229; Выскочков А.В. Память об отце: Николай I и Павел I // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 11. С. 22–34.

⁵ Коцебу А. Краткое описание императорского Михайловского замка 1801 года // Русский архив. 1870. Кн. 1. № 4–5. С. 991. Сохранилось письмо великого князя Павла Петровича, написанное некоему церковному иерарху (надо полагать, архиепископу Платону (Левшину) в день рождения сына: «Сего утра Бог даровал мне сына Николая. И како участие, которое принимало Ваше Преосвященство во всем, касающемся до меня, извещаю Вас. Пребываю вашим благосклонным Павел». См.: НИОР РГБ. Ф. 303.1. К.13. № 1021. Л.1.

⁶ Сидорова М.В., Силаева М.Н. Записные книжки великого князя Николая Павловича 1822–1825 (Предисловие) // Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825. М., 2013. С. 4.

Император Николай I. Художник Ф. Крюгер

«Впечатление, которое на меня произвело это известие, было столь сильно, что оставило в памяти моей живой след о том, каким образом я об этом узнал и сколь мало я в то время был польщен этим назначением. Это было в Павловске, я ожидал моего отца в нижней комнате, он возвращался, я пошел к нему к калитке малого сада у балкона; он отворил калитку и, сняв шляпу, сказал: “Поздравляю, Николаша, с новым полком, я тебя перевел из Конной гвардии в Измайловский полк, в обмен с братом”. Я об этом упоминаю лишь для того, чтобы показать, насколько то, что льстит или оскорбляет, оставляет в раннем возрасте глубокое впечатление — мне в ту пору было едва три года!» В другой раз, «когда я был испуган шумом пикета Конной гвардии, стоявшего в прихожей моей матери, в Зимнем дворце, отец мой, проходивший в это время, взял меня на руки и заставил перецеловать весь караул». Николай I также помнил, что «отец мой нас нежно любил; однажды, когда мы приехали к нему в Павловск, к малому саду, я увидел его, идущего ко мне на встречу со знаменем у пояса, как тогда его носили, он мне его подарил; другой раз Обер-Шталмейстер граф Ростопчин, от имени отца, подарил мне маленькую золоченую коляску с парой шотландских вороных лошадок и жокеем». В памяти будущего императора отложились и парады, когда Павел I «несколько раз заставлял проходить неудачно парадировавшую гвардию». Отметим Николай I и боязнь, которую испытывали к Павлу I окружающие: «Надо думать, что чувство страха или схожее с ним чувство почитания, внушаемое моим отцом женщинами, нас окружавшим, было очень сильно, если память об этом сохранилась во мне до настоящего вре-

Император Павел I. Портрет XVIII в.

мени; хотя... мы очень любили отца и обращение его с нами было крайне доброе и ласковое, так что впечатление об этом могло быть мне внушено только тем, что я слышал и видел от нас окружавших». После переезда императорской семьи в Михайловский замок Павел I, как вспоминал его младший сын, «часто приходил нас проводить, и я очень хорошо помню, что он был чрезвычайно весел». В памяти Николая I отложились и воспоминания о том, что его вместе с сестрой Анной и братом Михаилом регулярно приводили к отцу «в то время, когда он причесывался; это происходило в собственной его опочивальне; он тогда бывал в белом шлафроке и сидел в простенке между окнами... Нас... выпускали в комнату с нашими англичанками, и отец с удовольствием нами любовался, когда мы играли на ковре, покрывавшем пол этой комнаты»⁷. Схожие реминисценции сохраняла и сестра Николая I Анна Павловна: «Мой отец любил окружать себя своими младшими детьми и заставлял нас, Николая, Михаила и меня, являться к нему в комнату играть, пока его причесывали, в единственный свободный момент, который был у него. В особенности это случалось в последнее время его жизни. Он был нежен и так добр с нами, что мы любили ходить к нему. Он говорил, что его отдалили от его старших детей, отобрав их от него с самого рождения, но что он желает окружить себя младшими, чтобы познакомиться с ними...»⁸

⁷ Николай Первый и его время. Т. 1. М., 2001. С. 70, 71, 72, 75, 76, 77.

⁸ Корф М.А. Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования. Рождение и первые двадцать лет жизни (1796–1817 гг.) // Сб. РИО. Т. 98. СПб., 1896. С. 21.

Убийство императора Павла I. Французская гравюра. 1880-е гг.

События ночи с 11 на 12 марта 1801 г. также запомнились Николаю I «как смутный сон... Никто из нас не подозревал, что мы лишились отца»⁹. После убийства заговорщиками Павла I его заgrimированное тело было выставлено для всеобщего поклонения. Как вспоминала французская художница М.Л.Э. Виж-Лебрэн, императрица Мария Федоровна ежедневно «на коленях молилась у тела и приводила с собой обоих младших сыновей, Николая и Михаила, еще совершенных детей. Николай однажды спросил ее: «Почему папа не просыпается?»»¹⁰.

После убийства Павла I в императорской семье отношение к памяти «романтического императора» было весьма неоднозначным. Уже в первые дни царствования Александра I его супруга императрица Елизавета Алексеевна в письме к матери от 14 (26) марта 1801 г. признавалась: «Сколь ни тягостна была для меня случившаяся таким печальным образом кончина Императора, не могу не признаться, я облегченно вздохнула вместе со всей Россией»¹¹. Схожим образом на воцарение Александра I отреагировал и его брат цесаревич Константин, который уже через несколько дней после

⁹ Николай Первый и его время. Т. 1. М., 2001. С. 70, 71, 72, 75, 76, 77.

¹⁰ Воспоминания госпожи Виж-Лебрэн о пребывании ее в Санкт-Петербурге и Москве 1795–1801. СПб., 2004. С. 123.

¹¹ Письма императрицы Елизаветы Алексеевны к матери, маркграфине Баденской Амалии // Звезда. 2001. № 1. С. 69.

убийства Павла I написал письмо княгине Е. Любомирской, в котором не было ни слова сожаления об отце: «У нас большая перемена. Моего отца нет в живых. Мой обожаемый брат — император. Его все обожают. Весь Петербург как бы снова родился, а Россия, мое дорогое отечество, свободно дышит грудью»¹². Позднее цесаревич даже позволял себе критические высказывания о времени правления отца. «Мой отец объявил войну здравому смыслу с твердым решением никогда не заключать мира», — говорил он¹³. Некоторые современные исследователи даже считают Константина причастным к заговору против Павла I¹⁴. Сохранилось известие о том, что уже в последние годы жизни, прочитав работу французского историка Л.П. Биньона «История Франции от 18 брюмера до Тильзитского мира», первые тома которой увидели свет в 1829–1830 гг., Константин Павлович был возмущен тем, что автор написал о том, что императрица Мария Федоровна и ее старшие сыновья знали о грядущем заговоре 1801 г. Цесаревич написал письмо историку, в котором потребовал немедленного опровержения, что и было сделано¹⁵. Сам Александр I, по свидетельству А. Чарторыйского, после убийства Павла I «предался отчаянию... Мысль, что он был причиной смерти отца, была для него ужасна; он чувствовал, словно меч вонзился в его совесть и черное пятно, казавшееся ему несмываемым, навсегда связалось с его именем...». В годы своего царствования Александр I постоянно возвращался к этой «ужасной мысли», «именно благодаря ей он впал с течением времени в такое уныние, дошел до такого отвращения к жизни и поддался, быть может, несколько преувеличенной набожности, которая является единственно возможной и действительной опорой человека среди мучительных страданий»¹⁶. Неудивительно, что причастность к смерти Павла I заставляла Александра I весьма сдержанно относиться к памяти отца. Так, сохранилось свидетельство о том, что он, увидев в дворцовой церкви Павловска написанную по заказу Марии Федоровны икону с изображением Спасителя на престоле, а перед ним стоящего на коленях

¹² Пичета В.И. Великий князь Константин Павлович и княжна Елена Любомирская // Голос минувшего. 1913. № 7. С. 238.

¹³ Отзыв цесаревича Константина Павловича об его отце, императоре Павле // Русская старина. 1908. № 12. С. 720.

¹⁴ См.: Сафонов М.М. Вокруг Михайловского замка (К истории дворцового переворота 1801 г.) // Государство и общество в России XV — начала XX века: Сборник статей памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб., 2007. С. 408–409.

¹⁵ Гагарин И.С. Дневник. Записки о моей жизни. Переписка. М., 1996. С.170–172; Каушанова О.С. Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России. Дис. к.и.н. М., 2000. С. 150. Прим.109.

¹⁶ Мемуары князя Адама Чарторыйского. Т.1. М., 1912. С. 228–229.

Г.Р. Державин. Художник В. Боровиковский

апостола Павла, символизирующего покойного императора, остался очень недовольным¹⁷.

Во многом из-за этого сдержанного отношения Александра I к памяти Павла I, а также из-за обстоятельств его смерти положительные оценки правления «романтического императора» в первой четверти XIX в. были весьма редкими. Своих симпатий к Павлу I не скрывали лишь немногие представители российского общества первой четверти XIX в. Так, одним из поклонников убитого императора был Г.Р. Державин, который «принадлежал к числу лиц, сильно предрасположенных против “коверкания” всех начинаний императора Павла»¹⁸. До конца своих дней преданность идеям Павла I сохранял и другой известный общественный и государственный деятель первой четверти XIX столетия — Ф.В. Ростопчин¹⁹. Но в целом общественное мнение негативно воспринимало деяния покойного императора. Н.М. Карамзин, например, в своей записке «О древней и новой России...» сравнивал Павла I с Иваном Грозным, а его царствование считал «вредным»²⁰. В учеб-

¹⁷ Из записной книжки издателя «Русского Архива» // Русский архив. 1912. № 5. С. 158.

¹⁸ Шильдер Н.К. Император Александр Первый: его жизнь и царствование. СПб., 1904. Т. 2. С. 41.

¹⁹ Мещерякова А.О. Ф.В. Ростопчин: у основания консерватизма и национализма в России. Воронеж, 2007. С. 93–95. См. также: Минаков А.Ю. Русская партия в первой четверти XIX века. М., 2013. С. 71.

²⁰ Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении // Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: Н.М. Карамзин. М., 2001. С. 102.

Ф.В. Ростопчин. Художник О. Кипренский

никах по русской истории замалчивались и обстоятельства его смерти. В них говорилось, что императора постигла «скоропостижная кончина»²¹.

Несмотря на общественное мнение, далеко не все члены императорской фамилии разделяли негативное отношение к погибшему Павлу I. В царской семье введение элемента «культы памяти» умерших родственников историки связывают с императрицей Марией Федоровной (1759–1828)²². Именно она, несмотря на сложные отношения в августейшей семье и отсутствие благополучия в последние месяцы жизни Павла I, сразу после убийства своего мужа стала играть роль безутешной вдовы и проповедовать культ убитого императора. В одном из писем в марте 1801 г. Мария Федоровна писала: «Сердце мое увяло, душа моя отягощена, но я не ропшу на определение Промысла; я лобызаю руку, меня поражающую...»²³ Как отмечала супруга Александра I Елизавета Алексеевна, по инициативе вдовствующей императрицы и при ее непосредственном участии «годовщины смерти императора Павла и восшествия на престол ныне царствующего Государя справляются ежегодно... в 11 часов всегда бывает торжественная

²¹ Курукин И.В. «Для вперения в юношество любви к отечеству»: Екатерина II и изучение истории в русской школе конца XVIII — начала XIX века // Исторический вестник. 2013. Т. 3 (150). С. 111. См. также: Окунь С.Б. Дворцовый переворот 1801 года в дореволюционной историографии // Вопросы истории. 1973. № 11. С. 34–35.

²² Уортман Р. Указ. соч. С. 330.

²³ Письмо императрицы Марии Федоровны к Сергею Ивановичу Плещееву // Русский архив. 1869. С. 1952.

заупокойная обедня для всего Двора, а после полудня панихида в крепости, где каждый раз собирается немало народа... императрица, согласно обычаю, становится близ гробницы покойного Государя, находящейся на возвышении, а мы и собравшийся народ стоим внизу, так что это в самом деле составляет зрелище»²⁴.

В своей загородной резиденции — Павловске Мария Федоровна свято берегла вывезенные из Михайловского замка вещи, связанные с убийством мужа. Жилые комнаты вдовствующей императрицы в Павловске были специально отделаны на месте комнат Павла I — на первом этаже²⁵. П.М. Дараган, служивший некогда камер-пажом при императрице, вспоминал, что в Павловске Мария Федоровна «окружила... себя всем, что могло напоминать ей о прошедшем. Кабинет императора Павла свято сохранялся в том виде, как был при нем, и камер-фурьер его, Сергей Ильич Крылов, продолжал носить мальтийский мундир вместо придворного...»²⁶. Посетивший Павловск в августе 1814 г. граф Ф.В. Ростопчин вспоминал: «После обеда императрица повела меня в свои новые покои; там так много вещей, напоминающих о несчастном Павле, что я вышел с очень тяжелым сердцем...»²⁷ Созданием музея покойного мужа в одной из загородных резиденций дело не ограничилось. На своей руке Мария Федоровна носила кольцо с волосами мужа, всюду возила с собой его постель, «а равно его одежду, сапоги, белье, его шпагу, трость, шляпу». Берегла императрица и библию Павла I, в которой «наш ангел отмечал... собственноручно те места, которые более всего поразили его». В своем завещании Мария Федоровна особо отметила: «Прошу всех, кому я сделала что-нибудь доброго, поминать в своих молитвах моего супруга и благодетеля, императора Павла...»²⁸ Кроме того, в завещании она распределила вещи мужа между детьми²⁹.

В духе культа отца Мария Федоровна воспитывала и своих младших детей. Сохранилось известие о том, что 23 июля 1802 г. поэт граф Д.И. Хвостов

²⁴ Императрица Елизавета Алексеевна по ее письмам к матери // Русский архив. 1909. № 12. С. 429.

²⁵ Гузанов А.Н. Павловск как памятник императрице Марии Федоровне // Завещание императрицы. К 250-летию со дня рождения. СПб., 2009. С. 23.

²⁶ Дараган П.М. Воспоминания первого камер-пажа великой княгини Александры Федоровны // Русская старина. 1875. № 4. С. 783.

²⁷ Письма графа Ф.В. Ростопчина к супруге и дочери и заметки о 1812 году // Русский архив. 1901. № 8. С. 491.

²⁸ Завещание императрицы Марии Федоровны, 1 ноября 1826 года // Русская старина. 1882. № 1. С. 129.

²⁹ Шторх Н.А. Императрица Мария Федоровна, материалы к ее жизнеописанию. Собственноручные ее заметки // Русская старина. 1882. № 5. С. 354, 360, 365; Царевубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. СПб., 1907. С. 104–105.

Императрица Мария Федоровна. Художник Э. Виже-Лебрен

поднес ее шестилетнему сыну Николаю свою книгу, в предисловии к которой было сказано, что автор представляет свой труд великому князю подобно тому, как поэт А.П. Сумароков поднес аналогичным образом свой труд Павлу I, в бытность последнего еще юным наследником престола. Услышав эти слова Д.И. Хвостова, юный Николай схватил книгу и поцеловал то место, где было указано имя его отца³⁰. В 1815 г., в разгар путешествия великих князей Николая и Михаила по Европе, получив известие о согласии на брак великой княжны Анны с принцем Вильгельмом Оранским, Мария Федоровна сообщала сыновьям: «Приехав в Петербург впервые после того, как судьба нашей Аннетты выяснилась, мы отправились в крепость, чтобы у могилы вашего достойного и уважаемого отца испросить его благословение; я убеждена, что он не откажет ей в нем». Через несколько дней, 20 сентября, в день рождения Павла I, императрица вновь писала сыновьям: «Надеюсь, добрые, дорогие друзья мои, что вы удвоили сегодня ваши молитвы за вашего доброго и достойного отца»³¹.

В юные годы Николай I начинает проявлять интерес и к эпистолярному наследию своего отца. Летом 1812 г., в связи с нападением на Россию Наполеона, в Петербурге царило «большое смятенье» и Мария Федоровна

³⁰ Корф М.А. С. 40. Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования. Рождение и первые двадцать лет жизни (1796–1817 гг.) // Сб. РИО. Т. 98. СПб., 1896. С. 40.

³¹ Письма Марии Федоровны к Николаю Павловичу и Михаилу Павловичу // Русская старина. 1904. № 7–9. С. 469; № 10–12. С. 722.

даже готовилась к эвакуации из Северной столицы своих младших детей и благотворительных учреждений. При подготовке к отъезду вдовствующая императрица занялась и разбором своего семейного архива. Секретарь Марии Федоровны Г.И. Вилламов 14 июля 1812 г. отметил в своем дневнике, что «застал Великого Князя Николая, заменявшего меня в переписывании письма Императрицы к Государю. Вечером занимались письмами покойного Государя»³². Позднее к разбору эпистолярного наследия Павла I привлекалась и супруга Николая I Александра Федоровна: сохранился составленный ею перечень писем и записок «романтического императора» к Марии Федоровне³³.

Повзрослев, великий князь живо интересовался эпохой Павла I и любил «толковать про старину». Надо полагать, многое об отце Николаю и другим младшим детям рассказывала Мария Федоровна. Другим членом семьи, любившим вспоминать прошлое, был великий князь Константин. Во время своих приездов в Петербург цесаревич, «одаренный необыкновенною памятью и блестящим даром слова и богатый воспоминаниями о царствовании Императрицы Екатерины и Императора Павла, о Суворовских походах и о других происшествиях своего времени... любил предаваться им в ... дружеских и откровенных беседах»³⁴. «Когда я бывал в Варшаве, — вспоминал великий князь Михаил Павлович, — мне часто случалось засиживаться с братом Константином вдвоем, до трех часов ночи. Он столько видел в жизни, такую имел память и так умел рассказывать, что я не мог его послушаться»³⁵. Свидетелем этих воспоминаний старшего брата был и великий князь Николай. Так, находясь в Польше у Константина в конце лета — начале осени 1823 г., он зафиксировал в своей записной книжке 28 августа/9 сентября: «интересный разговор о нашем Батюшке». На следующий день великий князь, отправившийся с братом в одной коляске в военный лагерь, вновь отметил: «говорили о смерти Батюшки». Наконец, 1/13 сентября в записной книжке появляется еще одна запись: «говорили о временах нашего Батюшки»³⁶.

Таким образом, можно констатировать, что под влиянием матери Николай с юных лет идеализировал своего отца. Будущий император, как

³² Дневник статс-секретаря Григория Ивановича Вилламова. 1812 г. // Русская старина. 1912. № 7. С. 91.

³³ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. № 3558. Л. 1–2.

³⁴ Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 84.

³⁵ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1824. Л. 16 об.

³⁶ Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825. М., 2013. С. 276, 277.

справедливо отметил Р. Уортман, «вырос, научившись уважать образ своего отца и восхищаться всем, что было связано с Павлом»³⁷.

После смерти Александра I императрица-мать немало способствовала возрождению памяти о своем супруге и нашла поддержку в своих действиях у Николая I. Уже 8 декабря 1825 г., когда стало ясно, что новым императором станет ее младший сын, Мария Федоровна вместе с ним посетила Петропавловский собор, где будущий монарх и принес клятву у могилы своего отца, у которой Мария Федоровна благословила младшего сына на царствование³⁸. Церемония выглядела весьма символичной. Другим знаком нового царствования стало возрождение в марте 1827 г. после 25-летнего перерыва заупокойной литургии в память императора Павла I, которую один из современников назвал «прекрасным поступком со стороны императора»³⁹. В марте 1828 г. свидетелем этого обряда стал один из доверенных лиц прусского принца Вильгельма фон Герлах, который отметил свои впечатления от увиденного: «Прекрасное пение певчих... На железной решетке прикреплен вензель Петра III и таким образом имелось перед глазами воспоминание об отце и деде императора»⁴⁰. Сам Николай I также старался ежегодно посещать панихиду в Петропавловском соборе «по несчастном батюшке»⁴¹.

Судя по некоторым сведениям, Мария Федоровна в первые дни нового царствования высказывала намерение продолжить преследование лиц, участвовавших в убийстве ее мужа. Известно, что уже вскоре после мартовского переворота 1801 г. вдова Павла I смогла добиться удаления от двора

³⁷ Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т.1: От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002. С. 337. Подобное же отношение к памяти отца демонстрировал и младший брат Николая I, великий князь Михаил Павлович. По свидетельству фрейлины М.К. Мердер, в мае 1838 г., по дороге в Павловск, который великий князь унаследовал после смерти императрицы Марии Федоровны, Михаил Павлович «много говорил о своей матери и отце, сообщив, между прочим, о намерении поставить усопшей памятник на возвышении недалеко от монумента императору Павлу». Гостям, посещавшим Павловск, великий князь лично показывал вещи, принадлежавшие его отцу. См.: Мердер А. Листки из дневника Марии Карловны Мердер // Русская старина. 1900. № 2. С. 442; Шильдер Н.К. Россия и русский двор в 1839 г. Записки Гагерна // Русская старина. 1890. № 2. С. 334.

³⁸ Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 165; Воцарение императора Николая I (Из дневника Г.И. Вилламова) // Русская старина. 1899. № 1. С.103; Записные книжки великого князя Николая Павловича. М., 2013. С. 682.

³⁹ Петербург в 1827 году. (Из дневника П.Г. Дивова) // Русская старина. 1898. № 1. С. 103.

⁴⁰ Заметки фон-Герлаха о пребывании в Петербурге // Русская старина. 1892. № 4. С. 62.

⁴¹ РГИА. Ф. 516. Оп.1. (28/1618) Д.136. Л.98; Д.143. Л.162–162 об; Д. 145. Л.122–122 об.

основных участников заговора⁴², но, видимо, считала эту меру явно недостаточной. Сохранилось известие о том, что Мария Федоровна вскоре после вступления на престол Николая I в одном из разговоров высказала соображения о том, что поскольку ее старший сын Александр I не мог покарать цареубийц своего отца, то ее младший сын восполнит упущенное⁴³. Однако эту инициативу матери Николай I не поддержал и предпочел сохранить status quo: когда родственники одного из главных заговорщиков — Н.П. Панина просили нового государя прекратить его 25-летнюю опалу, Николай I отказал им под предлогом клятвы, которую он дал императрице-матери — не возвращать Панина⁴⁴. Не последовало ужесточения наказаний и другим живым участникам заговора 1801 г. Надо полагать, император посчитал, что начало его царствования и без этого было омрачено «смятением» 14 декабря 1825 г., после которого новые репрессии могли бы способствовать созданию негативного имиджа нового правителя России.

Эта демонстрация Николаем I российскому обществу здорового рационализма отнюдь не означала, что он не был осведомлен об обстоятельствах смерти своего отца. Больше того, сам факт убийства своего отца Николай I не скрывал от своих детей. После одной из панихид по Павлу I, 11 марта 1833 г., у императора состоялся серьезный разговор со своим старшим сыном Александром, который отметил в своем дневнике: «обедал один с моими бесценными родителями и тут Папа мне рассказал, как императрица Екатерина заставила Петра III низложиться, как он был убит Орловыми в Ропше, как она вошла на престол, обходилась с Павлом и, наконец, о вступлении на престол Павла I и его умерщвлении, и не велел мне никому о сем говорить»⁴⁵. Позднее Николай I рассказал об обстоятельствах смерти своего отца и младшим сыновьям. П.И. Бартнев приводит рассказ воспитателя великого князя Константина Николаевича Ф.П. Литке (1797–1882) о том, как великий князь, будучи еще ребенком, в одной французской генеалогической таблице обнаружил упоминание о насильственной смерти Павла I. Воспитатель великого князя счел необходимым поставить об этом

⁴² Сб. РИО. Т.77. СПб., 1894. С. 661; Брикнер А.Г. Смерть Павла I. М., 2008. С. 244–252. В своих непростых отношениях со старшим сыном Александром I Мария Федоровна, по словам сардинского дипломата Ж. де Местра, пыталась использовать «страшную карту», т.е. его участие в заговоре 1801 г. Так, например, в ноябре 1809 г., будучи недовольна действиями Александра I, она объявила о своем намерении переехать с младшими детьми в Гатчину, намереваясь прожить здесь безвыездно несколько лет. См.: Местр Ж де. Петербургские письма. СПб., 1995. С. 129.

⁴³ Цареубийство 11 марта 1801 года. СПб., 1907. С. 352. Примеч. 1.

⁴⁴ Эйдельман Н.Я. Герцен против самодержавия... С. 126.

⁴⁵ Цит. по: Захарова А.Г. Дневник цесаревича // Родина. 1993. № 1. С. 59.

Император Александр I. Художник С. Щукин

в известность императора, который на это сказал: «А я давно собираюсь сам рассказать старшим сыновьям о том, как погиб их дед». После этого Николай I распорядился открыть в Михайловском замке замурованную в течение многих лет спальню Павла I и сам, «став посреди этой комнаты, осведомил детей своих об участии отца своего»⁴⁶.

Свое отношение к убийству отца Николай I четко обозначил в одном из писем сыну — наследнику: «Позор этого происшествия годами не изглаживается, но в этот день еще живее представляется во всем своем ужасе!»⁴⁷ Тот же П.И. Бартнев предположил, что император расспрашивал о событиях зловещей ночи с 11 на 12 марта 1801 г. одного из участников заговора — Я.Ф. Скарятин, часто бывавшего при дворе⁴⁸. Из этого следует, что событиями, связанными с заговором 1801 г., младший сын Павла I достаточно активно интересовался.

Зная обстоятельства смерти отца, Николай I всячески препятствовал их обнародованию. Посетивший Россию в 1839 г. французский путешественник А. де Кюстин отметил: «В школах и вообще повсюду запрещено рассказывать о смерти Павла I»⁴⁹. Уже вскоре после своего вступления на

⁴⁶ Записная книжка П.И. Бартнева, 1907–1919 гг. // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 2007. Т. XV. С. 463–464.

⁴⁷ Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I. 1838–1839. М., 2008. С. 366.

⁴⁸ Из Записной книжки «Русского архива» // Русский архив. 1912. Кн. 1. С. 313.

⁴⁹ Кюстин А. Николаевская Россия. М., 1990. С. 78.

престол Николай I выкупил мемуары одного из главных участников заговора 1801 г. Л.А. Беннигсена у его вдовы, которая при этом дала обещание не оставлять у себя копии⁵⁰. По другим данным, мемуары Беннигсена в 1830-е гг. были выкрадены русскими агентами у его вдовы⁵¹. В феврале 1826 г., еще раньше смерти Л.А. Беннигсена, ушел из жизни и другой активный участник мартовского переворота 1801 г. — граф П.А. Пален. Уже в марте 1826 г. были предприняты меры по изъятию его мемуаров. Внук Палена, граф П.И. Медем, сообщал властям, что «все военные и политические его (Палена. — А.М.) записки им самим перед смертью уничтожены». Несмотря на это поступило распоряжение доставить в Министерство внутренних дел рукописи разных лиц, содержащие сведения из «военных и политических записок» Палена⁵². Вскоре после этого при Петербургском дворе появился документ, где все тот же П.И. Медем объявлял недействительными все возможные сочинения об убийстве Павла I, авторы которых ссылаются на свидетельство графа Палена⁵³.

Внимательно следил Николай I и за тем, что писали о его отце историками, запрещая публиковать в России тексты, в которых описывалось цареубийство 11 марта 1801 г. В 1847 г. в России была издана французская брошюра «Памятная записка Лейбница Людовику XIV о завоевании Индии... с приложением проекта сухопутной экспедиции в Индию по договоренности между первым консулом и императором Павлом I в начале этого века». По цензурным соображениям из русского перевода было убрано помещенное перед текстом предложение: «Покушение на жизнь первого консула 24 декабря 1800 года и трагическая смерть императора Павла I 24 марта 1801 г. стали пагубными следствиями проекта экспедиции в Индию. Известно, откуда нанесены удары!»⁵⁴ По тем же цензурным соображениям из «Истории консульства и империи» известного французского историка и политического деятеля А. Тьера, вышедшей в России в 1846–1849 гг., также были вырваны страницы, касающиеся убийства Павла I, хотя Николай I, если верить П.И. Бартеневу, считал, что «из всего напечатанного за

⁵⁰ Цареубийство 11 марта 1801 года... С. 110; *Зубов В.П.* Павел I. СПб., 2007. С. 179; *Эйдельман Н.Я.* Грань веков // В борьбе за власть. Страницы политической истории России XVIII века. М., 1988. С. 434–435. *Он же.* Из потаенной истории России XVIII–XIX веков. М., 1993. С. 285–315.

⁵¹ Беннигсен и его записки // РС. 1876. № 6. С. 387–394.

⁵² РГИА. Ф. 733. Оп. 87. Д. 251. Лл. 1–4.

⁵³ *Эйдельман Н.Я.* Из потаенной истории России XVIII–XIX веков. М., 1993. С. 299.

⁵⁴ *Безотосный В.* Наполеоновские планы Павла Петровича. Несостоявшийся геополитический проект века // Родина. 2008. № 7. С. 46.

П.А. Пален. *Портрет XVIII в.*

границею о кончине императора Павла наиболее правдивое принадлежит Тьеру»⁵⁵. Был запрещен в России и роман А. Дюма «Записки учителя фехтования, или Восемнадцать месяцев в Санкт-Петербурге», где отдельная глава была посвящена Павлу I⁵⁶.

Сохранились известия и о том, что Николай I даже пытался препятствовать появлению в Европе театральных постановок, в которых фигурировал его отец. В 1830 г. музыкант О.О. Геништа сообщал М.П. Погодину, что «в Париже была неприятность. Рассказывают таким образом: вышла новая пьеса для театра, которой главный герой был император Павел: наш посланник (К.О. Поццо-ди-Борго. — А.М.) желал воспрепятствовать ее представлению и удалось ему. Но следствием было, что народ ему опять все окошки разбил...»⁵⁷.

Вместе с тем, скрывая от общественности обстоятельства смерти отца, император поощрял исследовательский интерес к эпохе Павла I. Это проявилось, в частности, в том, что Николай I поручил военному историку Д.А. Милютину написать историю войны России с Францией в 1799 г. В 1850 г. император, «рассмотрев с удовольствием» первые две части милютинского труда «История войны России с Францией в царствование импе-

⁵⁵ *Обвянников Н.Н.* Мартовские события в Петербурге в 1801 году // Русский архив. 1911. № 5. С. 113. Прим. 1.

⁵⁶ *Дурыгин С.* Александр Дюма-отец и Россия // Литературное наследство. Т. 31–32. М., 1937. С. 515–516.

⁵⁷ *Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 3. СПб., 1890. С. 274.

ратора Павла I в 1799 году», разрешил опубликовать работу. При этом царь, как вспоминал Д.А. Милютин, «прочитал представленные на его воззрение рукописи с такой внимательностью, что давал себе труд делать собственноручные заметки и даже поправки попадавшимися опискам»⁵⁸. Данный факт также свидетельствует о том, что император был прекрасно знаком с эпохой правления Павла I.

Публичных высказываний Николая I об отце сохранилось немного, что вполне объяснимо: император был прекрасно осведомлен о том, что политика Павла I вызывала недовольство многих подданных. Знаменитая светская львица А.О. Смирнова-Россет в своих воспоминаниях приводила такое высказывание Николая I о своем родителе: «Бедный мой отец, ему нужно было все испытать на этом свете»⁵⁹. 14 июня 1850 г., пригласив в Петергоф на обед ветеранов Измайловского полка, Николай I привел их в свой кабинет и сказал: «...Знаете ли вы, что это за комната? Это кабинет Петра Первого. В нем ничего не переменено с его времени; это был кабинет моего деда, моего батюшки, а теперь мой кабинет. Вы видите, сколько в этой комнате дорогих для меня воспоминаний...»⁶⁰ По свидетельству историка Н.К. Шильдера, однажды, остановившись перед портретом Павла I в Романовской галерее Зимнего дворца, Николай I сказал: «Вот человек, которого не ценили»⁶¹.

Наряду с этими высказываниями Николая I об отце сохранилось несколько свидетельств современников, характеризующих отношение сына к отцу. Так, увидев в Гатчинском дворце портрет первой супруги своего отца, великой княгини Натальи Алексеевны, урожденной принцессы Гессен-Дармштадтской, которую молва обвиняла в супружеской измене⁶², Николай I, по свидетельству коменданта дворца генерала К.Ф. Багговута, рассердился и «приказал его (портрет. — А.М.) припрятать, рассказав, что эта женщина много сделала зла отцу его»⁶³.

Другой эпизод приводит в своих воспоминаниях со слов своего отца Ф. Тимирязев. В начале 1830-х гг. Николай I приехал на Украину в южную

⁵⁸ Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1843–1856. М., 2000. С. 173.

⁵⁹ Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 494.

⁶⁰ Наумов Д.М. Эпизод из жизни императора Николая I // Исторический вестник. 1882. Т. 7. № 1–3. С. 161.

⁶¹ Паренцов П. Император Николай Павлович перед портретом Павла I (Записано со слов Н.К. Шильдера) // Русская старина. 1908. № 11. С. 434.

⁶² Подробнее о великой княгине Наталье Алексеевне см.: Морохин А.В. Великая княгиня Наталья Алексеевна. СПб., 2013.

⁶³ Из Записной книжки «Русского архива» // Русский архив. 1911. № 10. С. 313.

армию, которой командовал фельдмаршал Ф.В. Остен-Сакен (1752–1837), и тогда «случился небольшой эпизод, который живо сохранился в памяти отца. После какого-то смотра или маневра высшие военные чины были приглашены Государем к обеду, и отец мой также присутствовал на этом обеде, в составе государевой свиты. Николай Павлович был необыкновенно внимателен, даже сыновне почтителен со стариком графом Сакеном. Он посадил его за столом на первом месте, сел подле него и весьма терпеливо и благодушно выслушивал его старческие рассказы. Маститый ветеран 1812 г., бывший Парижский губернатор, в то время был уже очень стар, слабел памятью, но словоохотлив. Ободренный царской лаской, пустился он в нескончаемые рассказы о старине и, наконец, завершил обеденную беседу следующим воспоминанием из своего прошлого. “Помилуйте, Государь”, говорил старик, “да настоящие времена — просто рай земной, по сравнению с эпохою царствования покойного родителя вашего Императора Павла Петровича. Вот уж было времечко — нечего сказать! Как теперь помню, я был в то время комендантом в Оренбурге. Сижу себе спокойно после обеда в кабинете и покуриваю трубочку. Все у меня, кажется, благополучно, опасаться нечего; вдруг, говорят, фельдъегерь приехал. У меня так дух и захватило, и ноги подкосились; ведь в те времена приезда фельдъегеря непременно предвещал какую-нибудь страшную беду. Входит и подает конверт: вижу, что-то тоненькое, верчу в руках, а открыть страшно. Наконец распечатал и читаю: “Волею Божию Государь Император Павел Петрович скончался. Слава Богу!” И при этом восклицании наш почтенный старец, в увлечении своим рассказом, совершенно забыл, перед кем он находится, и осенил себя крестным знамением. Отец говорил, что при этих словах и при этом жесте фельдмаршала все присутствующие невольно уткнули головы в тарелки и не смели поднять глаз. Воцарилось мертвое молчание, вскоре прерванное Государем, который сделал вид, как будто ничего не случилось, и обратился своим обыкновенным голосом к кому-то через стол с служебным вопросом; а бедный старик так и не догадался, в какое неловкое положение он поставил всех слушателей своим наивным рассказом»⁶⁴. Весной 1849 г., находясь в Москве в разгар подготовки похода российских войск в Венгрию, присутствуя на балу у князя С.М. Голицына, Николай I сообщил вельможе о подготовке полковником Д.А. Милютиным истории Итальянских походов российской армии в 1799 г. При этом император заметил: «Я узнаю себя в моем отце. Вот и мне, как ему, приходится спасать союзную страну. Скажи, князь, помнишь ты моего отца?» — «Как же, Ваше Величество: я был уже

⁶⁴ Тимирязев Ф. Страницы прошлого // Русский архив. 1884. № 4. С. 312.

при нем женат». — «Ну что, похож я на него?» — «Что Вы, что Вы, Государь! Ведь император Павел был сумасшедший». После такого ответа Николай I замолчал, а покидая бал, весьма сухо попрощался с С.М. Голицыным и обиделся на него⁶⁵.

Став императором, Николай I стал проявлять особый интерес к эпистолярному наследию лиц, служивших при его отце. Так, после смерти в апреле 1827 г. Павла Петровича Лопухина, пользовавшегося покровительством Павла I, император распорядился прислать к нему бумаги покойного, за которыми отправил сына еще одного любимца своего отца — П.И. Кутайсова. Ознакомившись с этими документами, Николай I посчитал необходимым оставить их у себя⁶⁶.

Любил император и непосредственное общение с лицами, служившими при его отце, которым Николай I демонстрировал свою лояльность. Так, он проявлял заботу и о любимице своего отца — Екатерине Ивановне Нелидовой, доживавшей свой век в Смольном институте. Молва предписывала ей роль любовницы Павла I, но, по собственному признанию «романтического императора», их соединяла «дружба священная и нежная, но невинная и чистая»⁶⁷. Николай I был с ней весьма любезен и предупредителен, о чем свидетельствует сохранившееся письмо императора к Екатерине Ивановне, в котором он отмечал: «Располагайте мною всегда и верьте, что в этом состоит удовольствие, которое Вы мне доставили бы...»⁶⁸ После смерти Нелидовой император ездил поклониться ее телу и вместе с братом Михаилом Павловичем присутствовал при ее отпевании. Интересно отметить, что сразу же после смерти любимицы своего отца Николай I распорядился конфисковать ее бумаги⁶⁹. Видимо, это было связано с тем обстоятельством, что Е.И. Нелидова в конце жизни писала воспоминания, которые позднее пропали⁷⁰. Занимался Николай I и разбором этих бумаг. Так, 13 (25) марта 1839 г., сообщая своему сыну и наследнику великому князю Александру, находившемуся за границей, о своих текущих занятиях, император отметил: «Разбирая теперь письма Матушки к Екатерине Ивановне Нелидовой, много нашел в

⁶⁵ Из Записной книжки «Русского архива». Николай Павлович и князь С.М. Голицын // Русский архив. 1909. № 6. С. 300.

⁶⁶ Придворная и великосветская жизнь XVIII — начала XIX в. в рассказах П.П. Лопухина // Отечественные архивы. 1998. № 4. С. 49.

⁶⁷ Корсакова В. Нелидова Екатерина Ивановна // Русский биографический словарь. Т. 11. СПб., 1914. С. 221.

⁶⁸ Николай I: Личность и эпоха... С. 343.

⁶⁹ Из рассказов А.И. Васильчиковой // Русский архив. 1909. № 11. С. 204.

⁷⁰ Шумигорский Е.С. Екатерина Ивановна Нелидова. Очерк из истории императора Павла. М., 2008. С. 230, 228.

Е.И. Нелидова. Художник Д.Г. Левицкий

них особо любопытного про времена Батюшки»⁷¹. Примечательно, что среди сердечных увлечений Николая I, которого некоторые отнюдь не беспристрастные современники считали человеком, который «пользовался репутацией неистового рушителя девических невинностей»⁷², особое место занимала Варвара Аркадьевна Нелидова, приходившаяся родной племянницей Екатерине Ивановне. Историки объясняют эту связь между двумя фаворитками отца и сына лишь странным стечением обстоятельств⁷³. Но интересно отметить, что по свидетельству дочери Николая I — великой княжны Ольги, ее отец познакомился с Варварой Аркадьевной Нелидовой на маскараде, в ходе которого юная дама, зная от своей тетки некоторые подробности из детства императора, рассказала их ему во время танца. После этого В.А. Нелидову пригласили ко двору и весной 1838 г. она стала фрейлиной⁷⁴. Рискнем предположить, что в увлечении Николаем I племянницей фаворитки его отца не последнюю роль сыграло ее родство с близким другом Павла I Е.И. Нелидовой, и если это так, то это увлечение могло иметь более глубокий

⁷¹ Переписка цесаревича Александра Николаевича... С. 334.

⁷² Добролюбов Н.А. Разврат Николая Павловича и его приближенных любимцев // Голос минувшего. 1922. № 1. С. 65.

⁷³ Мироненко С.В. Николай I // Российские самодержцы. М., 1993. С. 99.

⁷⁴ Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 248.

смысла — даже этой привязанностью монарх мог демонстрировать окружающим своего рода «преемственность» действиям отца.

Е.И. Нелидова была не единственной современницей Павла I, вызвавшей живой интерес у его младшего сына. Так, во время одного из своих посещений Нижнего Новгорода Николай I общался с генерал-адъютантом Павла I Николаем Осиповичем Кутлубицким, проживавшим в своем имении в Нижегородской губернии. Он был представлен императору отдельно от других дворян в кабинете, где Николай I разговаривал с Н.О. Кутлубицким более часа, расспрашивал ветерана о бумагах Павла I, которые тот доверил своему адъютанту, и обратил внимание на перстень с изображением отца, бывший на руке у Н.О. Кутлубицкого. Рассмотрев перстень поближе, император сказал своему собеседнику: «Если бы мне не жаль было лишить тебя этой вещи, то я бы отнял ее у тебя». Н.О. Кутлубицкий в 1843 г. сделал завешание, в котором распорядился передать перстень после своей смерти царю, что и было исполнено в 1852 г.⁷⁵ Тогда же Николая I заинтересовал и собственноручный рескрипт Павла I к Н.О. Кутлубицкому, которым ему поручалось произвести осмотр крепостей на границе с Турцией и воинских частей, расположенных на пограничье. По просьбе Николая I Н.О. Кутлубицкий в сентябре 1836 г. отправил этот документ царю для ознакомления. Позднее, осенью 1842 г. император принимал павловского ветерана в Гатчине, продемонстрировав тому самое благожелательное отношение⁷⁶.

В другой раз, в ходе одного из своих посещений Москвы, Николай I с большим интересом общался с видным государственным деятелем павловского царствования П.Х. Обольяниновым (1752–1841). Своими впечатлениями от этого общения император поделился 5 апреля 1844 г. на заседании комитета по устройству сословия дворовых людей в ходе обсуждения вопроса о передаче дворовых людей в распоряжение губернских правлений. Присутствующий при этом барон М.А. Корф вспоминал: «Во время прений Государю как-то кстати пришлось вставить один очень любопытный эпизод. “Несколько лет тому назад, — рассказывал он, — когда я был в Москве и жив еще был Обольянинов, он передал мне разговор свой с покойным батюшкою о принятой в то время системе раздачи казенных поместий в частную собственность. ‘Дураки те, — отвечал ему покойный батюшка, — которые меня за это бранят. Раздавая имения помещикам, я сажаю их туда в качестве полицмейстеров, которые обо всем радеют и за все мне отвечают. В России правительству долго

⁷⁵ Майков П.М. Из бумаг Н.О. Кутлубицкого // Русская старина. 1898. № 7. С. 237; Рассказы генерала Кутлубицкого о временах Павла I // Русский архив. 1912. № 8. С. 510.

⁷⁶ Бронский И. Николай Осипович Кутлубицкий, генерал-адъютант императора Павла I // Русский архив. 1913. № 3. С. 324. Прим.1; № 4. С. 443.

еще нельзя будет обойтись без таких орудий'. Рассказываю вам это для того, чтобы показать тогдашний образ мыслей об этом предмете»⁷⁷.

Не был равнодушен Николай I и к политике своего отца в отношении Мальтийского ордена. Когда в январе 1839 г. умер граф Ю.П. Литта, занимавший при Павле I должность полномочного министра Мальтийского ордена в России, император приказал занимавшемуся разбором архива умершего барону М.А. Корфу: «Особенно посмотри, не найдется ли там (в архиве Ю.П. Литта. — А.М.) каких бумаг покойного батюшки по бывшему мальтийскому ордену»⁷⁸.

Императора привлекали и другие документы, связанные с отцом. После смерти цесаревича Константина в 1831 г. Николай I поручил младшему брату Михаилу разбор бумаг покойного брата. Среди ряда приказаний императора к брату встречается и отдельная просьба: «вели отыскать также все военные книги, бумаги и рисунки батюшки, которые лежали в кабинете брата в Бельведере». В ответ великий князь сообщал, что в Бельведерском дворце «военных книг, бумаг и рисунков» отца «нигде по каталогам особо не отмечено», но те документы, которые «по соображению времени» могли принадлежать Павлу I, он «по особой описи» отправил в Петербург державному брату. Обнаруженные в варшавском архиве цесаревича письма Павла I Екатерине II император приказал сжечь. Среди бумаг цесаревича внимание Николая I привлекли семейная переписка родителей, записная книжка Павла I и его личные вещи — сорочка, туфли, темляк, карманная книжка, перстень, кошельки и даже волосы покойного государя — все это Николай I затребовал к себе. Его заинтересовал и обнаруженный в бумагах Константина церемониал освящения Михайловского замка⁷⁹. Судя по сохранившимся документам, Николай I знакомился и с материалами, содержащими характеристику личности Павла I в бытность последнего великим князем⁸⁰.

Отношение к памяти отца проявилось у Николая I и в его бережном отношении к любимому местопребыванию Павла I — Гатчине, которую он получил в 1828 г. по завещанию императрицы Марии Федоровны. Уже через неделю после смерти матери император ознакомился с «Реэстром разным вещам, принятым из Эрмитажа в камерцалмейстерскую», после чего 1 ноября 1828 г. последовало распоряжение «вещи, бывшие в комнатах покойного государя императора Павла Петровича, а потом поступившие в ка-

⁷⁷ Император Николай в совещательных собраниях (Из современных записей статс-секретаря барона Корфа) // Сб. РИО. Т. 98. СПб., 1896. С. 246.

⁷⁸ Корф М.А. Дневники 1838 и 1839 гг. М., 2010. С. 254.

⁷⁹ РГИА Ф. 539. Оп.1. Д.1107. Л. 208, 217 об., 62 об., 110–112.

⁸⁰ ГА РФ. Ф. 672. Оп.1. № 129.

мерцалмейстерскую должность из Эрмитажа», отправить в Зимний дворец «на половину Его Величества в аванзал»⁸¹. Николай I создал в семи комнатах дворца Гатчины мемориал отца, занимался собиранием его вещей, многие из которых были специально перевезены сюда из Павловска. Фрейлина А.Ф. Тютчева, посетившая Гатчину в октябре 1854 г., отметила в своем дневнике: «Все коридоры превращены в галереи портретов, среди которых портреты Павла и его семьи преобладают»⁸². Кроме того, Николай I установил на плацу памятник отцу и возвел в Гатчине главный городской храм во имя небесного покровителя Павла I⁸³. Открытие памятника Павлу I в Гатчине состоялось в 1851 г. — пятидесятилетнюю годовщину со дня смерти императора. Современники отмечали, что во время церемонии император даже заплакал⁸⁴. На церемонии присутствовал Павловский полк, прошедший церемониальным шагом под звуки военного марша времен «романтического императора». По желанию Николая I музыканты полка разучили этот марш всего за одну ночь. На следующий день после открытия памятника, 2 августа 1851 г., император встретил солдат Павловского полка на маневрах и, по воспоминаниям очевидцев, обратился к ним со следующими словами: «Спасибо, ребята, вы вчера показали на параде молодцами, и вместе с тем скажу вам: помните, чье имя вы носите! Гордитесь им»⁸⁵. Наконец, даже в своем завещании Николай I высказал пожелание, также связанное с памятью об отце: «Желаю быть похороненным за батюшкой у стены»⁸⁶.

Вышеприведенный эпизод с Обольяниновым свидетельствует о том, что интерес к эпохе отца был вызван у Николая I не только сыновним почитанием памяти Павла I. Николай I, как известно, всячески поддерживал на словах и в частной жизни культ своего старшего брата и предшественника Александра I, о чем сохранилось немало свидетельств современников⁸⁷. Делал это Николай I вполне искренно, но при этом подспудно решительно

⁸¹ *Высочков А.В.* Память об отце: Николай I и Павел I... С. 29–30.

⁸² *Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров. М., 1990. С. 73.

⁸³ *Лосева А.С.* «Себя как в зеркале я вижу...» Царские резиденции глазами заказчиков. СПб., 2006. С. 50, 57; *Яковлев Н.А.* Собор Святого Апостола Павла в Гатчине: проект, авторы, посвящение // Культура и искусство в эпоху Николая I. Материалы научной конференции. СПб., 2008. С. 214–229.

⁸⁴ Из Записной книжки «Русского архива» // Русский архив. 1912. № 4. С. 634.

⁸⁵ *Гоувальт О.* История лейб-гвардии Павловского полка. СПб., 1852. С. 377; *Воронов П., Бутковский В.* История лейб-гвардии Павловского полка. СПб., 1875. С. 376–377.

⁸⁶ Николай I: Личность и эпоха. Новые материалы. СПб., 2007. С. 467.

⁸⁷ Из писем Александры Осиповны Смирновой // Русский архив. 1897. С. 416; Письма А.Я. Булгакова к его брату // Русский архив. 1902. № 1. С.117; Воспоминания барона Бурбоэна, французского посланника при С.-Петербургском дворе, с 1828 по 1832 год // Отечественные записки. 1864. № 12. С. 857.

противопоставлял свое правление предыдущему. В нем укрепились идея, что некая либеральность, заигрывание с разными общественными силами, непоследовательность и недостаточная твердость, свойственные Александру I, и привели к катастрофе 14 декабря 1825 г. И этому пути новый государь противопоставлял консервативность, твердость, строгость и взыскательность⁸⁸. Олицетворять качества сурового, но справедливого государя для Николая I и мог Павел I, которого император и «превратил... в пример силы и власти, обеспечившей величие России»⁸⁹. В идеологии царствования Николая I и его взглядах на государственную деятельность монарха много схожего с представлениями его отца. Павел I сделал стержнем отношений между государством и личностью службу, возведя «служение» не только в обязанность, но и в культ. Это отношение к собственной роли заметно и у Николая I. «Романтическому императору», безусловно, удалось надолго привить самодержавию определенные моральные нормы «державного» поведения носителя высшей власти⁹⁰, которые затем активно проповедовал и внедрял своим сыновьям и сам Николай I. Неслучайно парижская газета «Constitutionnel» прямо отмечала в одном из своих номеров, что Николай I «кажется, берет за образец своего родителя»⁹¹. Сам стиль работы Николая I напоминал манеру поведения Павла I. Как и отец, Николай I любил неожиданно посещать различные учреждения, отличался пунктуальностью⁹². Однако это никоим образом не означает, что сын пытался во всем копировать отца, скорее, он пытался заимствовать те идеи и те нововведения Павла I, которые казались ему наиболее жизнеспособными. При этом, зная об укрепившемся в обществе негативном восприятии правления своего отца, Николай I не предпринимал попыток сделать культ отца публично-государственным, заменив его имиджем Петра Великого, которого также искренне почитал с детства⁹³.

Вместе с тем император проявлял интерес к государственным мероприятиям Павла I. Происходит это, надо полагать, не без влияния императрицы-ма-

⁸⁸ *Зименко Е.* В поисках царственного имиджа. Каким хотел видеть себя Николай // *Родина*. 2013. № 3. С. 22.

⁸⁹ *Уортман Р.С.* Указ. соч. С. 534.

⁹⁰ *Марголис Ю.Д., Жуковская Т.Н.* Традиции Павла I в истории русской государственности // *Император Павел Первый и Орден Св. Иоанна Иерусалимского в России*. СПб., 1995. С. 28–29.

⁹¹ *Мильчина В.А.* Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. СПб., 2004. С. 235.

⁹² *Высочков А.В.* Николай I. М., 2003. С. 513–514.

⁹³ Подробнее о культе Петра I см.: *Высочков А.В.* Николай I. М., 2003. С. 412–415; *Удалов С.В.* Петр I в государственной идеологии Николаевской России // *Николаю Алексеевичу Троицкому — к юбилею*. Сборник статей. Саратов, 2011. С. 186–196.

тери. В эти же дни мать Николая I проявила интерес и к бумагам покойного мужа. Секретарь Марии Федоровны Г.И. Вилламов 9 декабря 1825 г. зафиксировал в дневнике: «Возвратившись от великого князя (Николая Павловича. — А.М.), императрица искала между бумагами покойного императора Павла рукописи о системе, которую я и читал ей. В этой рукописи много рассуждений, о которых, казалось, Павел совершенно забыл, когда вступил на престол»⁹⁴. Можно предположить, что этот интерес Марии Федоровны был вызван ее желанием, чтобы Николай I следовал в своей политике заветам отца. Примечательно, что в первые дни нового царствования внимательно изучались и прочие документы, относящиеся к царствованию Павла I. Среди них, например, были обнаружены две собственноручные записки покойного императора «об устройстве разных частей государственного управления». Учрежденный 6 декабря 1826 г. Секретный комитет для пересмотра системы государственного управления нашел в этих записках Павла I «весьма мудрые виды о управлении Государства»⁹⁵. Интерес к государственным бумагам времен Павла I Николай I проявлял и позднее. Так, в апреле 1830 г. император распорядился разобрать бумаги из кабинета отца, после ознакомления с которыми распорядился передать их в Архив Коллегии иностранных дел⁹⁶. Многие проекты государственных преобразований Павла I не только были взяты на вооружение, но и реализованы в период правления младшего сына «романтического императора». Так, например, хорошо известно, что министерская система отраслевого управления продумывалась в деталях и закладывалась Павлом I. Но его проект отличался от введенной уже после смерти императора Александром I системы министерств тем, что устанавливал не личную ответственность каждого министра перед государем, а его подотчетность особой надминистерской канцелярии, разделенной по числу департаментов на 7 отделов. Эта канцелярия и являлась прообразом Собственной Его Императорского Величества канцелярии, учрежденной Николаем I уже вскоре после его вступления на престол в 1826 г. Тем самым император продолжил линию, вполне наметившуюся уже в период царствования его отца — линию на восстановление сословной репутации дворянства, его консолидацию и использование в качестве непосредственной опоры правительственной администрации⁹⁷. Как и его отец, Николай I стремился оживить

⁹⁴ Воцарение императора Николая I (Из дневника Г. И. Вилламова) // Русская старина. 1899. № 1. С. 105.

⁹⁵ Сб. РИО. Т. 74. СПб., 1891. С. 4.

⁹⁶ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 564. Л. 7.

⁹⁷ Марголис Ю.Д., Жуковская Т.Н. Традиции Павла I в истории русской государственности // Император Павел Первый и Орден Св. Иоанна Иерусалимского в России. СПб., 1995. С. 36–37.

государственную жизнь, ликвидировать злоупотребления, восстановить законность и порядок, провести реформы.

Общность взглядов отца и сына дополнялась и другими схожими чертами обоих императоров. Современники часто сравнивали Николая I с отцом и находили в их поведении много общих черт. Например, супруга канцлера М.Д. Нессельроде в своих письмах сыну отмечала: «Он (Николай I. — А.М.) принимает быстрые решения и действует с непостижимой стремительностью... Что за странная голова у этого Государя! Он взрывает почву своего обширного владения, не сея хороших зерен». Последующие ее высказывания об императоре были еще более негативными: «С ужасом помышляешь о будущем, видя, что Государь со дня на день становится более резким и самовластным»; «Государь держит своих подданных в непрерывном напряжении. Он словно испорченный и жестокий ребенок, не умеющий и не желающий что-либо переносить»⁹⁸. Баронесса М.П. Фредерикс вспоминала, что когда Николай I пребывал в плохом настроении, «то надо признаться, самые приближенные люди трепетали в эти минуты»⁹⁹. Даже любимец императора фельдмаршал И.Ф. Паскевич в одном из частных разговоров в 1852 г. отмечал, что Николай I «и меня... в состоянии в минуту вспышки запрятать на гауптвахту; Он час от часу делается раздражительнее и... напоминает Павла»¹⁰⁰. Другой современник также отметил, что «в жилах Николая Павловича течет много крови его родителя и мгновения беспричинного бешенства затмевают его рассудок»¹⁰¹. В 1853 г. французский посланник маркиз де Кастельбайяк заметил: «Император Николай I обладает качествами Петра Великого, Павла I и средневекового рыцаря. Но с годами на первый план все более стали выходить свойства Павла I»¹⁰². Как и его отец, Николай I отличался чрезвычайной подозрительностью, которая распространялась и на ближайшее окружение императора. Если верить французскому издателю писем художника О. Верне, несколько раз посещавшему Россию и общавшемуся с Николаем I, в ходе одного из разговоров с известным мастером батальной сцены император сказал: «Видите этих людей, смотрящих на нас? Не они убили моего несчастного отца; вся

⁹⁸ Из переписки графов Нессельроде // Русский архив. 1910. № 5. С. 132–133, 140, 143.

⁹⁹ Из воспоминаний баронессы М.П. Фредерикс // Исторический вестник. 1898. № 1. С. 71.

¹⁰⁰ Мои воспоминания (Генерал-майора Докудовского) // Труды Рязанской Ученой Архивной Комиссии. Т. XII. Вып.1. Рязань, 1898. С. 40.

¹⁰¹ Крыжановский П.А. Штрихи из прошлого (Воспоминания из последнего десятилетия царствования Николая I) // Исторический вестник. 1915. № 8. С. 455.

¹⁰² Цит. по: Уортман Р.С. Указ. соч. С. 534.

опасность от тех, кто сейчас в передней зале». С этими словами Николай I указал на дверь комнаты, где находились его любимцы — придворные¹⁰³.

Интерес к личности и деяниям своего отца Николай I передал и своим детям. Под влиянием Николая I эпохой «романтического императора» очень интересовался и Александр II. Вскоре после своего вступления на престол он поручил начальнику Главного штаба по военно-учебным заведениям графу Я.И. Ростовцеву устроить в 1857 г. в Николаевском инженерном училище в двух комнатах, где располагалась спальня деда, особую домовую церковь и приезжал в нее ежегодно на протяжении всего царствования¹⁰⁴. После покушения Д. Каракозова на Александра II в 1866 г. император в присутствии всей семьи отслужил панихиду в Гатчине в той комнате, где находились кровать Павла I и его окровавленная сорочка. Александр II всячески поощрял изыскания князя А.Б. Лобанова-Ростовского об эпохе Павла I и предоставлял князю разные документы из своей библиотеки. Последний же, в свою очередь, присылал государю выписки из архивных дел, копии всевозможных документов, касающихся павловской эпохи, свои заметки по данному вопросу. В царствование Александра II продолжался и разбор бумаг Павла I¹⁰⁵. Александр II лично вручил барону М.А. Корфу сохранившуюся переписку Павла I и Марии Федоровны и просил привести ее «в должный порядок». 4 июня 1859 г. барон М.А. Корф докладывал императору о результатах своей деятельности по разбору этих бумаг¹⁰⁶. Как вспоминал П.И. Бартенев, с началом либеральной эпохи царя-освободителя он через графа А.В. Адлерберга подал Александру II прошение с просьбой опубликовать на страницах своего журнала воспоминания одного из современников заговора 1801 г. — полковника Н.А. Саблукова (1776–1864). На эту просьбу император ответил: «В России всякий грамотный знает, как погиб мой дед; но мне, внуку, не пристало дозволять разглашение о том. Предоставляю это моему сыну»¹⁰⁷.

После смерти Николая I в императорской семье неукоснительно отмечалась дата смерти Павла I. В этот день в Петропавловском соборе служили

¹⁰³ Верне О. При дворе Николая I: Письма из Петербурга. М., 2008. С. 49. Прим.1.

¹⁰⁴ Записная книжка П.И. Бартенева, 1907–1919 гг. // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 2007. Т. XV. С. 464; Сидорова А., Исаева Е. Ларец императора Павла // Родина. 2014. № 4. С. 116.

¹⁰⁵ Подробнее см.: Сидорова М.В. Тайна стеклянной шкатулки // Музей: новейшая история. Материалы научной конференции. СПб., 2005. С. 109–111.

¹⁰⁶ ГА РФ. Ф. 678. Оп.1. № 975. Лл.1–3.

¹⁰⁷ Овсянников Н.Н. Мартовские события в Петербурге в 1801 году // Русский архив. 1911. № 5. С. 118. Прим.1.

панихиду с присутствием членом правящей династии¹⁰⁸. Реабилитация «романтического императора», которая явно наблюдается со второй четверти XIX столетия, во многом способствовала широкой популярности Павла I в народной среде, воспринимавшего его как «святого царя-мученика»¹⁰⁹. Николай II даже предлагал канонизировать своего прадеда, и подготовка к прославлению Павла I началась в 1917 г., но была прервана революционными событиями¹¹⁰.

В итоге следует констатировать, что благодаря стараниям Николая I, демонстрировавшего своими действиями не только родственную, но и идейную близость к Павлу I, олицетворявшего для императора тип идеального государя, в императорской фамилии к середине XIX в. наблюдается окончательное оформление почитания «романтического императора», культ которого на протяжении всего оставшегося периода истории русского самодержавия в XIX — начале XX в. ограничивался рамками царской семьи и не носил публично-государственного характера.

¹⁰⁸ Переписка императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. Дневник Великого князя Константина Николаевича. М., 1994. С. 237, 311.

¹⁰⁹ Дочь Г.Е. Распутина 12 марта 1918 г. отметила в дневнике: «...ходили на могилу к Павлу I, носили цветы...». (Лыкова Л.А. Дневник Матрены Григорьевны Распутиной // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Вып. 11. М., 2001. С. 533). См. также: Вишняков В. Венок на гробницу императора Павла I. Пг., 1916.

¹¹⁰ Подробнее о намерениях канонизировать Павла I см.: Фирсов С.А. Святой Павел (К вопросу о канонизации императора Павла I) // Памяти Ю.Д. Марголиса: Письма, документы, научные работы, воспоминания / Сост. Н.О. Серебрякова, Т.Н. Жуковская. СПб., 2000. С. 762–780; О канонизации царя Павла I [Электронный ресурс]: <http://www.ruskmir.ru/2014/01/o-kanonizacii-carya-pavla-i/>

REFERENCES

1. *Barsukov N.* Zhizn' i trudy M.P. Pogodina. Kn. 3. SPb., 1890.
2. Benigsen i ego zapiski // Russkaja starina. 1876. № 6. S. 387–394.
3. *Bezotosnyj V.* Napoleonovskie plany Pavla Petrovicha. Nesostojavshijsja geopoliticheskij proekt veka // Rodina. 2008. № 7. S. 46.
4. *Brikner A.G.* Smert' Pavla I. M., 2008.
5. *Bronskij I.* Nikolaj Osipovich Kutlubickij, general–adjutant imperatora Pavla I // Russkij arhiv. 1913. № 3–4.
6. Careubijstvo 11 marta 1801 goda. SPb., 1907.
7. *Daragan P.M.* Vospominanija pervogo kamer–pazha velikoj knjagini Aleksandry Fedorovny // Russkaja starina. 1875. № 4.
8. Dnevnik stats-sekretarja Grigorija Ivanovicha Villamova. 1812 g. // Russkaja Starina. 1912. № 7. S. 91.
9. *Dobroljubov N.A.* Razvrat Nikolaja Pavlovicha i ego priblizhennyh ljubimcev // Golos minuvshego. 1922. № 1.
10. *Durygin S.* Aleksandr Djuma–otec i Rossija // Literaturnoe nasledstvo. T. 31–32. M., 1937.
11. *Firsov S.L.* Svjatoj Pavel (K voprosu o kanonizacii imperatora Pavla I) // Pamjati Ju.D. Margolisa: Pis'ma, dokumenty, nauchnye raboty, vospominanija / Sost. N.O.Serebrjakova, T. N. Zhukovskaja. SPb., 2000.
12. *Gagarin I.S.* Dnevnik. Zapiski o moej zhizni. Perepiska. M., 1996.
13. *Gouval't O.* Istorija lejbgvardii Pavlovskogo polka. SPb., 1852.
14. *Guzanov A.N.* Pavlovsk kak pamjatnik imperatrice Marii Fedorovne // Zaveschhanie imperatricy. K 250-letiju so dnja rozhdenija. SPb., 2009.
15. Imperator Nikolaj v soveshhatel'nyh sobranijah (Iz sovremennyh zapisej stats-sekretarja barona Korfa) // Sbornik RIO. T.98. SPb., 1896.
16. Imperatrica Elizaveta Alekseevna po ee pis'mam k materi // Russkij arhiv. 1909. № 12.
17. Iz perepiski grafov Nessel'rode // Russkij arhiv. 1910. № 5.
18. Iz rasskazov A.I. Vasil'chikovej // Russkij arhiv. 1909. № 11. S. 204.
19. Iz vospominanij baronessy M.P. Frederiks // Istoricheskij vestnik. 1898 № 1. S. 71.
20. Iz zapisnoj knizhki «Russkogo arhiva» // Russkij arhiv. 1912. № 4. S. 634.
21. Iz zapisnoj knizhki «Russkogo arhiva» // Russkij arhiv. 1912. № 1. S. 313.

22. Iz zapisnoj knizhki «Russkogo arhiva». // Russkij arhiv. 1911. № 10. S. 313.
23. Iz zapisnoj knizhki «Russkogo arhiva». Nikolaj Pavlovich i knjaz' S.M. Golicyn // Russkij arhiv. 1909. № 6. S. 300.
24. Iz zapisnoj knizhki izdatelja «Russkogo arhiva» // Russkij arhiv. 1912. № 5. S. 158.
25. *Jakovlev N.A.* Sobor Svjatogo Apostola Pavla v Gatchine: proekt, avtory, posvjashhenie // Kul'tura i iskusstvo v jepohu Nikolaja I. Materialy nauchnoj konferencii. SPb., 2008. S. 214–229.
26. *Jejdel'man N.Ja.* Gercen protiv samodержavija. Sekret'naja političeskaja istorija Rossii XVIII–XIX vekov i Vol'naja pečat'. M., 1984.
27. *Jejdel'man N.Ja.* Gran' vekov // V bor'be za vlast'. Stranicy političeskoj istorii Rossii XVIII veka. M., 1988.
28. *Jejdel'man N.Ja.* Iz potaennoj istorii Rossii XVIII–XIX vekov. M., 1993.
29. *Karamzin N.M.* O drevnej i novoj Rossii v ee političeskom i graždanskom otnošenijah // Russkaja social'no–političeskaja mysl' XIX — nachala XX veka; N. M. Karamzin. M., 2001.
30. *Kashtanova O.S.* Velikij knjaz' Konstantin Pavlovich (1779–1831 gg.) v političeskoj zhizni i obshhestvennom mnenii Rossii. Diss. k.i.n. M., 2000.
31. *Kocebu A.* Kratkoe opisanie imperatorskogo Mihajlovskogo zamka 1801 goda // Russkij arhiv. 1870. Kn. 1. № 4–5.
32. *Korf M.A.* Dnevniky 1838 i 1839 gg. M., 2010.
33. *Korf M.A.* Materialy i cherty k biografii imperatora Nikolaja I i k istorii ego carstvovanija. Rozhdenie i pervye dvadcat' let zhizni (1796–1817 gg.) // Sbornik RIO. T. 98. SPb., 1896.
34. *Korsakova V.* Nelidova Ekaterina Ivanovna // Russkij biografičeskij slovar'. T. 11. SPb., 1914. S. 221.
35. *Kryzhanovskij P.A.* Shtrihi iz proshlogo (Vospominanija iz poslednego desjatiletija carstvovanija Nikolaja I) // Istoričeskij vestnik. 1915. № 8
36. *Kurukin I.V.* «Dlja vperenija v junoshestvo ljubvi k otechestvu»: Ekaterina II i izučenie istorii v ruskoj shkole konca XVIII — nachala XIX veka // Istoričeskij vestnik. 2013. T. 3 (150).
37. *Loseva A.S.* «Sebja kak v zerkale ja vizhu...». Carskie rezidencii glazami zakazchikov. SPb., 2006.
38. *Majkov P.M.* Iz bumag N. O. Kutlubickogo // Russkaja starina. 1898. № 7.
39. *Margolis Ju.D., Zhukovskaja T.N.* Tradicii Pavla I v istorii ruskoj gosudarstvennosti // Imperator Pavel Pervyj i Orden Sv. Ioanna Ierusalimskogo v Rossii. SPb., 1995.
40. Memuary knjazja Adama Chartoryjskogo. T. 1. M., 1912.
41. *Meshherjakova A.O. F.V.* Rostopchin: u osnovanija konservatizma i nacionalizma v Rossii. Voronezh, 2007.

42. *Mestr Zh de*. Peterburgskie piš'ma. SPb., 1995.
43. *Milčhina V.A.* Rossija i Francija. Diplomaty. Literatory. Shpiony. SPb., 2004. S. 235.
44. *Minakov A.Ju.* Russkaja partija v pervoj chetverti XIX veka. M., 2013.
45. *Mironenko S.V.* Nikolaj I // Rossijskie samoderzhcy. M., 1993.
46. *Moi vospominanija (general-majora Dokudovskogo)* // Trudy Rjazanskoj uchenoj arhivnoj komissii. T. XII. Vyp. 1. Rjazan', 1898.
47. *Morohin A.V.* Velikaja knjaginja Natal'ja Alekseevna. SPb., 2013.
48. *Naumov D.M.* Jepizod iz zhizni imperatora Nikolaja I // Istoricheskij vestnik. 1882. T. 7. № 1–3.
49. *Nikolaj I: Lichnost' i jepoha.* Novye materialy. SPb., 2007.
50. *Nikolaj I. Muzh. Otec. Imperator.* M., 2000.
51. *Nikolaj Pervyj i ego vremja.* T. 1. M., 2001.
52. O kanonizacii carja Pavla I. [Jelektronnyj resurs]: <http://www.ruskmir.ru/2014/01/o-kanonizacii-carya-pavla-i/>
53. *Okun' S.B.* Dvorcovyj perevorot 1801 goda v dorevoljucionnoj istoriografii // Voprosy istorii. 1973. № 11.
54. *Otzyv cesarevicha Konstantina Pavlovicha ob ego otce, imperatore Pavla* // Russkaja starina. 1908. № 12.
55. *Ovsjannikov N.N.* Martovskie sobytija v Peterburge v 1801 godu // Russkij arhiv. 1911. № 5.
56. *Parensov P.* Imperator Nikolaj Pavlovich pered portretom Pavla I (Zapisano so slov N. K. Shi'dera) // Russkaja starina. 1908. № 11.
57. *Perepiska cesarevicha Aleksandra Nikolaevicha s imperatorom Nikolaem I.* 1838–1839. M., 2008.
58. *Perepiska imperatora Aleksandra II s velikim knjazem Konstantinom Nikolaevichem.* Dnevnik velikogo knjazja Konstantina Nikolaevicha. M., 1994.
59. *Peterburg v 1827 godu (Iz dnevnika P. G. Divova)* // Russkaja starina. 1898. № 1.
60. *Picheta V.I.* Velikij knjaz' Konstantin Pavlovich i knjazhna Elena Ljubomirskaja // Golos minuvshago. 1913. № 7.
61. *Piš'ma grafa F.V. Rostopchina k supruge i dočeri i zametki o 1812 gode* // Russkij arhiv. 1901. № 8.
62. *Piš'ma imperatricy Elizavety Alekseevny k materi, markgrafine Badenskoj Amalii* // Zvezda. 2001. № 1.
63. *Piš'ma Marii Fedorovny k Nikolaju Pavlovichu i Mihailu Pavlovichu* // Russkaja Starina. 1904. № 7–12.
64. *Polievktov M.* Nikolaj I. Biografija i obzor carstvovanija. M., 1918.

65. Pridvornaja i velikosvetskaja zhizn' XVIII — nachala XIX v. v rasskazah P.P. Lopuhina // Otechestvennye arhivy. 1998. № 4.
66. Rasskazy generala Kutlubickogo o vremenah Pavla I // Russkij arhiv. 1912. № 8.
67. *Safonov M.M.* Vokrug Mihajlovskogo zamka (K istorii dvorcovogo perevorota 1801 g.) // Gosudarstvo i obshhestvo v Rossii XV — nachala XX veka // Sbornik statej pamjati Nikolaja Evgen'evicha Nosova. SPb., 2007.
68. *Shil'der N.K.* Imperator Aleksandr Pervyj: ego zhizn' i carstvovanie. SPb., 1904. T. 2.
69. *Shtorh N.A.* Imperatrica Marija Fedorovna, materialy k ee zhizneopisaniju. Sobstvennoruchnye ee zametki // Russkaja starina. 1882. № 5.
70. *Shumigorskij E.S.* Ekaterina Ivanovna Nelidova. Ocherk iz istorii imperatora Pavla. M., 2008.
71. *Sidorova A., Isaeva E.* Larec imperatora Pavla // Rodina. 2014. № 4.
72. *Sidorova M.V.* Tajna stekljannoj shkatulki // Muzej: novejšaja istorija. Materialy nauchnoj konferencii. SPb., 2005.
73. *Skorobogatov A.V.* Cesarevich Pavel Petrovich. Politicheskij diskurs i social'naja praktika. M., 2005.
74. *Smirnova-Rosset A.O.* Dnevnik. Vospominanija. M., 1989.
75. *Timirjazev F.* Stranicy proshlogo // Russkij arhiv. 1884. № 4.
76. *Tjutcheva A.F.* Pri dvore dvuh imperatorov. M., 1990.
77. *Udalov S.V.* Petr I v gosudarstvennoj ideologii Nikolaevskoj Rossii // Nikolaju Alekseevichu Troickomu — k jubileju. Sbornik statej. Saratov, 2011. S. 186–196.
78. *Uortman R.S.* Scenarii vlasti. Mify i ceremonii ruskoj monarhii. T.1: Ot Petra Velikogo do smerti Nikolaja I. M., 2002.
79. *Verne O.* Pri dvore Nikolaja I: Pis'ma iz Peterburga. M., 2008.
80. Vocarenie imperatora Nikolaja I (Iz dnevnika G. I. Villamova) // Russkaja starina. 1899. № 1.
81. *Voronov P., Butovskij V.* Istorija lejbgvardii Pavlovskogo polka. SPb., 1875.
82. Vospominanija general-fel'dmarshala grafa Dmitrija Alekseevicha Miljutina. 1843–1856. M., 2000.
83. Vospominanija gospozhi Vizhe-Lebren o prebyvanii ee v Sankt–Peterburge i Moskve 1795–1801. SPb., 2004.
84. *Vyskochkov L.V.* Nikolaj I. M., 2003.
85. *Vyskochkov L.V.* Pamjat' ob otce: Nikolaj I i Pavel I // Trudy Istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2012. № 11. S. 22–34.
86. *Zaharova L.G.* Dnevnik cesarevicha // Rodina. 1993. № 1.
87. Zametki fon-Gerlaha o prebyvanii v Peterburge // Russkaja starina. 1892. № 4 S. 62.

88. Zapisnaja knizhka P.I. Barteneva, 1907–1919 gg. // Rossijskij Arhiv: Istorija Otechestva v svidetel'stvah i dokumentah XVIII — XX vv. M., 2007. T. XV.
89. Zapisnye knizhki velikogo knjazja Nikolaja Pavlovicha. 1822–1825. M., 2013.
90. Zaveschhanie imperatricy Marii Fedorovny, 1 nojabrja 1826 goda // Russkaja starina. 1882. № 1.
91. *Zimenko E.* V poiskah carstvennogo imidzha. Kakim hotel videt' sebja Nikolaj // Rodina. 2013 № 3.
92. *Zubov V.P.* Pavel I. SPb., 2007.

Ключевые слова:

Павел I, Николай I, Мария Федоровна, семейный культ.

Alexey V. Morokhin

«I RECOGNIZE MYSELF IN MY FATHER»: NICOLAS I AND THE CULT OF EMPEROR PAUL I IN THE SECOND QUARTER OF THE 19TH CENTURY

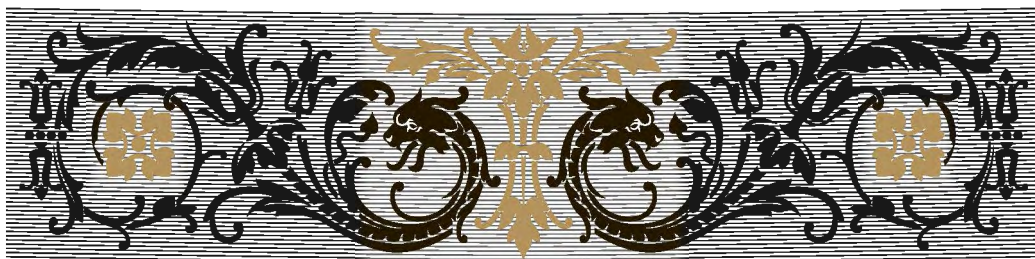

On the basis of a wide range of sources (first of all of a personal origin), the article analyzes the role Nicolas I played in the formation of the cult of Paul I in the imperial family in the second half of the 19th century. The work touches upon the personal memories of Nicolas I about his father, his few public judgments of Paul I, and relevant testimonies of contemporaries. The article places special focus on the role that Empress Maria Feodorovna played in the formation of the cult of her husband during the rule of Alexander I (1801–1825) and her influence on Nicolas I acquiring a perfect father figure. The article also highlights the attitude of Nicolas I to the events of March 1801, related to the murder of Paul I, describes the censorship measures that were introduced during his rule in order not to disclose the truth about the Emperor's death. Also shown is the attitude of Nicolas I to several members of the entourage of Paul I who lived out their lives in the years of his son's rule (E.I. Nelidova, N.O. Kutlubitsky, P.Kh. Obolyaninov). The article also reviews the role played by Nicolas I in the creation of the monument to his father in Gatchina. Attention is drawn to some things related to the monarch's state activity and the mode of behavior that Nicolas I obviously borrowed from Paul I.

The conclusion is made that Paul's government ideas had a profound impact on Nicolas' I domestic and foreign policy actions. Depicted is the process preservation of the cult of Paul I in the Imperial Family in the second half of the 19th — early 20th centuries.

 Морохин Алексей Владимирович

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории средневековых цивилизаций Института международных отношений и мировой истории
Нижегородского государственного университета
имени Н.И. Лобачевского

А.И. Левин

ДЕЛО О «БРАУНШВЕЙГСКОМ СЕМЕЙСТВЕ»

(В.В. Стасов и М.А. Корф)

... [принцесса Екатерина] загубила там 35 лет жизни по желанию одного русского императора и двух русских императриц восемнадцатого столетия.

В.В. Стасов. «Брауншвейгское семейство»

... [принцесса Екатерина] провела там с братьями и сестрою 35 лет страдальческой жизни.

М.А. Корф. «Брауншвейгское семейство»

Без сомнения, все опубликованные в два последних десятилетия исторические исследования и популярные романы, в разной мере освещающие печальную судьбу низвергнутого в 1741 г. императора-ребенка Ивана VI Антоновича (Ивана III в 13 месяцев его правления) и его семьи, не обходятся без использования сведений, почерпнутых из обширного труда «Брауншвейгское семейство». Представленный читателю (в единственном, но очень высоком лице) еще в 1865 г. и с тех пор до 1993 г. скромно лежавший на архивной полке, этот труд обязан своим появлением двум хорошо известным в истории русской культуры деятелям: Модесту Андреевичу Корфу и Владимиру Васильевичу Стасову.

В.В. Стасов. Художник И. Репин

Истории создания «Брауншвейгского семейства» и попытке определения доли участия каждого из его создателей в процессе их совместной работы посвящена настоящая статья. Основными материалами для ее написания послужили черновая рукопись «Брауншвейгское семейство», написанная В.В. Стасовым с пометками М.А. Корфа¹, опубликованный² в 1993 г. под именем М.А. Корфа манускрипт «Брауншвейгское семейство»³, переписка Стасова и Корфа в период 1863–1866 гг. и некоторые другие документы.

Седьмого ноября 1863 г. курьер доставил Его Превосходительству действительному статскому советнику, сотруднику Императорской публичной библиотеки Владимиру Васильевичу Стасову от Его Высокопревосходительства действительного тайного советника, Главноуправляющего Вторым отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии барона Модеста Андреевича Корфа короткую записку: «Покорно прошу Вас,

¹ Российская национальная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей (далее — РНБ ОР.) Ф. 738. Д. 1.

² Корф М.А. Брауншвейгское семейство. М., 1993.

³ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 978. Оп. 1. Д. 35–37.

любезный Владимир Васильевич, пожаловать ко мне завтра, в пятницу, часов около 12-ти. Мне хотелось бы вручить Вам одно дело, которое, верно, и Вас будет интересовать в высокой степени»⁴. Рукою Стасова на листке сделана пометка: «(Дело о Брауншвейгском семействе)».

За долгую свою жизнь Стасов прослужил в Публичной библиотеке полвека. Но тогда, в 1863 г., ему не было еще и сорока лет и, несмотря на внушительный вид и генеральский чин, в нем только начинали проступать черты седобородого гиганта, знакомого нам по репинским портретам и фотографиям, запечатлевшим яростного поборника русского национального искусства в окружении столпов отечественной культуры. В штат библиотеки Владимир Васильевич был зачислен в 1856 г. К тому времени позади у него были училище правоведения, потом быстро наскучившая казенная служба в Сенате и в Министерстве юстиции, и более интересное сотрудничество в редакции «Отечественных записок» по отделу иностранной литературы. Яркие впечатления оставили арест и полуторамесячное заключение в Петропавловской крепости по подозрению (не подтвержденному следствием) в причастности к делу петрашевцев, а также два года, проведенные в Италии. Там Стасов исполнял обязанности секретаря у известного русского богача А.Н. Демидова (он же итальянский князь Сан-Донато). Потомок русского промышленника родился во Флоренции, большую часть жизни провел в Европе, а на Урале, где отец оставил ему с братом свои заводы, никогда не бывал. (Однако станция возле Нижнего Тагила до сих пор называется Сан-Донато.) Демидов собрал в Италии прекрасную коллекцию произведений искусств, женился на племяннице Наполеона Бонапарта, заодно приобрел и резиденцию ее дядюшки на острове Эльба для устройства там музея, а для себя купил близ Флоренции княжество Сан-Донато, построил там виллу и еще за два миллиона уральских рублей обзавелся титулом князя. Меценат и собиратель нуждался в образованном секретаре, это место было предложено Стасову, и молодой юрист с радостью его принял, тем более что, по словам его племянницы В.Д. Стасовой, «безнадежно влюбленный в одну из приятельниц своей семьи, преследуемый сценами ревности и упреками другой, пылавшей к нему невинной страстью, и причиняя глубокие страдания третьей — матери своего ребенка, В. В. не видел другого исхода, чтобы выпутаться из всей этой любовной канители, как уехать из Петербурга»⁵.

⁴ Отдел рукописей Института русской литературы РАН (далее — ИРЛ). Ф. 294. Оп.1. Д. 346. Л. 62.

⁵ Цит. по: Каренин Влад. Владимир Стасов. Очерк его жизни и деятельности. Л., 1927. С. 175.

Через два года «любовная канитель», вероятно, как-то закончилась, Владимир Васильевич вернулся, года два приискивал место службы и, наконец, был рекомендован Модесту Андреевичу Корфу, в то время директору Императорской библиотеки. При зачислении Стасов «был назначен состоять при бароне Корфе по особо возложенному на него поручению по собиранию материалов для истории царствования Николая I»⁶. Поручение это на Корфа очень давно возложил сам Александр II, еще в бытность наследником. В 1848 г. по заказу Николая I Корф составил «Историческое описание 14 декабря и предшедших ему событий» и издал тиражом в 25 экземпляров для очень узкого и высокого круга читателей. Через шесть лет последовало новое дополненное издание вдвое большим тиражом, а теперь готовилось третье, еще более обширное, предназначенное «для публики». Находясь в подчинении у Корфа, Стасов по его указанию разбирал архивные материалы, делал выписки, держал корректуру книги, которую Корф в 1857 г. выпустил в свет под названием «Восшествие на престол императора Николая I». Очень быстро она дошла и до Лондона, где Герцен обозвал ее «подлым сочинением евнуха»⁷ и другими нехорошими словами, зато Добролюбов в «Современнике» отметил, что «изложение книги исполнено высоких достоинств и обличает в авторе глубокий исторический талант»⁸.

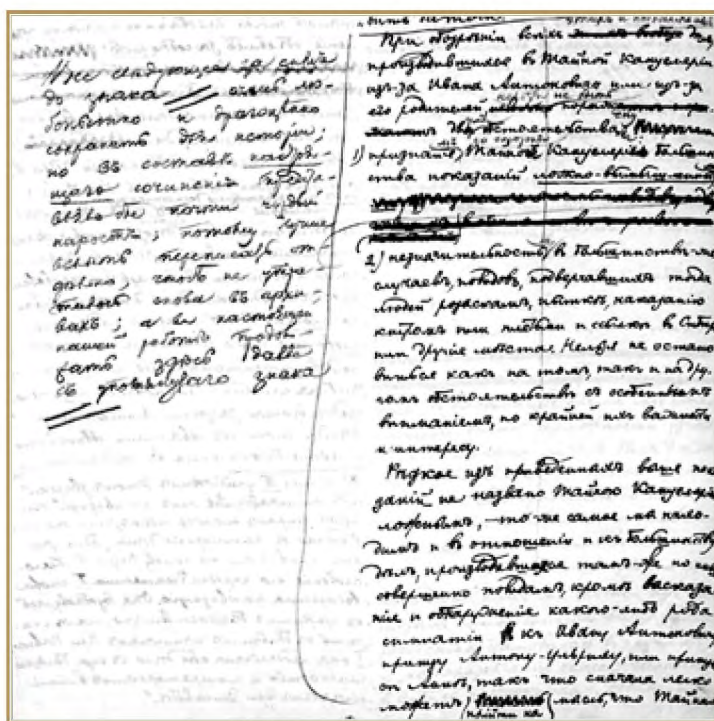
Не вдаваясь в анализ этого сочинения, упомянутого, вероятно, всеми исследователями событий 14 декабря 1825 г., стоит заметить, что ничего другого Добролюбов написать и не мог. Выходил «Современник» не в Лондоне, а в Петербурге, умолчать о подобном сочинении в обозрении новых книг было нельзя, а талант у Корфа действительно был и на историческом и на литературном поприще. Недаром сам М. М. Сперанский, при котором Корф когда-то начинал свою карьеру, называл его «золотым пером»! Что касается его стиля, того, что сам Корф называл «общий тон», о нем мы поговорим немного ниже.

Вслед за вышедшей из печати книгой Корф принялся за новые исторические описания, часть работы поручая Стасову. Вскоре были подготовлены еще два труда: «Молодые годы императора Николая I до вступления его в брак» и «Обозрение цензуры в царствование Николая I». Помощником своим Корф был доволен. За семь лет он исходатайствовал ему три следующих

⁶ Цит. по: Голубева О.Д. В.В. Стасов. СПб., 1995. С. 41–42.

⁷ Герцен А.И. Собр. соч. В 30 т. М., 1954–1965. Т. XIII. С. 128.

⁸ Современник. 1857. Т. LXV. С. 130. О принадлежности безымянной в «Современнике» рецензии Добролюбову: Тамарченко Г.Е. Об атрибуциях некоторых статей и рецензий Добролюбова 1857–1858 годов // Русская литература. 1961. № 3. С. 144–147.

Страница рукописи В.В. Стасова с репликой М.А. Корфа. РНБ ОР. Ф. 738.Д. 1. Л.71

чина, по возможности прибавлял жалованье, спрашивал у царя то пособие на отпуск, то на заграничную поездку, не забывал хвалить его в частых письмах⁹. «Прекрасно, как и все предыдущее. Вы, любезный Владимир Васильевич, с... умением и искусством разработали, с тою же неутомимостью собрали все, что только можно было. Честь Вам и слава, благодарность от потомства! Вот несколько замечаний...»; «Вы лучше писатель, нежели корректор, любезный Владимир Васильевич, и я после Вас нашел еще немало описок...»; «Спешу уведомить Вас, любезный Владимир Васильевич... что Государь Император по всеподданнейшему докладу моему благоволил пожаловать Вам сегодня единовременно 1200 р...»; «Государь Император соизволил на отпуск Ваш за границу на два месяца... пожаловать Вам на путевые издержки 500 р...».

В 1862 г. император вверил Корфу руководство Вторым отделением Собственной канцелярии. Оставив пост директора библиотеки, Модест Андреевич позаботился о Стасове. В конверте с надписью «Его высочородию В. В. Стасову» Корф прислал ему поздравление с причислением Владимира Васильевича ко Второму отделению «с оставлением вместе и при мне» и сообщил, что государь «благоволил пожаловать Вас в действительные статские советники.

⁹ ИРЛ. Ф. 294. Оп. 1. Д. 346. Л. 16, 18, 42, 46.

Если я не дал Вам соответственного новому Вашему чину титула на адресе этих строк, то... потому, что хотел оберечь Вам сюрприз до вскрытия записки»¹⁰.

История «брауншвейгского семейства» — императора Ивана Антоновича и его родственников: матери — правительницы Анны Леопольдовны, отца — герцога брауншвейг-вольфенбюттельского Антона Ульриха, четверых братьев и сестер Ивана оставалась для историков до начала XIX в. запретной, а до его середины — неперспективной по недостатку материалов темой. За границей статьи и книги о трагической судьбе свергнутого с трона ребенка, убитого через 23 года в Шлиссельбурге, и членов его семьи, которые провели в разных тюрьмах кто весь остаток жизни, а кто — несколько десятков лет, выходили в свет уже вскоре после описываемых событий. Но сведения, приводимые в них, часто страдали недостоверностью, основывались на слухах и отрывочных сообщениях дипломатов, а документы лежали под замком и были недостигаемы. Завеса секретности приподнялась лишь в либеральном начале царствования Александра II, когда впервые были частично опубликованы описи секретных дел¹¹. К этому времени многие их листы оказались частично или совершенно испорчены. Забегая вперед, скажем, что разбирая и цитируя их, Стасов часто замечал: «далее ничего невозможно разобрать за совершенным истреблением бумаги».

Судьбой «брауншвейгского семейства» Корф заинтересовался давно, во всяком случае, еще в 1849 г., вступив в должность директора Императорской публичной библиотеки, он сообщил Николаю I о хранящемся в ней «подлинном деле касательно содержания несчастного Иоанна Антоновича и его семейства в Холмогорах, деле, где императрица Елизавета Петровна является совсем в другом свете, нежели как изображает ее история. Это, видимо, интересовало государя, чрезвычайно любившего всякую старину, особенно касающуюся его семейства, и [Корф] тут же получил приказание препроводить это дело, как нимало не подлежащее хранению в библиотеке, в Государственный архив»¹².

Возможно, еще тогда, просматривая связки документов, М.А. Корф обнаружил большое количество писем и рапортов своего однофамиль-

¹⁰ Там же. Л. 49. По Табели о рангах титул действительного статского советника «Ваше превосходительство».

¹¹ Описи делам по Секретной коллегии, бывшие в производстве и ныне хранящиеся у действительного статского советника Морючникова за его печатью, относительно принца и принцессы Брауншвейг-Люнебургских и их семейства // Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1861. Кн. 2. Ч.5. Смесь. С. 1–58. Опубликованные описи охватывают только период с 28 ноября 1741 г. по 25 июня 1754 г.

¹² Корф М.А. Записки. М., 2003. С. 493, 496.

ца Н.А. Корфа, а также адресованные ему именные указы и инструкции. (В 1744 г. действительный камергер, барон Николай Андреевич Корф, женатый на двоюродной сестре императрицы, руководил секретной перевозкой арестованного семейства в Холмогоры.) Выписки из архивных документов и даже некоторые подлинники, относящиеся к этому событию, хранятся в архиве М.А. Корфа¹³. Кроме того, в архиве Г.Н. Геннади¹⁴ хранится его статья, озаглавленная «Об Иоанне Антоновиче»¹⁵, отнесенная предположительно к 1850-м гг. и цитирующая упомянутые выше документы из архива Корфа. В начале статьи приведены краткие биографические сведения об Анне Леопольдовне, Антоне Ульрихе. Год смерти Антона Ульриха указан ошибочно (1774), т.е. взят не из архивных документов (по рапорту охраны из Холмогор — 1776)¹⁶. На отдельном листе имеется запись о том, что все сведения в статье извлечены из дела, переданного по инициативе Корфа из библиотеки в Государственный совет (так. — Л.А.).

Теперь, когда Корф уже прочно утвердился в ипостаси придворного историка, он, видимо, решил сам на основе уже бывших в его руках документов обратиться к теме, увлекательной не менее, чем сюжеты столь популярных тогда романов Дюма и Сю.

Труд предстоял огромный. Надо было просмотреть массу документов за три четверти века, написанных дипломатами, сановниками, чиновниками разных ведомств, офицерами охраны, высочайшими особами и арестантами. (Только дела, хранящиеся сегодня в Российском государственном архиве древних актов, относящиеся к содержанию семейства в разных тюрьмах, содержат более тридцати тысяч листов.) Многие документы были написаны на разных языках, некоторые — людьми, нескладно изъяснявшимися и на родном. За время, прошедшее с роковой ночи 25 ноября 1741 г., когда Елизавета Петровна заняла отеческий престол, ночи, переломившей судьбу злосчастного семейства, за рубежом вышло немало статей, книг и брошюр, посвященных этой и последующим не менее мрачным и загадочным страницам российской истории. По разным местам были рассеяны обширные и краткие воспоминания современников и очевидцев событий.

Итак, Корфу предстояло разыскать, изучить, обобщить сведения из всех этих источников, часто противоречащих друг другу, выстроить их в хроно-

¹³ РНБ ОР. Ф. 380. Д. 542.

¹⁴ Григорий Николаевич Геннади (1826–1880), известный библиофил и библиограф.

¹⁵ РНБ ОР. Ф. 178. Д. 66. Л. 1–12.

¹⁶ Эта ошибка встречается в исторической литературе и по сей день. Документальное подтверждение даты см.: Левин Л.И. Российский генералиссимус герцог Антон Ульрих (история «Брауншвейгского семейства» в России). СПб., 2000.

логически и логически последовательный ряд. Эта задача требовала столько сил и времени, что заниматься ею урывками главноуправляющий Вторым отделением Собственной Е. И. В. канцелярии, конечно, не мог. Нужен был умелый, надежный и исполнительный сотрудник. А для беспрепятственного и быстрого доступа к документам, хранящимся в архивах различных ведомств, даже Корфу, высокопоставленному чиновнику, нужен был влиятельный покровитель. Искать обоих не пришлось, они давно уже были рядом с ним, и самые лучшие из мыслимых. Сотрудником Корф определил Стасова, а покровителем стал Александр II. Владимир Васильевич уже показал, как он способен разрабатывать заданную тему, а императора Корф, видимо, сумел заинтересовать историей опального семейства, и тот заказал ему новую книгу. Во всяком случае, спустя несколько лет Модест Андреевич записал (на листке без заглавия и без подписи), что среди особых поручений, возлагавшихся на него Высочайшей волею, было и «составление истории Брауншвейгского семейства (3 тома)»¹⁷. В отличие от «14 декабря...» тираж предполагался поменьше, всего два экземпляра (один из которых Корф заказывал переписчику для себя).

Итак, с ноября 1863 г. Стасов принял от Корфа новое поручение. Уже через 10 дней Корф начинает его торопить, просит подготовить какой-нибудь готовый отрывок, который можно было бы во время ближайшей аудиенции показать царю. «Не имея еще никакого сведения о ходе и положении Вашей Брауншвейгской работы, а между тем располагая быть в субботу с докладом у Государя, я обращаюсь к Вам, любезный Владимир Васильевич, с вопросом, не поспеет ли к этому времени какой-нибудь отдельный эпизод из этой печальной драмы, который мог бы привлечь на себя любопытство Его Величества?»¹⁸

Вероятно, с таким эпизодом Стасов к субботе не успел, потому что 8 декабря Корф вновь настойчиво требует «какой-нибудь эпизод... который мог бы интересовать Государя... Этот отрывок, или эти отрывки, во всяком случае, не будут еще иметь окончательной силы»¹⁹.

На этот раз Стасов, очевидно, требуемый отрывок представил и пообещал через неделю прислать Корфу и продолжение («второй выпуск»). Одновременно он просит Корфа истребовать из Придворного архива нужные документы, интересуется, где находятся дела следственной комиссии, зани-

¹⁷ РНБ ОР. Ф. 380. Д. 5. Л. 1 об. Документ датирован 1868 г. по упоминанию в тексте о приближающемся 25-летию назначения Корфа членом Государственного совета (1843 г.).

¹⁸ ИРА. Ф. 294. Оп. 1. Д. 346. Л. 64.

¹⁹ Там же. Л. 66.

мавшейся делом Остермана, Миниха и других лиц, арестованных при перевороте 1741 г.²⁰ Вскоре Стасов, как и обещал, закончил первую главу и отослал ее на прочтение Корфу. Но тут же запросил ее назад для переделки, поскольку «постоянно думавши и разбиравши, пришел к довольно окончательным уже выводам и доводам насчет мотивов и образа отправления этого семейства из Петербурга»²¹. Корф вернул главу с некоторыми замечаниями (предложил использовать донесения французского посланника Шетарди и дать им оценку), потребовал в предисловие, уже прочитанное императором, включить фрагмент из своей рукописной тетради, переданной Стасову, пояснить состав брауншвейгского семейства «степени родства и проч., без чего незнающий читатель будет поставлен в совершенный тупик»²².

В январе Стасов переписал первую главу, вновь отослал ее Корфу, и здесь впервые обозначилась существенная разница взглядов Стасова и Корфа на начатый труд. После обычных комплиментов Корф сформулировал свои требования к его характеру и стилю: «Прежде всего, мне показалось, что слишком больших рассуждений с нашей стороны лучше избегать, оставляя кое-что на собственную догадку читателей... Главная важность не в наших соображениях, а в фактах, из которых первые истекают сами собою, и в этом смысле я решился лучше пожертвовать многими из вставочных Ваших предложений, каково бы ни было их достоинство и значение. Другое важное дело — общий тон. Здесь я позволил себе заменить некоторые выражения соответственнейшими важности предмета и главного нашего читателя, покамест найдутся или допустятся другие»²³.

Изложив свои принципы, Модест Андреевич вычеркнул в стасовском черновике страницы, им не соответствующие. Кроме того, он потребовал дополнить текст сведениями о некоторых лицах, упоминаемых в первой главе: саксонском посланнике М.К. Линаре, генерале В.Ф. Салтыкове, офицере конвоя Г. Корфе. Стасов возвратил начальнику рукопись уже на другой день, добавив в нее требуемые вставки и переписав заново две страницы, по собственному его признанию, «и неловкие, и запутанные, и дурно написанные». (Здесь Стасов доказывал, что у Елизаветы Петровны с первых часов царствования не было намерения отпустить низложенное семейство из России.) Однако с «генеральной линией» Корфа Стасов не согласился. Человек энергичный, увлекающийся и резкий в суждениях, в большинстве

²⁰ РНБ ОР. Ф. 380. Д. 531. Л. 2.

²¹ Там же. Ф. 738. Д. 240. Л. 5–6.

²² Там же.

²³ Там же. Д. 163. Л. 15.

работ которого эмоции бурлят и выплескиваются из строчек, да вдобавок очень самолюбивый, Стасов плохо подходил на роль холодного собирателя фактов. Чтобы как-то отстоять свое право на их интерпретацию и свои «рассуждения», он попытался в сопроводительном письме сначала уверить Корфа, что хочет сделать исследование как можно более полным и объективным, а уж вычеркнуть из обширной рукописи неприемлемые для царя страницы дело несложное.

«Что касается до сокращений, признанных Вашим Высокопревосходительством за необходимые, то я должен признаться, что отчасти ожидал их. Я никак не могу считать, пища свои нынешние страницы, что у меня будет один читатель, я постоянно имею в виду двух и один из них: это Вы. Мне известно, как тщательно занимались Вы сами несколько лет тому назад тою частью этого дела, которая тогда попала Вам в руки; мне известно, как оно было (именно по работе, как всегда бывает) близко, дорого Вам, и потому я был вполне убежден, что Вы изволите признать любопытными все выводы и соображения, к которым увлекала меня работа. Я постоянно думал, что если почему-нибудь не все должно будет остаться для другого читателя этих страниц, то Вам стоить будет употребить лишь несколько лишних секунд на то, чтоб вычеркнуть все, признаваемое ненужным, неинтересным или неудобным, но перед тем Вы будете иметь возможность иметь перед глазами в полном ее объеме, такую, как она возникла у меня в голове. Осмеливаюсь оставаться в этом убеждении, и если, Ваше Высокопревосходительство, только не запретите мне того, буду продолжать совершенно свободно, как всегда свободно всегда писал все, что Вам ни подавал. По пословице: из большего всегда можно выкроить меньшее. Конечно, мне очень жаль за некоторые сокращенные места и, если б возможно было, я всепокорнейшее просил бы удержать их, хотя в сокращенном виде, хотя в ослабленном виде [...], но если это невозможно, то, конечно, я совершенно покорюсь этому»²⁴.

Далее Стасов пытается отстоять хотя бы «в ослабленном виде» то место, где он разбирает деятельность следственной комиссии, занимавшейся делом лиц, приближенных к брауншвейгскому семейству и поэтому обвиненных в государственной измене. При этом следователей очень интересовало личное богатство подсудимых: сколько у них собственных денег и алмазных вещей и где они сокрыты? Стасов замечает здесь, что никому «и в голову не приходило, что есть разница между государственными и частными отношениями, и, что сколько ни считалось преступным известное

²⁴ ИРЛ. Ф. 294. Оп. 1. Д. 347-3. Л.1–2.

лицо, все-таки есть предел, за который не должна идти шарящая рука полицейского, не должна переступить грязная нога сыщика...»²⁵.

В другом месте²⁶ Стасов яростно клеймил всех без различия елизаветинских вельмож, а заодно и саму императрицу за властолюбие, безразличие к интересам России, да вдобавок с такой же страстностью называл сосланных Остермана и Миниха славой и честью России, лучшими двумя государственными людьми ее новой истории... Наконец, вычеркнутый Корфом фрагмент в конце главы²⁷ рассказывал о настойчивости, с которой Елизавета четыре года подряд задавала принцессе Анне вопросы о бриллиантовых украшениях, которые императрица все надеялась найти и никак не находила, а принцесса, за несколько минут вытряхнутая гвардейцами из постели, все никак не могла вспомнить, пока не умерла от родильной горячки в 1746 г.

Как следует из текста беловых (писарских) копий рукописи, некоторые немногие места (в частности, о бриллиантах) Стасову все же удалось отстоять «в ослабленном виде». Что касается переписки обоих превосходительств, то более в ней не встречаются ни наставления Корфа, ни объяснения Стасова. Отношения и позиции были выяснены в начале работы на материале первой главы. В дальнейшем только текст второй главы подвергся существенному сокращению.

В черновике этой главы Корф вычеркнул подряд двадцать страниц²⁸, на которых Стасов разбирал деятельность Тайной канцелярии и приводил многочисленные примеры рассмотренных ею дел. Из анализа их следовало, что это учреждение политического сыска не столько занималось охраной безопасности государства, сколько преследовало разговоры и анекдоты об интимной жизни монархини, т.е. о том, что и по сей день очень интересует подданных. Надо отметить, что, пожалуй, с каким-то наслаждением Владимир Васильевич цитировал здесь простонародные рассуждения о действительных или придуманных амурных приключениях императрицы Елизаветы, или такие, пригодные на разные времена, восклицания, как, например: «Сегодняшний день восшествия на престол — день блядский!» Вычеркивая этот фрагмент, Корф отметил, что все это «очень любопытно и драгоценно сохранить для истории, но в составе настоящего сочинения представляло бы почти чуждый нарост, поэтому лучше все это переписать

²⁵ РНБ ОР. Ф. 738. Д. 1. Л. 35.

²⁶ Там же. Л. 24.

²⁷ Там же. Л. 41–42 об.

²⁸ Там же. Л. 71–80 об.

отдельно, чтоб не утратилось снова в архивах». Остальные изменения, внесенные Корфом в рукопись этой главы, свелись к замене «некоторых выражений соответственно важности предмета и главного читателя»²⁹.

Работая над первыми главами рукописи, Стасов представил Корфу список дел Тайной канцелярии, касающихся разных лиц из числа прислуги семейства и охранников, с которыми он считал нужным ознакомиться. Корф предложил Стасову составить запрос в Государственный архив от его имени, «сославшись на преждеобъявленное мною Высочайшее повеление»³⁰, из чего ясно, что доступ к архивным материалам санкционировал лично сам высокий читатель.

В третьей (по нумерации Стасова) главе рукописи, рассказывающей о переезде семейства в Холмогоры, текст на 12 листах³¹ почти полностью совпадает с текстом упомянутой выше статьи Геннади, причем, цитируя указы императрицы, Стасов сделал пометку: «Их нет в архивском деле, я списал текст с записки Вашего Высокопревосходительства»³². Кстати, текст на этих листах Корф принял без замечаний и вычеркиваний.

В марте 1864 г. Корф уехал на полгода за границу. Год начался для него семейным горем и неудачей в служебной карьере. В январе умерла маленькая дочь Модеста Андреевича³³. (И это был уже второй его ребенок, умерший в детские годы.) От Второго отделения Корфа освободили, назначив, правда, председателем департамента законов Государственного совета и сенатором. Но обе эти должности были синекурами, и Сенат и Совет напоминали заповедник престарелых мужей, украшенных звездами и лентами, для которых все уже было в прошлом, а Корф был еще энергичен, жаждал деятельности и воспринял почетную отставку очень болезненно.

На вокзале его провожала толпа сослуживцев по Библиотеке и Канцелярии. В первом же письме Стасову из-за границы он рассказал, что был чрезвычайно растроган этим «неожиданным и вполне бескорыстным стечением людей всех возрастов, между ними престарелых и болезненных».

Переписка между Стасовым и Корфом через границу идет довольно интенсивная³⁴. В Германию, Францию, Швейцарию Стасов посылает под-

²⁹ Там же. Л. 71.

³⁰ ИРЛ. Ф. 294. Оп. 1. Д. 346. Л. 68.

³¹ РНБ ОР. Ф. 738. Д. 1. Л. 98–109.

³² Там же. Л. 100.

³³ Елена Модестовна Корф (1852–1864) осталась в литературе автором книжечки «История моего котенка», которую больная девочка написала за месяц до смерти. Модест Андреевич издал ее дважды малым тиражом в 1863 и 1864 гг.

³⁴ ИРЛ. Ф. 294. Оп. 1. Д. 347-1. Л. 2–27.

робные письма, Корф отвечает ему два-три раза в месяц, извиняясь при этом, что пишет редко. Письма с обеих сторон очень теплые, интимные, оба жалуются друг другу: Стасов на болезни и одиночество, Корф — на упадок сил, конец политической карьеры, наветы недругов. Кстати, кроме Стасова ему никто из России и не пишет. «Брауншвейгская» тема в переписке присутствует постоянно. Уже в мае Корф напоминает, что с нетерпением и любопытством ожидает новую главу.

Обещанной главы Корф не дождался, затем попросил не присылать ее вообще, предполагая к осени вернуться. Поездка изобиловала впечатлениями. Несколько раз он встречался с царем, который приезжал в Германию на отдых как частное лицо и «гулял посреди нас в таком же пиджаке, как и мы все». В Женеве семейство Корфа оказалось в центре восстания, под окнами гостиницы были возведены баррикады, «расставлены инсургентами пушки и неистовствовала пьяная разъяренная толпа, повалившая на месте 8 человек и изранившая сверх того до 12-ти... никто из нас не спал и даже не раздевался, в ежеминутном ожидании если не смерти, то грабежа»³⁵.

Наконец в сентябре Корф вернулся в Петербург, приехал к Стасову на квартиру «поблагодарить доброго корреспондента за все хлопоты» по его делам, Стасова он дома не застал и оставил ему полученную от академика Я.К. Грота записку, в которой излагалась красивая легенда, слышанная Гротом в окрестностях Раненбурга (ныне г. Чаплыгин в Липецкой области), где брауншвейгское семейство, его свита и слуги содержались около полугода перед отправлением в Холмогоры. По этой легенде, Иван Антонович томился в замке до восьми лет, затем его выкрал какой-то монах, но беглецов поймали и вернули. Народ, собиравшийся на ярмарку перед замком, часто слышал игру мальчика на скрипке через тюремные стены³⁶.

Затем Корф принялся вычитывать новые главы и тут между ним и Стасовым произошел какой-то конфликт. Вероятно, Корф отдал рукопись кому-то на прочтение, о чем Стасову то ли стало определенно известно, то ли у него возникли подозрения. Письмо его Корфу по этому поводу не обнаружено, но из ответа Корфа от 22 ноября 1864 г. ситуация представляется именно такой. «Письмо Ваше, любезный мой Владимир Васильевич, признаюсь, немало меня изумило и, не скрою, что предпочел бы иметь объясне-

³⁵ Летом 1864 г. в Женеве произошел вооруженный мятеж, подавленный правительственными войсками. Причиной мятежа был провал на выборах в правительственный совет радикального политика Джеймса Фази.

³⁶ ИРЛ. Ф. 294. Оп. 1. Д. 347-1. Л. 30. Эта легенда через год была включена в статью Н. Покровского: Великая княгиня Анна Леопольдовна и ее семейство // Дело и отдых. 1865. Т. II. Кн. 2. С. 1–65.

М.А. Корф. Гравюра XIX в.

ния такого рода на словах, чем на письме, как будто бы мы живем в разных городах или избегаем свидания. Ничего, впрочем, не изменилось ни во взгляде моем на почтенный, стоящий выше всякой похвалы труд Ваш, ни вообще в мнении моем о Ваших произведениях. Но сам я, хотя очень много писал в моей жизни, никогда не гнушался посторонней критики и охотно подвергал и подвергаю себя всяким замечаниям и исправлениям, даже когда считал в себе, по свойственному авторам самолюбию, более способностей, чем в моих критиках. Этому научил меня мой наставник Сперанский, который, стоя так неизмеримо выше меня по дарам слова и пера, охотно, однако, снисходил к моим нередким поправкам и часто им следовал.[...] Затем, просматривается ли кем наша совокупная работа и кем именно (в черновых Вы найдете одни мои поправки) здесь, думаю, вопрос совершенно второстепенный: несравненно важнее для Государя и для истории, чтобы она достигла возможной степени совершенства, чем, конечно, несколько не умалится значение Вашего, повторяю, почтенного труда, на который я и не оставляю обратить в свое время все внимание Государя»³⁷.

³⁷ ИРЛ. Ф. 294. Оп. 1. Д., 347-1. Л. 35.

В следующих письмах Корфа опять присутствует прежний доброжелательный и теплый тон, с уверениями, что «с Вашей легкой руки все пойдет вновь, как и всегда, прекрасно». Замечаний и изменений Корф почти не делает, рекомендует распределить материалы о шлиссельбургском периоде заточения Ивана Антоновича на две главы, советует поискать сведения о погребении Анны Леопольдовны в архиве Александро-Невской лавры, затем сообщает, что сам нашел часть этих материалов и ожидает новых (в стасовскую рукопись этот фрагмент не вошел). Используя предложение Стасова³⁸, составляет перечень иллюстраций к первым пяти главам, которые намерен поднести государю к Рождеству³⁹.

Наконец этот день настал. «Поспешаю уведомить Вас, любезный Владимир Васильевич, что Государь Император, от которого я сей час возвратился, с отменным благоволением принял Вашу работу... Разумеется, что все это осталось у Его Величества, а результатом для Вас, натурально, промежуточным, на первый случай, было, что Вам пожаловано единовременно 1000 р., что при ограниченности Вашего оклада будет, надеюсь, не лишнее»⁴⁰.

Вторую часть решено было (по предложению Стасова) поднести к Пасхе. Письма Корфа снова наполнены комплиментами: «Прекрасно, любезный Владимир Васильевич, превосходно, и мне остается только снова удивляться Вашему трудолюбию, Вашему искусству в сгруппировании фактов и той образцовой ревности, которую Вы продолжаете прилагать к этому делу. Перемены мои и поправки относятся, как Вы увидите, опять, преимущественно к сокращениям, особенно в субъективных рассуждениях, которые, замедляя увлекательный рассказ, не способствуют его живости и иногда могут подлежать оспариванию...»⁴¹ Но вот до Пасхи осталось несколько недель, надо торопиться, Корф напоминает об этом и посылает Стасову «для нового еще соображения и, может, дополнения» книгу Кастеры⁴² и «Записки» Дашковой. Есть и замечания. «Признаюсь Вам, что меня более всего останавливает и тяготит, сколько я ни пытался смягчить, тот пассаж в последней Вашей здесь прилагаемой тетради, при котором я загнул угол»⁴³. (Стасов сделал на письме пометку «По делу Мировича».)

³⁸ Ф. 294. Оп. 1. Д. 347/3. Л. 5–6.

³⁹ Там же. Д. 347-1. Л. 38–44.

⁴⁰ Там же. Л. 50.

⁴¹ РНБ. Ф. 738. Д. 163. Л. 12.

⁴² [Castéra Jean-Henri.] Vie de Catherine II. Paris, 1797. В России эта книга, изданная без указания автора, была встречена с большим интересом.

⁴³ ИРЛ. Ф. 294. Оп. 1. Д. 347-1. Л. 55.

Видимо, к Пасхе окончить рукопись не удалось. Но и царю в эти дни было не до развлекательного чтения. В Ницце, в ночь на 13 апреля после тяжелой болезни умер его старший сын, наследник престола Николай Александрович. В конверте с траурной каймой Корф сообщил Стасову 29 апреля, что после печальной церемонии он выезжает с семьей государя в Царское Село.

Две последние главы Корф прочел в мае—июне, существенных поправок у него нет, да и некогда ему. И в Царском, и в Петергофе он занимается уже с новым наследником — будущим Александром III, излагает ему теорию права и основы законодательства, а вечерами сидит с царем за карточным столиком, поэтому так не хватает времени, однако все же дело движется, очередное письмо переполнено похвалами. «...Опять-таки повторю: Прекрасно! Этою работою Вы поистине сооружаете себе памятник, хотя для открытия его и придется ждать, вероятно, не один еще год и я не могу нарадоваться тому, что эта трудная задача выпала именно Вам»⁴⁴.

И вот труд завершен, в июле 1865 г. последние главы переписаны, Корф посылает их в переплет и надеется поднести в ближайшее воскресенье. При этом он заказывает переписчику еще одну копию со стасовского черновика для себя. «Примите еще раз искреннюю мою благодарность за этот огромный, добросовестный и прекрасный труд, в котором личное мое участие ограничилось почти только тем, что я постоянно им любовался. По возвращении моем мы сотворим с Вами совет о том, как бы он мог иметь лично приятнейшие для Вас последствия. Сожалею от души, что крайняя спешность настоящих обстоятельств не позволяет мне уже теперь осуществить моих желаний в этом отношении...»⁴⁵ Рукописная книга, наконец, в руках царя, и вскоре Корф уезжает за границу, там в Висбадене состоится семейное торжество — свадьба сына Корфа, Модеста Модестовича. По возвращении в Петербург осенью Модест Андреевич принялся добывать Стасову «приятнейшие последствия». Увы, это удалось не вполне. «С искренним удовольствием спешаю уведомить Вас, любезный Владимир Васильевич, что Государь Император прочел уже большую часть истории Брауншвейгского семейства, и это чтение доставило ему, как Его Величество вчера мне отозвался, много приятных часов во время отдохновения в Ильинском. Разумеется, что при этом я не упустил возобновить в памяти Его Величества имени истинного автора этой работы (выделено мной. — Л.Л.) и отдать ему всю должную справедливость; но на этом, за отзывом Вашим, должен

⁴⁴ РНБ ОР. Ф. 738. Д. 163. Л. 14.

⁴⁵ ИРА. Ф. 294. Оп. 1. Д. 347-1. Л. 70.

был, к сожалению, остановиться. Денежные награды в настоящую минуту, где всем в них отказывают, и самое даже ходатайство о них Государь принимает с неудовольствием, немислимы, а все другие Вы отклоняете. Итак, чтобы сделать Вам хоть сколько-нибудь приятное, мне осталось лишь распорядиться собственными средствами в возможной их мере. Я приказал производить Вам с будущего ноября по 50 руб. прибавочного содержания в месяц.

Что касается будущей работы, то позвольте мне еще о ней подумать, но от истории 14-го дек. я заранее отказываюсь»⁴⁶.

Но, конечно же, выждав удобный момент, Корф выполнил обещание. В апреле следующего года, когда Стасов работал уже над следующей рукописью, также предназначенной Корфом для императора⁴⁷, настали и «последствия». «Спешу уведомить Вас, любезный Владимир Васильевич, что добрый наш Государь, во внимании к постоянным полезным трудам Вашим, изволил пожаловать Вам единовременно 2000 р. из Государственного Казначейства ...»⁴⁸

Более к истории брауншвейгского семейства Стасов не возвращался. Но тема эта, еще до завершения его работы над рукописью, начинает привлекать разных авторов, и за десять последующих лет выходят в свет статьи Покровского⁴⁹, Семевского⁵⁰, Повалеева⁵¹, Брикнера⁵², Данилевского⁵³, Грота⁵⁴. Никто из них не ссылается на архивные источники, доступ к которым, очевидно, пока получили только Корф и, соответственно, Стасов. Никто из названных авторов не был, вероятно, знаком и с рукописью «Брауншвейгского семейства», так как сведения, сообщаемые ими, иногда расходятся с документами, использованными в ней. Правда, М.И. Семев-

⁴⁶ Там же. Л.75.

⁴⁷ С конца 1865 г. началась работа над трудом «Десятилетие реформ (1855–1865)». Рукопись Стасова: РНБ ОР. Ф. 738. Д. 3, 4.

⁴⁸ ИРЛ. Ф. 294. Оп. 1. Д. 347-1. Л. 90.

⁴⁹ *Покровский Н.* Великая княгиня Анна Леопольдовна и ее семейство // Дело и отдых. 1865. Т. II. Кн. 2. С. 1–65.

⁵⁰ *Семевский М.И.* Иоанн VI Антонович // Отечественные записки. 1866. Т. CLXV. С. 530–558.

⁵¹ *Повалеев В.И.* Судьба брауншвейгской фамилии в России с конца 1741–1780 г. // Русский вестник. 1866. Т. 64. № 7. С. 62–96.

⁵² *Брикнер А.Г.* Император Иван Антонович и его родственники // Русский вестник. 1874. Т.113. № 10. С. 503–559; Т.114. № 11. С. 102–191.

⁵³ *Данилевский Г.П.* По какой причине император Иоанн Антонович перемещен из Холмогор в Шлиссельбург // Русский архив. 1874. № 12. С. 1124–1126.

⁵⁴ *Грот Я.К.* Дети правительницы Анны Леопольдовны в Горсенсе // Русская старина. 1875. Т. 12. С. 760–768.

Холмогоры. Место ссылки брауншвейгского семейства. Фото начала XX в.

ский указал, что некоторые факты заимствованы им с позволения барона М.А. Корфа из рукописного его труда «Отправление Брауншвейгской фамилии в Холмогоры», составленной по подлинным документам. Возможно, именно Семевскому Корф давал на прочтение в 1864 г. часть рукописи Стасова, чем вызвал тогда его неудовольствие. В 1870 г. с короткой заметкой «Погребение Анны Леопольдовны» выступил и сам Корф⁵⁵. Материалы, использованные в этой заметке, в рукопись не входили. Редакционное примечание мелким шрифтом сообщало, что автор заметки подготовил трехтомную рукопись. Неизвестно, предполагал ли Корф ее издание и собирался ли как-то указывать имя ее «истинного автора». Единственным документом, в котором он собственноручно упомянул свою работу над «Брауншвейгским семейством», является тот самый листок, написанный в 1868 г., в котором Корф привел перечень возлагавшихся на него особых поручений⁵⁶. В том числе и «составление истории Брауншвейгского семейства».

В 1876 г. Модест Андреевич умер. Смерть его Стасов воспринял как большое личное горе, тем более что свалилось оно совершенно неожиданно, еще недавно он встречался с Корфом, тот был нездоров, но ничто не предвещало скорой смерти. А приехав поздравить Модеста Андреевича

⁵⁵ Корф М.А. Погребение принцессы Анны Леопольдовны и мужа ее герцога Антона Ульриха // Русская старина. 1870. Т. 1. С. 410–412.

⁵⁶ РНБ ОР. Ф. 380. Оп. 1. Д. 5. Л. 1. Текст без заглавия, адреса и подписи, датируется по упоминанию о приближении 25-летия членства Корфа в Государственном совете.

в первый день нового, 1876 г., он узнал от швейцара, что хозяин тяжело болен и с минуты на минуту ждут конца. «Меня так это прихлопнуло, — рассказывал Стасов в письме сестре⁵⁷, спустя месяц, — что в тот день я не мог обедать, всю ночь не спал, а наутро 2 января уж и известие о смерти пришло! Ну, вот и пришлось вдруг неожиданно по два раза в день на панихидах бывать, среди толпы андреевских лент, членов Государственного Совета, генерал-адъютантов и проч. Только мне кажется, все это время никто из присутствующих, никто так его не жалел, как я, даже ни жена, ни сын». Далее пятидесятилетний Владимир Васильевич с каким-то мальчишечьим хвастовством описал, как ему на похоронах «привелось и разные штуки по-своему выдумать и устроить». Он «в своем виц-мундирчике без малейшего признака какой-нибудь декорации... по-всегдашнему храбро протискался вперед» сквозь огромную массу шитых мундиров, лент и звезд, подставил плечо под гроб, донес его до парадной колесницы, потом помчался на извозчике впереди процессии к Библиотеке, балкон которой по его настоянию был завешен черным сукном, встретил там катафалк с телом ее бывшего директора, убедил действующего директора Делянова вместе с ним возложить на гроб венок (тот якобы боялся простудить лысую голову без шляпы) и дважды шепотом растолковал ему, какую сказать речь над могилой. «Но курьезнее всего, — продолжал Стасов, — что когда опустили Корфа в землю, решительно все-все, даже сын и жена тотчас ушли и уехали. Только мы трое остались до самого конца: Лапшин⁵⁸, Собко⁵⁹ и я. Мы дождались, пока сделали сводик из кирпича, а потом насыпь (может быть, в большом свете не принято оставаться до конца!). В заключение я вынул карандаш из кармана и большими печатными буквами написал имя, фамилию и года. Мы были одни, даже все нищие разбрелись...»⁶⁰

Тотчас после смерти Корфа из его бумаг по распоряжению Александра II были изъяты документы, имеющие отношение к царствованию Николая I. Все остальные передавались в собственность сыну покойного, Модесту Модестовичу.

Стасов в том же письме сестре сообщал: «Жду решения государя императора, чтобы мне дозволили писать биографию большую Корфа. Кому же и писать про Корфа, как не мне? Никто его, конечно, так не знал и не ценил,

⁵⁷ Стасов В.В. Письма к родным. Т. I. Часть вторая (1862–1879). М., 1953. С. 280–283.

⁵⁸ Сергей Иванович Лапшин (1827–1886), сотрудник Публичной библиотеки в 1850–1862 гг., затем чиновник II отделения Собственной Е.И.В. канцелярии.

⁵⁹ Николай Петрович Собко (1851–1906), историк искусства и библиограф, сотрудник Публичной библиотеки в 1871–1884 гг.

⁶⁰ Стасов В.В. Письма к родным... С. 281–282.

как я, да я же и был при нем целых 20 лет». Большая биография так и не была написана. Но уже в феврале вышла обширная статья Стасова о Корфе⁶¹. В ней Владимир Васильевич очень подробно и с большой симпатией к Корфу рассказал о его деятельности на посту директора библиотеки, о его исторических трудах и назвал их. Однако о «Брауншвейгском семействе» не упомянул ни единым словом, видимо, не считая его автором.

Лет за десять до смерти самого Стасова стали выходить в свет работы, созданные с его участием. «Рождение и первые 20 лет жизни Николая I», «Обозрение истории цензуры в царствование императора Николая I», «История попыток по введению григорианского календаря в России и в некоторых славянских землях». Автором первой был указан Корф, две последние — без указания автора. Трудно сказать, как воспринял это Стасов, как он определял размер своей доли в их написании. Уже упоминавшаяся племянница его В.Д. Стасова (писавшая под псевдонимом Влад. Каренин) в биографии своего дяди высказалась совершенно определенно: «Немало работ Стасов написал за Корфа» и перечислила все их⁶². Поскольку родилась она за 10 лет до смерти Корфа, степень участия Стасова могла быть ей известна лишь с его слов, как, кстати, и технические подробности создания рукописной книги «Брауншвейгского семейства». По ее словам, после прочтения и редактирования Корфом стасовского черновика он переписывался с внесением всех поправок и дополнений. Эта новая рукопись перечитывалась, сверялась Стасовым или самим Корфом с черновиком, при необходимости исправлялась еще раз и переписывалась набело в двух экземплярах писарем Козаковым, состоящим при Корфе. Один экземпляр одевался в богатый переплет переплетчиком Агацом и подносился царю. Читая рукописную книгу, тот делал пометки, которые затем Стасов покрывал лаком и переносил во второй экземпляр⁶³.

По некоторым фактам можно судить о том, что ни молча соглашаться с тем, что единственным создателем «Брауншвейгского семейства» может быть назван Корф, ни делить с ним авторскую славу Стасов не собирался. В собственноручной автобиографической записке, хранящейся в фондах Академии художеств и относящейся к 1899 г., он, как почетный вольный общник Академии, перечисляя свои труды, указал, что «написал... исследо-

⁶¹ Стасов В.В. Граф Модест Андреевич Корф. Биографический очерк. 1800–1876 // Русская старина. 1876. Т. 2. С. 402–421.

⁶² Каренин Влад. Указ. соч. С. 276.

⁶³ Там же. С. 276–278.

вание «История императора Ивана Антоновича и его семьи»⁶⁴. За шесть лет до смерти Стасова вышел том Словаря Брокгауза и Ефрона, где в статье, посвященной ему, в числе его исторических работ названа и «История императора Ивана Антоновича»⁶⁵. При этом указано, что все эти исторические труды были написаны специально для императора Александра II и поступили в его библиотеку. Эти же сведения приведены и в Большой энциклопедии, в томе, вышедшем за два года до смерти Владимира Васильевича⁶⁶. К тому времени, правда, почти все названные в Словаре и Энциклопедии труды были опубликованы или под именем Корфа, или безымянными. Но «Брауншвейгское семейство», этот, по словам Корфа, «памятник», который Стасов под его руководством сооружал себе, еще ждал своего часа.

Умер Стасов в 1906 г. Судьба распорядилась так, что могила его находится всего в трех сотнях метров по прямой от могилы Корфа, правда, на другом кладбище Александро-Невской лавры⁶⁷. Но по прямой пройти нельзя, как раз посередине между ними стоит усыпальница Благовещенской церкви, где под мраморной плитой покоится правительница Анна Леопольдовна. На могиле Стасова выросла его могучая фигура из бронзы, отлитая по модели скульптора Гинцбурга. А еще через 11 лет приоткрылся и «памятник», напророченный Корфом. Только надпись на нем была — М.А. Корф!

В 1917 г. журнал «Старина и новизна» начал публикацию «Брауншвейгского семейства»⁶⁸, автором был указан Корф, ниже стояло: «Печатается по рукописи, хранящейся в библиотеке Зимнего Дворца». В 22-й номер журнала вошли две первые главы, в конце которых было обещано продолжение. Однако в вихре событий семнадцатого года на этом номере журнал прекратил существование. Возобновилась публикация «Брауншвейгского семейства» лишь в 1993 г., зато сразу в двух издательствах. Автору этих строк удалось опубликовать главы стасовской рукописи, относящиеся к холмогорскому периоду заключения брауншвейгских принцев⁶⁹. Через полгода вышло в

⁶⁴ Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 789. Оп. 12. 1899. Д. 80-И. Атрибуция записки см.: *Лебедев А.К., Солодовников А.В.* Владимир Васильевич Стасов. Жизнь и творчество. М., 1976. С. 45.

⁶⁵ *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. Т. 61. СПб., 1900. С. 466. Следует заметить, что структура статьи в Словаре и ее текст во многих местах повторяют структуру и текст собственноручной записки Стасова из РГИА, относящейся к 1899 г.

⁶⁶ Большая энциклопедия / Под ред. С. Н. Южакова. Т. 17. СПб., 1903. С. 790.

⁶⁷ Могила Корфа находится на Никольском кладбище, могила Стасова — на Тихвинском.

⁶⁸ *Корф М.А.* Брауншвейгское семейство // *Старина и новизна.* 1917. № 22. С. 148–203.

⁶⁹ Холмогорская секретная комиссия: Грустная повесть об ужасной судьбе российского императора и его семьи, написанная Владимиром Стасовым для другого императора и извлеченная с архивной полки для читателя Леонидом Левиным. Архангельск, 1993.

свет и все «Брауншвейгское семейство», причем автором, как и в 1917 г., был назван снова Корф⁷⁰. В предисловии указывалось, что текст публикуется по рукописи, хранящейся в фонде А.Б. Лобанова-Ростовского⁷¹. Рукопись эта представляет собою трехтомную писарскую копию, текст которой отличается от рукописи Стасова (но совпадает с текстом двух глав, опубликованных когда-то в «Старине и новизне»). Полной уверенности, что эти отличия внесены именно М.А. Корфом, разумеется, нет, но это вполне вероятно.

Сохранились и другие рукописные тома «Брауншвейгского семейства». В собрании Общества любителей древней письменности имеется один том, включающий в себя пять первых глав этого труда⁷². При сравнении текста этих глав с соответствующими главами книги, воспроизводящей текст из фонда Лобанова-Ростовского, обнаружены некоторые отличия (замена слов, исключение отдельных слов и предложений). Хотя в аннотации книги Корфа указано, что она воспроизводит рукопись, хранившуюся в библиотеке Зимнего дворца, однако, как отмечено выше, в предисловии публикатор ссылается на фонд Лобанова-Ростовского. Но это разные фонды ГА РФ! В Коллекции документов рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца хранятся два переплетенных тома «Брауншвейгского семейства» (начинающиеся с главы VI), а также папка с 12 иллюстрациями и рукописная тетрадь (24 листа), озаглавленная «Несколько слов вместо вступления», на обложке которой стоит автограф Модеста Модестовича Корфа⁷³.

Сравнение текстов этих фолиантов, безусловно, представляет некоторый интерес, поскольку, возможно, поможет уточнить детали истории их создания. Но для поставленной нами задачи — выяснить, можно ли считать Корфа единственным автором «Брауншвейгского семейства», выполнившим историческое исследование, а Стасова — техническим исполнителем его плана, достаточно сравнить рукопись Стасова и текст из фонда Лобанова-Ростовского, опубликованный под именем Корфа. Возможно, что последний скопирован с оригинала, представляющего собою выполненный именно М.А. Корфом вариант стасовской рукописи. Возможно, что кто-то другой редактировал стасовский текст, готовя его к публикации в «Старине и новизне». Поскольку он уже дважды связывался с именем Корфа и под этим именем издан, будем его далее называть «текстом Корфа», хотя бы условно.

⁷⁰ Корф М.А. Брауншвейгское семейство. М., 1993.

⁷¹ ГА РФ. Ф. 978. Оп. 1. Д. 35–37.

⁷² РНБ ОР. Собрание ОЛДП. F512.

⁷³ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Ч. 1. Д. 109, 111.

Публикатор «Брауншвейгского семейства» под именем Корфа на основании сравнения текстов рукописи Стасова и писарской копии из фонда Лобанова-Ростовского сделал в предисловии такой вывод о распределении ролей Корфа и Стасова в их совместной работе, с которым нельзя согласиться. По его мнению, роль Стасова в создании этого исследования хотя и значительна, но все же второстепенна. Именно Корф создал эту работу на основе собранных своим сотрудником материалов, и окончательный текст монографии должен быть приписан именно ему. Он определил форму изложения, структуру и концепцию исследования и, что не менее важно, «сформулировал авторскую позицию в отношении изложения событий». Рукопись же Стасова — «добросовестная последовательно изложенная компиляция фактов»⁷⁴. Думается, с такой оценкой вряд ли согласился бы не только Стасов, но и Корф, назвавший (и не первый раз) имя «истинного автора этой работы», преподнося ее императору⁷⁵. (Конечно, если он не назвал при этом свое имя?) Кстати, все авторы, сводящие роль Стасова к второстепенной, цитируя разные письма Корфа, наполненные комплиментами Стасову, это письмо почему-то не замечают.

Аргументом для приписывания авторства Корфу при этом, как ни странно, служит тот самый, цитированный выше, листок без заглавия и подписи (называемый почему-то автобиографией⁷⁶), на котором Корф в 1868 г. среди поручений, возложенных на него императором, назвал составление истории Брауншвейгского семейства⁷⁷. Но ведь возложение поручения на некое лицо отнюдь не означает, что оно явится не только ответственным за его исполнение, но и единственным его исполнителем с правами автора! И Корф, прослуживший, кстати, несколько лет главным управляющим Вторым отделением Собственной Е.И.В. канцелярии, надо полагать, использовал точную формулировку и не назвал себя автором трехтомного сочинения.

Надо отметить, что оценку роли Стасова в создании «Брауншвейгского семейства» лишь как исполнителя указаний начальника поддерживают не все исследователи, затрагивавшие эту тему⁷⁸.

⁷⁴ Корф М.А. Указ. соч. С. 18. Это же мнение без достаточных оснований было высказано: Ружицкая И.В. Барон М.А. Корф — историк: по материалам его архива. М., 1996. С. 41—45. Анисимов Е.В. Иван VI Антонович. М., 2008. С. 10—11.

⁷⁵ ИРЛ. Ф. 294. Оп. 1. Д. 347-1. Л. 75.

⁷⁶ Корф М.А. Указ. соч. С. 19.

⁷⁷ РНБ ОР. Ф. 380. Д. 5. Л. 1 об.

⁷⁸ См., напр.: Голубева О.Д. В.В. Стасов. СПб., 1995. С. 42—45.

С другой стороны, легко видеть, что как раз Корф, а не Стасов приложил усилия, чтобы «Брауншвейгское семейство» представляло собой «последовательно изложенную компиляцию фактов» без их анализа, без обозначения авторской позиции, т.е. без всего того, что он называл «рассуждениями» и «соображениями» и которых требовал избегать. Конечно, такой подход — тоже авторская позиция. Различие позиций Корфа и Стасова достаточно ясно даже из сопоставления двух вариантов последней фразы, завершающей черновик Стасова и текст Корфа, вынесенных в эпиграф настоящей статьи. Строки эти относятся к принцессе Екатерине, сестре Ивана Антоновича, высланной с братьями и сестрой из холмогорской тюрьмы в Данию в 1780 г.

Вычеркнутые Корфом из первых глав «рассуждения» как раз не укладывались в рамки его концепции исторического сочинения как бесстрастного перечисления фактов и потому-то, несмотря на старания Стасова, были изъяты. Для дальнейшей иллюстрации замены «общего тона» сравним черновик Стасова и его отредактированный (предположительно Корфом) вариант.

По сравнению с рукописью Стасова, разбитой на 8 глав и начинающейся с главы «От Петербурга до Риги», текст Корфа имеет 9 глав, первая глава называется «Переворот 25 ноября 1741 г.», а вторая и последующие имеют те же названия, что и у Стасова. Это полностью согласуется с письмом Корфа от 9 декабря 1864 г.: «первую главу можно будет озаглавить “Переворот 1741 г.”». Об этом же пишет и Влад. Каренин, указывая, что перед заголовком «От Петербурга до Риги» в рукописи Стасова стояла вначале цифра II, затем она была зачеркнута и сверху надписано «Первая глава»⁷⁹. Видимо, вначале в качестве первой главы предполагалось использовать как раз ту тетрадь Корфа, о которой он упоминает в письме от 21 декабря и которая затем была включена как «предисловие, уже прочитанное Государем». Отличие остальных глав текста Корфа от рукописи Стасова (с учетом ее правки Корфом) имеет разный характер. Иногда это различия стилистические, сводящиеся к замене отдельных слов или их порядка. Довольно часто сокращены или исключены фразы и абзацы. В нескольких местах имеются добавления. Определенно судить о том, когда были внесены те или иные изменения, трудно. Однако наиболее вероятным представляется, что после завершения труда над «Брауншвейгским семейством» и сдачи его заказчику Корф продолжил работу над текстом, внося в него дополнения, осуществляя редакторскую правку, возможно, учитывая и замечания Александра II.

⁷⁹ Каренин Влад. Указ. соч. С. 280.

В следующих главах из стасовского текста исключены замечание о том, что на переезд двора из Петербурга в Москву потребовалось 19 тысяч лошадей и около миллиона рублей (при пустоте казны), слова Стасова о Елизавете Петровне, повелевшей содержать в тюрьме Антона Ульриха с супругой в одних покоях лишь потому, что императрица, сама погрязшая в разврате, заботилась лишь о доставлении узникам «удовольствий этого рода». В нескольких местах убраны характеристики, данные Стасовым Антону Ульриху, по его мнению, человеку, не имеющему никаких духовных интересов, совершенно потерявшему в тюрьме личное достоинство. Равным образом Корф исключил упоминания о гордом характере фрейлины Якобины Менгден, непрерывно протестовавшей «против обращения с ней, как с запертым животным или тюремной вещью», и о ее презрении к «ничтожному, бесхарактерному, безутешному принцу Антону Ульриху». Исчезли замечания Стасова о полном безразличии петербургских вельмож к нуждам как арестантов, так и охраны, о том, что для соблюдения тайны охранниками совершались беззакония и преступления. В нескольких местах Стасов подчеркнул, что все эти беззакония и преступления совершались офицерами и солдатами российской гвардии и армии. Разумеется, исчезли и эти места. Убранными оказались и предположения о том, что Ивана Антоновича умышленно сводили с ума в шлиссельбургском каземате и его повреждение рассудка было плодом «варварского скотоподобного заключения». Вместо этого Корф написал, что арестант, «молодой человек, вырванный из среды общественной жизни», в заключении «стал хилым телом и мешаться в рассудке». Многочисленные саркастические выпады Стасова в адрес Екатерины II, хваставшейся своим человеколюбием на весь мир, также исчезли под пером редактора, деликатность которого дошла до замены слов (в цитируемых документах) «ругал матерно» на «р... м...», действительно «оставляя кое-что на собственную догадку читателя». Вычеркнутыми оказались и предположения Стасова о том, что Екатерина II специально уезжала из Петербурга как перед попыткой Мировича в Шлиссельбурге освободить Ивана Антоновича, так и в день его казни.

Появились и добавления: биографические сведения о некоторых лицах, описание крепости в Раненбурге, цитаты из депеши британского посланника Х.Д. Букингэма, из «Записок» Е.Р. Дашковой. Включен рассказ настоятеля Тихвинского монастыря о чьей-то вскрытой могиле с останками в богатом мундире. Описано дело трех солдат холмогорской охраны, случайно узнавших кое-что о царственном арестанте и сосланных за это в разные монастыри. В пассаж Стасова о получении почти всеми высшими государственными лицами подарков и пенсий от иностранных дворов Корф вставил

Антон Ульрих Брауншвейгский. *Портрет XVIII в.*

фразу о том, что и Елизавета Петровна принимала от них денежные подношения. По записям в камер-фурьерских журналах был написан и вставлен рассказ о похоронах Анны Леопольдовны (опубликованный Корфом в 1870 г.⁸⁰). В главе об убийстве Ивана Антоновича появились аргументы, опровергающие, по мнению Корфа, подозрения в причастности Екатерины II к авантюре Мировича.

Этим почти исчерпывается список дополнений, содержащихся в рукописи из фонда Лобанова-Ростовского по сравнению со стасовским черновиком. Таким образом, ее отличие от рукописи Стасова, отредактированной Корфом, малосущественно и, независимо от того, кто вносил эти дополнения и делал изъятия, она, по сути, представляет собой вариант текста, хранящегося в фонде Стасова в Отделе рукописей РНБ.

Написанный рукой «любезного Владимира Васильевича» этот текст, конечно, никогда не появился бы на свет, если бы не М.А. Корф. Идея создания рукописной книги всецело принадлежит ему, он нашел для нее и читателя, и писателя, передал Стасову все материалы, когда-то им собранные и обработанные (та самая тетрадь), непрерывно подсказывал ему новые источни-

⁸⁰ Корф М.А. Погребение принцессы Анны Леопольдовны и мужа ее герцога Антона Ульриха // Русская старина. 1870. Т. 1. 2-е изд. С. 410–413.

ки и обеспечивал к ним доступ. Он, используя, кстати, рекомендации Стасова⁸¹, подобрал иллюстрации, он, наконец, тщательно отредактировал стасовскую рукопись, помня о «важности главного читателя». Нет никакого сомнения в том, что участие Корфа в этом труде отнюдь не «ограничилось почти только тем, что [он] постоянно им любовался».

Но считать Стасова лишь исполнителем воли начальника, сводить его роль к составлению выписок из предоставленных ему материалов и вставке их в рамки, заданные Корфом и не допускавшие «слишком большие рассуждения», было бы неверно. Мы познакомились только что с собственными взглядами Стасова на задачи исторического исследования вообще и конкретные события в частности. Некоторые из его «рассуждений» спорны и довольно субъективны, но этим для нас и интересны. За строками рукописи, плотно заполнившими узкие столбцы, за резкими, иногда запальчивыми суждениями видится увлеченный и страстный их автор. Не его вина, что многие страницы «Брауншвейгского семейства» оказались менее яркими и острыми, чем ему хотелось. Конечно, строки, выведенные на гладкой веленовой бумаге ювелирным почерком искусного писаря, гораздо легче и приятнее для чтения, чем стасовский черновик. Именно такие округлые буквы и должны составлять приглаженные фразы о злоключениях несчастных принцев, вырванных «из среды общественной жизни». За завитками и росчерками не такими уж горькими кажутся их страдания, не такими жестокими их мучители. Но не зря все же Владимир Васильевич сдал на всякий случай незадолго до смерти свои исчерканные Корфом листы на вечное хранение в Публичную библиотеку. Ведь иногда рукописи, и правда, не горят, и тогда к ним рано или поздно «допускаются другие». И узнают «имя истинного автора этой работы». Хотя бы и через полтора века после «главного читателя».

---

⁸¹ ИРЛ. Ф. 294. Оп. 1. Д. 347/3. Л.5.

REFERENCES

1. *Анисимов Е.В.* Иван VI Антонович. М., 2008.
2. *Брикнер А.Г.* Император Иван Антонович и его родственники // Русский вестник. 1874. Т. 113. № 10. С. 503–559; Т. 114. № 11. С.102–191.
3. *Герцен А.И.* Собр. соч. В 30 т. М, 1954–1965. Т. XIII. С. 128.
4. *Голубева О.Д.* В.В. Стасов. СПб., 1995.
5. *Грот Я.К.* Дети правительницы Анны Леопольдовны в Горсенсе // Русская старина. 1875. Т. 12. С. 760–768.
6. *Данилевский Г.П.* По какой причине император Иоанн Антонович перемещен из Холмогор в Шлиссельбург // Русский архив. 1874. № 12. С. 1124–1126.
7. *Каренин Влад.* Владимир Стасов. Очерк его жизни и деятельности. Л., 1927. С. 175.
8. *Корф М.А.* Брауншвейгское семейство // Старина и новизна. 1917. № 22. С. 148–203.
9. *Корф М.А.* Брауншвейгское семейство. М., 1993.
10. *Корф М.А.* Записки. М., 2003.
11. *Корф М.А.* Погребение принцессы Анны Леопольдовны и мужа ее герцога Антона Ульриха //Русская старина. 1870. Т. 1. С. 410–412.
12. *Левин Л.И.* Российский генералиссимус герцог Антон Ульрих (история «Брауншвейгского семейства» в России). СПб., 2000.
13. *Поваляев В.И.* Судьба брауншвейгской фамилии в России с конца 1741–1780 г.// Русский вестник. 1866. Т. 64. № 7. С. 62–96.
14. *Покровский Н.* Великая княгиня Анна Леопольдовна и ее семейство // Дело и отдых. 1865. Т. II. Кн. 2. С. 1–65.
15. *Ружицкая И.В.* Барон М.А. Корф – историк: по материалам его архива. М., 1996.
16. *Семевский М.И.* Иоанн VI Антонович // Отечественные записки. 1866. Т. CLXV. С. 530–558.
17. *Стасов В.В.* Граф Модест Андреевич Корф. Биографический очерк. 1800–1876 //Русская старина. 1876. Т. 2.
18. *Стасов В.В.* Письма к родным. Т. I. Часть вторая (1862–1879). М., 1953.

19. Тмарченко Г.Е. Об атрибуциях некоторых статей и рецензий Добролюбова 1857–1858 годов //Русская литература. 1961. № 3. С. 144–147.
20. Холмогорская секретная комиссия: Грустная повесть об ужасной судьбе российского императора и его семьи, написанная Владимиром Стасовым для другого императора и извлеченная с архивной полки для читателя Леонидом Левиным. Архангельск, 1993.

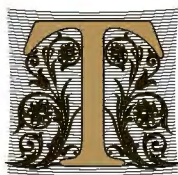

Ключевые слова:

Брауншвейгское семейство, Иван VI Антонович, В.В. Стасов, М.А. Корф.

Leonid I. Levin

THE CASE OF THE «BRUNSWICK FAMILY» (V.V. STASOV AND M.A. KORF)

The article is dedicated to the history of a manuscript «The Brunswick Family», which for the first time based on extensive archival materials highlighted the life of the infant Emperor Ivan VI Antonovich, dethroned in 1741, and his family. The main sources for the article were the following: a draft manuscript by V.V. Stasov with M.A. Korf's notes, «The Brunswick Family» manuscript published under the name of Korf in 1993, the correspondence between Stasov and Korf, and some other documents. An attempt was made to determine what was the actual contribution of both authors to the joint work in order to identify the fundamental differences in their viewpoints and evaluations of historical events and personalities.

In the 20th century, some historians believed that Stasov played a minor role and acted according to Korf's instructions (who initiated the creation of «The Brunswick Family» manuscript, provided Stasov with access to sources, and who constantly edited the manuscript). However, after investigating of various materials and the history of the manuscript, that statement appears groundless.

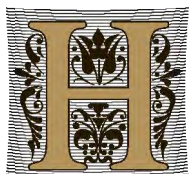
 Левин Леонид Иосифович

кандидат технических наук, доцент, главный инженер проекта,
ООО «Научно-производственный проектно-конструкторский центр
«Архангельские реставрационные мастерские»», г. Архангельск, Россия

Г.Н. Ланской

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ А.Л. ШАПИРО

аучно-педагогическая школа историков, сформированная в Ленинградском государственном университете и продолжающая плодотворно развиваться в настоящее время, характеризуется ярко выраженной профессиональной преемственностью поколений, связывая тем самым досоветский, советский и современный периоды развития профессиональной историографии. Ярким отражением данной тенденции являются жизнь и деятельность Александра Львовича Шапиро, бывшего одним из последних учеников ставшего знаменитым еще до революционных событий 1917 г. члена-корреспондента Российской академии наук А.Е. Преснякова и воспитавшего в свою очередь целую плеяду многих современных российских историков, среди которых широко известны профессора Санкт-Петербургского государственного университета А.В. Выскочков, С.Г. Кащенко, Б.Н. Миронов и другие исследователи.

В рамках подготовки учебных пособий по исторической библиографии и историографии и написания монографий А.Л. Шапиро в одинаковой степени последовательно и целеустремленно исследовал два комплекса объектов.

С одной стороны, многие его известные работы посвящены изучению вопросов экономической, социальной и военной истории России, что нашло

отражение в программе научной конференции, посвященной столетию со дня его рождения и состоявшейся в начале декабря 2008 г. в Санкт-Петербургском государственном университете. С другой стороны, он приложил значительные и плодотворные усилия к анализу явлений отечественной и зарубежной исторической науки.

Важно подчеркнуть, что помещение опыта развития российской историографии в контекст эволюции западноевропейской научной и публицистической мысли, осуществленное в опубликованном курсе лекций А.Л. Шапиро, было и остается весьма непростой задачей. Это очевидно не только с методической точки зрения (ибо требует от университетского преподавателя широкого историографического кругозора), но и в свете той идеологической традиции, которая заключалась в скептическом отношении к зарубежной исторической науке и была сформирована после Октябрьской революции 1917 г. Только в 1990-е гг. в высших образовательных учреждениях России обозначенный европейский интеллектуальный контекст стал интенсивно внедряться в научно-педагогическую практику отчасти для того, чтобы расширить границы профессионального мировоззрения будущих специалистов. В качестве примера следования этой заложенной в том числе в курсе А.Л. Шапиро традиции можно привести программу курса «История исторической науки», разработанного в РГГУ профессором В.А. Муравьевым.

Думается, что приложение европейской интеллектуальной традиции к осмыслению опыта российской историографии является целесообразным только применительно к историческому периоду до рубежа 1920–1930-х гг. Письмо И.В. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция», обнародованное в 1931 г. и направленное на выявление сохранявшихся антибольшевистских (троцкистского и меньшевистского) течений революционно-социалистической мысли, прервало на директивном уровне связь советской исторической науки с теми концепциями, которые получили распространение за рубежом. Процесс изоляционистского развития советского общества вполне естественным образом проник и в практику материального производства, и в сферу интеллектуальной жизни.

Надо сказать, что взгляды А.Л. Шапиро на проблему связи отечественной и зарубежной историографических традиций в том числе применительно к российской истории были менее однозначными, чем у многих его современников. Негативно оценивая на фоне кратковременной для периода 1960-х гг. критики последствий «культы личности» И.В. Сталина отдельные особенности интеллектуальной жизни рубежа 1940–1950-х гг., А.Л. Шапиро обращал внимание на то, что в этот период «вопреки В.И. Ленину начали

огульно отрицать всякое влияние западных культур на русскую, начали замазывать роль иноземных ученых».

Конечно, на фоне происходившей в стране на официальном уровне реабилитации отдельных, дискредитированных сталинской пропагандой явлений эта точка зрения не была революционной для профессионального сообщества и массового сознания. Во-первых, она в соответствии с существовавшей в советскую эпоху традицией отсылалась (правда, без ссылки на конкретный источник) к представлениям В.И. Ленина, что по существу должно было указать на отсутствие в ней идеологических новаций и тем самым защитить ее от идеологических преследований. Во-вторых, сам А.Л. Шапиро на предыдущих страницах своей концептуально значимой статьи очерчивал тенденцию успешного соперничества отечественных историков послеоктябрьского периода с зарубежными авторами. Он не выражал ни малейшего сомнения в важности и естественности такого соперничества, нацеленного на критику и, как было принято писать в работах советских ученых, на разоблачение антибольшевистских взглядов иностранных ученых.

Если применительно к ранним этапам российской истории А.Л. Шапиро и его коллеги выявляли какое-либо плодотворное начало в обращении к работам иностранных авторов, работавших в условиях господства капиталистической системы, то в отношении развития России в период XX в. они указывали на неспособность этих авторов к адекватному пониманию прослеживавшихся в источниках фактов и явлений. Подводя итоги пятидесятилетнего существования советской историографии за период с Октябрьской революции 1917 г., А.Л. Шапиро писал: «Особенно велик вклад советских ученых в историографию рабочего движения, Коммунистической партии, первой русской революции, Великой Октябрьской социалистической революции и советского общества. Уже в 1928 г. М.Н. Покровский говорил, что первую русскую революцию не приходится изучать по материалам, изданным меньшевиками, и что ее уже невозможно изучать без трудов историков-большевиков. А в настоящее время все сделанное русскими и зарубежными буржуазными историками первой русской революции имеет ничтожное значение по сравнению с тем, что сделано советскими историками. В еще большей степени это относится к истории Великой Октябрьской социалистической революции и ко всему советскому периоду истории нашей страны».

Думается, что осознававшаяся даже такими незаурядными представителями советской исторической науки, как А.Л. Шапиро, необходимость противопоставления достижений своей профессиональной деятельности интеллектуальному опыту зарубежных исследователей российской исто-

А. Л. Шапиро

рии не дает оснований интегрировать оценку их творчества в контекст восприятия общемировой научной традиции XX в. Подобные попытки неоднократно осуществлялись в период 1990-х гг. в том числе на страницах фундаментальных в теоретико-методологическом отношении исследований. Такое новое направление в отечественной методологии исторического знания, как источниковедение культуры, предполагает рассмотрение особенностей творческой деятельности конкретных людей в качестве совокупности практических и интеллектуальных феноменов, не имеющей ни временных, ни пространственных границ развития.

Действительно, на теоретическом уровне такая логика профессиональных рассуждений не вызывает возражений, тем более что она подкреплена успешным развитием на протяжении последних полутора сотен лет такой популярной философской системы, как экзистенциализм. Однако обращение к творческому наследию А.Л. Шапиро и других видных советских ученых показывает, что подобная методологическая новация имеет скорее рекомендательный, футурологический характер применительно к историографическим источникам. Ее применение может стать не более рациональным, чем, например, высказанное в конце 1990-х гг. предложение

провести повторную экспертизу ценности созданных в советский период документов Архивного фонда Российской Федерации.

По нашему убеждению, механистическое применение культурно-феноменологического подхода к анализу и интерпретации историографических источников советской эпохи нарушит логику их адекватного восприятия. По существу последним представителем отечественной историографии XX в., позиционировавшим себя вне требований окружавшей его социальной системы, был М.Н. Покровский, который в этой связи оборонял свою далеко не бесспорную теорию «торгового капитализма» от критических суждений современников буквально до последних месяцев своей жизни. Не случайно свой курс лекций по историографии дооктябрьского периода, переизданный в переработанном и дополненном виде в 1993 г., А.Л. Шапиро завершил очерком именно об этом ученом. Для этого он осознанно и акцентированно вынес границы своего повествования за рамки Октябрьской революции, чтобы раскрыть важную для себя тему эволюции творчества ряда исследователей, начавших свою деятельность еще до 1917 г., в рамках советской эпохи.

В таком отчетливом разграничении процесса эволюции историографических источников по российской истории на дооктябрьский и послеоктябрьский периоды не следует видеть применение только искусственно сформированного, хронологически детерминированного понимания научных процессов. Конечно, все представители человеческого сообщества не в состоянии в одночасье переосмыслить свое отношение к прошлому и настоящему. Такая способность свойственна только тем биологическим видам, которые сосредоточивают свою умственную деятельность на удовлетворении простейших материальных нужд и проявляют способность к выживанию благодаря достаточно быстрым инстинктивным реакциям.

Природа историографических источников отличается от специфики многих других комплексов информационных ресурсов тем, что она предполагает выработку объективного, обоснованного реальными доказательствами представления об историческом прошлом. Для исторических исследований даже независимо от их методологической оснащенности характерно стремление пусть к субъективному, но все же к максимально точному отражению реальной, убедительной для внешнего восприятия картины прошлого. Любой автор, о чем многократно писали А.Л. Шапиро и многие другие исследователи, стремится доказать своим оппонентам и просто окружающим людям правильность своих рассуждений и оценок. В этом, собственно, и состоит путь к достижению социальной востребованности.

Именно поэтому понятие историографического источника имеет непостоянный, относительный во времени и пространстве характер. Исследование любого автора, так же как и зафиксированная в нем информация, является историографическим источником только в том случае, если оно востребовано в общественном сознании и оказывает на него объективное влияние. В случае отсутствия такого информационного эффекта оно остается в качестве историографического факта или возвращается в это качество после известного периода своей распространенности и популярности.

Именно этим свойством историографические источники отличаются от остальных групп исторических источников, связывающих в рамках четкой — гносеологической — модели исторический факт и его фиксацию в конкретном документальном виде. В этой связи и А.Л. Шапиро, и другие профессиональные специалисты в области теории источниковедения разграничивали, например, историко-правовые исследования представителей так называемой «государственной школы» (Б.Н. Чичерина, К.Д. Кавелина, А.Д. Градовского и др.) и те законодательные акты, которые становились объектом их ретроспективного анализа.

Точно так же выстраивалось понимание этими авторами особенностей развития советской исторической науки, которое само по себе нуждается в тщательной и концептуально взвешенной реконструкции. Исследования, создававшиеся отечественными учеными после победы Октябрьской революции, оценивались А.Л. Шапиро и его коллегами как результат профессиональной научной деятельности. Собственно само понятие научности применительно к историографии было четко определено именно в советский период в работах практически всех авторитетных специалистов, изучавших данную предметную область. Оно являлось синонимом и одновременно фактором социальной важности создававшейся интеллектуальной продукции. Подчеркнем, что рассмотренный выше культурно-феноменологический подход, акцентирующий значимость личностного начала в творческой деятельности человека и затуманивающий понятие ее социальной ориентированности, в принципе влечет за собой отрицание объективной научности историографии в любых ее допустимых пониманиях.

При комплексной оценке информационных особенностей советской исторической науки становится очевидным, что ее происхождение и сущность определялись двумя историографическими фактами, выполнявшими, согласно обозначенной нами системе понятий, функцию историографических источников. Это были работы В.И. Ленина по различным вопросам российской истории и директивные документы по организации научно-образовательной деятельности, исходившие от руководства

Коммунистической партии и органов государственной исполнительной власти. Их освоение и использование являлось обязательным условием для осуществления профессиональной деятельности. Ценность продуктов этой деятельности — монографий, статей, диссертаций, публичных выступлений — была в отличие от обозначенных основополагающих ресурсов информации относительной. В зависимости от уровня соответствия создававшихся различными по своему социальному статусу исследователями работ содержанию директивных в теоретико-административном плане материалов конкретные научные труды, каждый из которых являлся историографическим фактом, разделялись на группы в зависимости от своей информационной, то есть источниковедческой, ценности. Именно этой принципиально оценочной установкой руководствовался А.Л. Шапиро (как и другие авторы, занимавшиеся аналогичной проблематикой) при рассмотрении всех событий из истории советской исторической науки и при их периодизации.

Научно-педагогическая деятельность Александра Львовича Шапиро является примером необходимости сочетания в творчестве профессионального историографа глубоких эвристических, конкретно-исторических и собственно научно-исторических знаний. Именно оно позволяет создавать глубокие по своей методологической, теоретической и эмпирической направленности исследования, становящиеся ориентиром для последующих поколений специалистов.

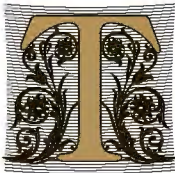
Ключевые слова:

А.Л. Шапиро, историография, советская историческая наука, социально-экономическая история России.

Grigoriy N. Lanskoj

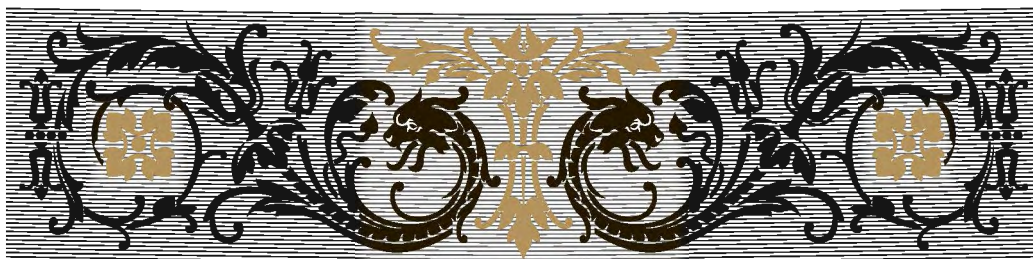
SPECIFIC FEATURES OF DEVELOPMENT OF THE SOVIET HISTORICAL SCIENCE IN THE RESEARCH WORKS OF A.L. SHAPIRO

The article is devoted to a complex research of the scientific and pedagogical heritage of a prominent Soviet historian Alexander Lvovich Shapiro. It analyzes his works in the field of historiography of the national and foreign history, social and economic history of Russia, and historical bibliography. The article determined the contribution of A.L. Shapiro to the development and content of scientific discussions that were held in the Soviet historical studies. The text traces the contribution made by A.L. Shapiro to the formation of a scientific and pedagogical school of historians on the basis of Leningrad, and later, St. Petersburg, State University.

 Ланской Григорий Николаевич

доктор исторических наук, доцент, декан факультета документоведения и техногронных архивов Историко-архивного института РГГУ, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики ИАИ РГГУ, первый заместитель председателя Правления Российского общества историков-архивистов (РОИА)

В.Ж. Цветков

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:
А.М. МАТВЕЕВА. ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ
КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ РОССИИ
П.Н. САВИЦКОГО: МОНОГРАФИЯ**

М.: Прометей, 2016. 262 с.

о недавнего времени евразийство в России было своего рода политической и интеллектуальной модой, поскольку оно казалось наиболее адекватной идеологией для обоснования (представлявшейся вполне возможной) реставрации расколотого пространства бывшего СССР в рамках некоего нового имперского синтеза. Это весьма способствовало «раскрученности» евразийского «бренда», но не слишком способствовало (скорее, наоборот, мешало) плодотворному научному исследованию евразийства как конкретно-исторического феномена, как особого направления русской общественной мысли 1920–1930-х гг. Сегодня, как представляется, политическая конъюнктура не слишком благоприятствует реализации евразийского проекта, помещая его по ведомству утопий. Очевиден спад публицистической шумихи вокруг наследия отцов-основателей русского «восточничества». Настает время серьезных академических работ на эту интереснейшую тему, ибо евразийство действительно нельзя не признать одним из самых значительных (хотя и небесспорных) явлений отечественной мысли прошлого века. Таких работ пока еще довольно мало, и монография А.М. Матвеевой, в этом смысле, чрезвычайно актуальна и своевременна.

Исследование отмечено несомненной научной новизной. Это первая в нашей исторической литературе работа, посвященная специальному и систематическому описанию геополитической концепции главного теоретика евразийского течения русского зарубежья — П.Н. Савицкого. Важнейшим ее достоинством является широкая источниковая база. Досконально проработаны все опубликованные сочинения Савицкого. Активно задействованы разнообразные материалы его обширного личного фонда и некоторых других «эмигрантских» фондов в Государственном архиве Российской Федерации, в частности, неопубликованные работы Савицкого и его переписка как с единомышленниками, так и с оппонентами. Использованы автором и материалы следственного дела Савицкого, хранящиеся в Центральном архиве Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ РФ). Большинство этих архивных источников вводятся в научный оборот впервые.

Автор уже много лет работает над темой русской геополитики и евразийства. Представляемая монография — закономерный итог длительной кропотливой работы. В своей книге, в ходе выявления и реконструкции специфики геополитической концепции Савицкого, автор использует широкий интеллектуальный контекст, рассматривая ее в ключе сопоставления как с западной (Х. Макиндер, К. Хаусхофер, А. Мэхэн), так и отечественной (Н.Я. Данилевский, В.И. Ламанский, В.П. Семенов-Тянь-Шанский) школами геополитики и военной географии.

Идеи Савицкого рассматриваются не только как метод познания и объяснение взаимосвязи внешней политики с контурами пространства, именуемого Россией-Евразией, но и с внутренними закономерностями его социально-экономической, политической и культурной организации. Последнее автор обозначает понятием «геополитика внутреннего пространства», которая устанавливает «правила» внутреннего устройства, выработанные в ходе исторического развития самим пространством государства (месторазвитием). Эти «правила» рассматривались как необходимое условие для поддержания целостности границ месторазвития (с. 194).

По сути, монография представляет многостороннее исследование геоисторической концепции Савицкого. Автор выделяет в ней основополагающий закон евразийской геополитики, согласно которому «преемственность внешнеполитических форм Российской империи обуславливала и преемственность внутриполитической и экономической ее организации» (с. 83). Однако данный тезис автор подвергает конструктивной критике. В этой связи особый интерес представляет анализ Савицким современной ему советской действительности 1920–1930-х гг.: геополитических кор-

ней советского режима, первых двух «пятилеток» и важнейшего события отечественной истории — Октябрьской революции 1917 г. Им устанавливалось соответствие русской революции 1917 г. законам геополитики внутреннего пространства России: «русская революция, независимо от субъективных умыслов вождей, того или иного ее этапа, является освобождением России-Евразии от какой бы то ни было (политической, культурной или экономической) зависимости от окружающего мира, эмансипация, в самом широком смысле этого слова» (с. 207).

Прозревая глубокую связь с предшествовавшей историей России, Савицкий выявлял национальную и патриотическую сущность советской политики первой трети XX в. Автор приходит к выводу, что установленные Савицким «геополитические «правила» эффективного контроля над Россией-Евразией (пространством бывшей Российской империи, затем СССР) исходили из континентальной природы страны и вытекающей из нее необходимости создания «самодовлеющего мира». Они же свидетельствовали о преемственности российской имперской геополитической традиции в исторической практике СССР, но, разумеется, не являлись показателем «перерождения» Советской власти» (с. 261). Важно, что Матвеева проводит грань между Савицким-ученым и Савицким-политиком.

В монографии Савицкий представлен не только как теоретик евразийства, но и как главный его политический идеолог. Такой подход позволил по-новому взглянуть на геополитическую концепцию исторического развития России Савицкого как на сочетание научной системы и политической идеологии. Концепция Савицкого «как бы на стыке между идеологией и наукой. В ней соединялись две геополитические теории: одна по содержанию претендовала на объективность и научность, другая — по сути геоидеология, использовала выводы первой» (с. 259–260).

В качестве примера геоидеологических изысканий евразийского теоретика автор приводит созданную Савицким «периодическую систему ритмов» отечественной истории, как элемента «научной системы россиеведения». Согласно ей, история России состоит из ритмически чередующихся периодов семилетнего «подъема» и десятилетней «депрессии». Автор указывает, что выстроенная схема ритмов доведена была Савицким до 1927 г., с прицелом на прогнозируемую «депрессию», которая не наступила. При этом любопытны наблюдения автора о том, что по сути с помощью «волновой динамики» исторического развития России и Запада Савицкий пытался научно обосновать принцип «что русскому хорошо, то немцу — смерть». Однако несмотря на рациональные зерна этой теории, в монографии выяв-

ляется идеологическая установка концепции евразийского лидера — доказать, что капитализм и социализм являются всего лишь формами историко-географических конъюнктур.

Впервые поднимается проблема эволюции евразийского национал-большевизма и евразийского «идеократического» масонства. Рассматривается проблема формирования основ пореволюционной идеологии Савицкого еще в годы Гражданской войны.

Особое место автор уделяет разработанной Савицким геостратегии для России-Евразии, устанавливая ее связь с выводами советских политгеографов. В этой связи ценен вывод о несостоятельности утверждений о расколе русской геополитической традиции после 1917 г. Также большое значение имеют положения монографии, что выводы евразийской геополитики совпадали не только с советской геополитической теорией, но и с внешнеполитической практикой СССР.

Однако в монографии присутствуют моменты, вызывающие возражения. Представляется, что автор уделяет чрезмерное внимание рассмотрению экономических и геополитических позиций Савицкого в ущерб анализу его отношения к политическим проблемам, прежде всего к вопросам о форме правления и форме государственного устройства. В свете геополитики внутреннего пространства эти аспекты были бы особенно интересны.

Автор представил проблему формирования историко-геополитической концепции Савицкого в широком контексте зарубежной и отечественной геополитической мысли. В том числе рассматривается и проблема взаимовлияний идей Савицкого и других евразийских теоретиков, в частности филолога и этнолога Н.С. Трубецкого, правоведа Н.Н. Алексева. Но при этом недостаточно внимания уделено вопросу о связи воззрений П.Н. Савицкого и Г.В. Вернадского, которого в историографии традиционно считают главным евразийским историком. В частности, как соотносятся их теории «периодических ритмов» исторического развития России-Евразии?

Требуют некоторой корректировки выводы автора в части, касающейся оценки Савицким развития противоречий в советском обществе. Можно согласиться с выводом Матвеевой, что исторический процесс не укладывается в схему «периодической ритмичности» Савицкого, но многие наблюдения и прогнозы ученого в том или ином виде нашли подтверждение и не утратили своей актуальности в наше время. Так, концепция России как «материкового хозяйства», «самодовлеющего мира» сегодня приобретает новое звучание в рамках программы импортоза-

мещения. Геостратегия «континентальных соседств» также отражает геополитическую активность России по налаживанию связей с Китаем, Индией и Ираном.

Несмотря на указанные замечания, исследование А.М. Матвеевой вносит значительный вклад в изучение евразийства как направления русской общественной мысли в целом, так и его геополитической доктрины в частности.

 Цветков Василий Жанович

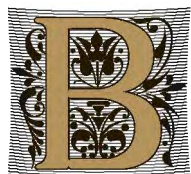
доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории Московского педагогического государственного университета

С.В. Девятов

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.И. ЛЕНИНА В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Рецензия на книгу Е.А. Котеленец
«Битва за Ленина. Новейшие исследования и дискуссии».
М.: АИРО-XXI, 2017. 255 с.

В год столетнего юбилея революции 1917 г. в издательстве «АИРО-XXI» вышла монография доктора исторических наук, профессора Е.А. Котеленец «Битва за Ленина. Новейшие исследования и дискуссии». В работе анализируются новейшие российские и зарубежные работы, касающиеся личности и наследия В.И. Ленина. Также особое внимание уделяется становлению культа личности Ленина, взаимосвязи ленинизма и сталинизма, феномену «антиленинианы».

Хронологические рамки книги обширны и охватывают период в 97 лет, начиная с советского лениноведения, зародившегося в 1920-х гг., и заканчивая исследованием новых граней споров о личности и деятельности В.И. Ленина последних лет. Исследование основывается на комплексном изучении и осмыслении историографических работ, монографических исследований отечественных и зарубежных историков, документальных публикаций, авторских материалов о состоянии и степени разработанности личных фондов В.И. Ленина и И.В. Сталина и их окружения в центральных архивах Российской Федерации, а также публикаций в массмедиа на протяжении всего изучаемого периода.

Профессор Е. А. Котеленец открывает новые источники, которые принципиально важны для современных историков, политологов и социологов.

Приведенные в работе данные позволяют взглянуть на изучаемую проблему гораздо шире. Новизна методики исследования, масштаб работы и комплексный анализ представленных данных имеют несомненную ценность для современных ученых-историков. Автор беспристрастно и объективно рассматривает и анализирует множество источников, избегает оценочных суждений, что является несомненным плюсом работы.

Книга разделена по тематическому признаку на два раздела, каждый из которых содержит четыре главы. Деление не носит формального характера и представляется оправданным. В первом разделе автор рассматривает, как воспринимался В.И. Ленин и его окружение в раннем периоде советской историографии. Е.А. Котеленец отмечает, что в 1920-х происходил процесс обожествления, становления культа личности «вождя». Автор приходит к обоснованному выводу, что эта часть общего историографического процесса в 20–30-х гг. прошлого века совпадала со всеми сложными перипетиями политической конъюнктуры и появлением особых зон исторического умолчания. Е.А. Котеленец подчеркивает: «Своеобразной компенсацией сложившихся запретов в отношении изучения деятельности целого ряда лиц из ленинского окружения стала разработка общих проблем опыта советской исторической биографии, обсуждение вопросов историзма научных биографий, генеалогических источников, соотношения биографического и других жанров, “психологического фактора” в жизнеописаниях и др.» (с. 19). В первой главе монографии Е.А. Котеленец прослеживает также то, как менялось отношение к лениноведению. На первом этапе формировались культ образа Ленина и образ окружающего его «большевистского пантеона».

Второй этап точно совпал с перестроечным периодом нашей истории конца 1980-х — начала 1990-х гг. и характеризовался новым всплеском интереса к Ленину и его наследию. Третий этап, пришедшийся на 1990-е гг., был связан с пересмотром отношения к Ленину и появлением публикаций двойной направленности. Именно в этот период, как отмечает автор монографии, закладывается основа для развенчания культа личности Ленина и отождествления ленинизма и сталинизма, как одной из форм развития марксистской теоретической модели.

Среди самых актуальных дискуссий перестроечного времени, связанных с В.И. Лениным, Е.А. Котеленец отмечает тему «Ленин и проблемы перехода от военного коммунизма к НЭПу». Автор обоснованно утверждает и подчеркивает, что рубеж 80–90-х гг. прошлого века стал переломным в лениноведении: «Мало кто тогда предполагал, что перелом произошел со значительным опозданием и не столь глубоко, как казалось на первый взгляд. Одной из причин перелома становилась позиция партийных науч-

ных и учебных учреждений, на которые всё ещё ориентировались институты, центры, кафедры в самых разных местах СССР. В 1990 году в ведущем партийном образовательном учреждении — Академии общественных наук при ЦК КПСС — состоялась научная конференция, которая подводила итоги первых новаторских шагов в переосмыслении образа Ленина» (с. 37).

Вторая глава книги посвящена детальному анализу «антিলенинианы» в научной и общественно-политической литературе. Е.А. Котеленец обоснованно отмечает, что в конце 1980-х гг. историки начали открыто признаваться, что в течение более чем полувека насаждалась догматизация теории и практики ленинизма, приспособленная к потребностям сталинской идеологической модели государственного социализма, призванная служить оправданию авторитарных методов управления всеми сторонами жизни государства и общества. Автор наглядно показывает, что в отечественной историографии того периода, равно как и в общественном мнении, сложилась целая система взглядов и утверждений, которая изображалась как единственно возможный и правильный вариант развития марксизма-ленинизма. При этом все остальные точки зрения подвергались остракизму как ересь, измена делу рабочего класса и интересам строительства социализма. В качестве «точки отсчета» возникновения «антিলенинианы» в «советских условиях» автор приводит представительное совещание историков в начале октября 1989 г., когда впервые широким кругом профессиональных ученых-историков официально был констатирован и признан данный факт.

В третьей главе монографии автор отмечает, что на рубеже 80–90-х гг. прошлого века в среде историков и публицистов появляется «запрос на переосмысление» ленинского наследия. Е.А. Котеленец выявляет, что фокус общественного внимания того времени сместился к политическому «завещанию» Ленина, смыслу борьбы вокруг него в ленинском окружении и вообще истории ухода Ленина. Особое внимание автор уделяет тому, как историки рассматривали близкий круг вождя, интерпретируя его в соответствии с различными политическими задачами своего времени. Е.А. Котеленец отмечает, что «углубление в сложные перипетии межличностных отношений заставило исследователей более внимательно анализировать Ленина... как своеобразного исторического компенсатора, который блокировал недостатки и слабости политической системы периода Гражданской войны. В этой связи по-другому стали прочитываться тексты многих других ленинских соратников, пытавшихся после отхода своего вождя от дел понять ту форму организации власти и механизма принятия решений, которые замыкались лично на Ленине» (с. 73).

Отдельная, четвертая, глава исследования посвящена сопоставлению теории и практики ленинизма и сталинизма. Автор не только внимательно

рассматривает и анализирует взаимосвязь этих учений, но и поднимает серьезный методологический вопрос — была ли доктринальная или аппаратная преемственность.

Второй раздел монографии посвящен пересмотру фактов и оценок, связанных с Лениным и большевистской элитой. В первой главе Е.А. Котеленец рассматривает «либеральный поворот российского и зарубежного лениноведения», который был связан с появлением новых источников: сочинениями Н. Валентинова, эмигрантскими публикациями, посвященными истории революции, архивными публикациями из рассекреченных российских архивов. В этой связи Е.А. Котеленец ставит еще один вопрос. А именно: что из себя представлял дальнейший процесс обсуждения личности, деятельности и наследия Ленина — анафему или критику? Особое внимание автор уделяет исследованию темы «немецкого золота», рассматривая, каким образом создавалась, развивалась, а впоследствии и разоблачалась история о шпионаже и спонсировании Западом большевиков накануне революции. Также Е.А. Котеленец дает читателю возможность рассмотреть и сравнить различные дискуссии, связанные с семьей В.И. Ленина. Отдельно рассматриваются и относительно локальные темы, в частности отношение Ленина к христианским идеям, его практическая деятельность по созданию светского государства, преследования церкви как общественного института и представителей православного духовенства.

Во второй главе Е.А. Котеленец представляет читателям полную картину, как менялось отношение к политической биографии Ленина. Автор справедливо отмечает, что в советской историографии долгое время господствовал объективистский, псевдомарксистский подход в описании как Ленина, так и теории ленинизма, как правило, выводящий личность лидера и биографические подробности за рамки объяснения конкретного исторического процесса. После 1991 г. и в этой области положение в исторической науке стало быстро изменяться. Основной идеей того периода становится принцип «выстраивания идентичности», согласно которому считалось, что личность Ленина формировалась под постоянным воздействием его собственных волевых усилий, в борьбе с самим собой, различными происшествиями и людьми. Еще одна особенность этого периода, которую выделяет Е.А. Котеленец, это повышенное внимание историков к ранее запретным личностным аспектам жизни Ленина, прежде всего к его родословной. Особое внимание в это время и в научной литературе, и в научных трудах обращалось на взаимоотношения Ленина с И.Ф. Арманд.

Третья глава исследования Е.А. Котеленец посвящена межличностным отношениям в ленинском окружении. Автор отмечает, что выдвинувшиеся

на первый план новые подходы в изучении Ленина органично включили в себя фактор межличностных взаимоотношений в партийной и государственной верхушке, что сразу же потребовало кардинального изменения трактовки взаимодействий рационального, осознанного и подсознательного в анализе мотиваций поведения как самого Ленина, так и ближайшего ленинского окружения.

Последнюю главу монографии Е.А. Котеленец посвящает новым аспектам споров, связанным с личностью Ленина, вопросом о преемственности ленинизма и сталинизма. Автор отмечает, что в 90-е гг. дискуссия по принципиальнейшей теме современной историографии о соотношении ленинизма и сталинизма продолжилась. Впрочем, поначалу для одних — опять-таки с целью отделить Ленина от Сталина и таким образом сохранить идею социализма, а для других — отождествить обоих «диктаторов», их учения, практическое и теоретическое наследие и тем самым похоронить и идею социализма как историческую утопию, скомпрометировать двух большевистских вождей.

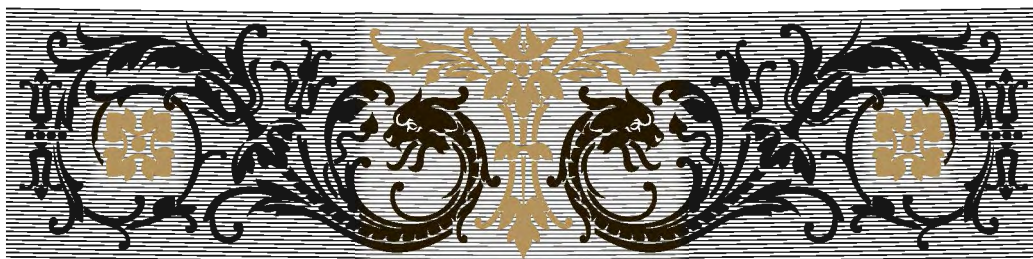
В заключении профессор Е.А. Котеленец совершенно справедливо отмечает, что современный научно-исторический анализ отчасти дискредитирован публицистической поспешностью ряда авторов и превращением Ленина в объект современной политической борьбы, как в нашей стране, так и за рубежом.

Несомненную ценность данной работы представляет широкий круг вопросов, охватывающий не только все аспекты жизни и деятельности Ленина, но и самые различные их трактовки, как научные, так и социальные. Монография профессора Е. А. Котеленец — важное, нужное и своевременное историографическое исследование. Автор беспристрастно представляет читателю самые различные точки зрения на рассматриваемую проблему, предоставляя возможность сформировать читателю свое, непредвзятое мнение. Книга написана в увлекательной манере, что делает работу привлекательной не только для специалистов, но для широкого круга читательской общественности.

 Девятов Сергей Викторович

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России XX—XXI вв. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

В.А. Токарев

С. ДЕМБСКИ. МЕЖДУ БЕРЛИНОМ И МОСКВОЙ. ГЕРМАНО-СОВЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1939—1941 гг.

Пер. с польск. М.: РОССПЭН, 2017. 816 с.

лавомир Дембски — известный польский историк, автор целого ряда публикаций, посвященных начальному этапу Второй мировой войны. Рецензируемая монография, подводя итог его многолетним изысканиям в области советско-германских отношений в предвоенные годы, вышла в

свет на польском языке в 2003 г.

В этом фундаментальном исследовании, которое состоит из 11 глав, предпринята попытка дать ответ на три основных вопроса: в чем заключалась мотивация внешней политики Третьего Рейха и Советского Союза в ходе двусторонних отношений после заключения 23 августа 1939 г. договора о ненападении (пакта Риббентропа—Молотова); какие именно факторы повлияли в конечном счете на формирование этих отношений; что вызвало германо-советскую войну, разразившуюся 22 июня 1941 г.

В книге уделено внимание и другим важным сюжетам германо-советских отношений, а именно: роли в них начавшейся Второй мировой («всеобщей», по определению автора) войны; последствиям разграничения сфер государственных интересов после пакта Риббентропа—Молотова и советско-германского договора о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. (по-

пытки разрешения ситуации беженцев и военнопленных, переселенческие акции).

Автор констатирует, что исходя из постановки проблемы, был вынужден ограничиться исключительно политическими и военными аспектами германо-советских отношений начального этапа мировой войны. Так, за рамками его исследования оказались хозяйственные вопросы; лишь мимоходом в монографии затронуты вопросы пропаганды в связи с идеологической подготовкой обеих сторон к вооруженному столкновению.

С. Дембски выявил имеющиеся в историографии проблемы лакуны и нестыковки, сумел сформулировать основные цели и задачи исследования. В целом ему удалось с большой степенью глубины, на высоком научном уровне осветить те вопросы, которые он поставил. Им тщательно проработаны статьи и монографии американских, британских, германских, российских, польских и других историков. С некоторыми из них автор ведет дискуссию, так сказать, в режиме личного диалога.

Главным достижением автора следует считать большой вклад в расширение источниковой базы. Свои многолетние научные поиски Дембски вел в архивохранилищах Польши, Германии и России, а также получил от своих коллег несколько документов, выявленных в Государственном архиве Великобритании и в Национальном архиве США.

Серьезным подспорьем для автора при написании монографии стали многочисленные опубликованные источники, прежде всего, освещающие внешнюю политику основных акторов, действовавших на международной арене на начальном этапе мировой войны (Германии, СССР, Великобритании, Франции, Италии). Помимо этого, им привлечены издания эго-источников (дневников, мемуаров, интервью, переписки, речей и выступлений) государственных и политических деятелей, дипломатов, представителей военного командования СССР, Германии, Великобритании, Франции, Польши и других стран, а также периодика (в основном, советская) за 1939–1941 гг.

Благодаря использованию большого количества источников, С. Дембскому удалось восстановить последовательность событий, связанных с эволюцией советско-германских взаимоотношений, и главное, выявить многие ранее не известные детали механизма принятия решений в Берлине и в Москве, приведших к серьезным изменениям всей международной ситуации и фактической перекройке политической карты Европы. По преимуществу это удалось, благодаря методу параллельного анализа источников (например, германских и советских записей дипломатических переговоров И.В. Сталина и В.М. Молотова с И. фон Риббентропом и

Ф. фон Шуленбургом, Молотова с А. Гитлером в ходе официального визита в Берлин в ноябре 1940 г.).

С. Дембски, используя проблемно-хронологический подход, последовательно и довольно подробно рассматривает различные аспекты эволюции советско-германских взаимоотношений, главным образом, в хронологических рамках 23 августа 1939 г. — 21 июня 1941 г. При этом автор применяет различные дефиниции при их описании. В период от пакта Риббентропа—Молотова и примерно до июня 1940 г., согласно его выводам, между Берлином и Москвой осуществлялось сотрудничество. Затем оно вступило в фазу кризиса, продолжавшуюся вплоть до декабря 1940 г. В дальнейшем этот кризис обострился настолько, что обе стороны стали втайне разрабатывать оперативные планы военных действий друг против друга. Заключительная глава рецензируемой книги посвящена советско-германским политическим отношениям первой половины 1941 г., где и изложена авторская концепция мотивации действий Сталина и Гитлера, приведших в конечном счете к масштабному вооруженному столкновению Германии и Советского Союза.

Автор монографии считает, что в отличие от советско-финляндского конфликта, переросшего в «Зимнюю войну», за которым немцы следили в качестве оценочных наблюдателей, в период с августа 1939 г. по август 1940 г. Гитлер и Сталин осуществляли сотрудничество, направленное против стран Балтии (Литвы, Латвии и Эстонии). Более сложный характер имела в контексте советско-германских взаимоотношений балканская проблема, чему посвящен соответствующий раздел данной монографии.

С. Дембски полагает, что значимость пакта Риббентропа—Молотова зависела от изменения международной обстановки (а не наоборот). Нарочитая расплывчатость формулировок статей пакта, развивает свою мысль автор, на практике сводила этот документ до уровня декларации о намерениях сторон. В результате, резюмирует он, наполнение советско-германских отношений конкретным содержанием принимало в большой степени форму импровизации. Однако постоянные политические импровизации в отношениях с Советским Союзом оказались, по словам автора, причиной серьезных проблем для Германии в будущем — начиная с осени 1939 г.

В этом смысле представляет несомненный интерес проведенный им анализ ситуации с вхождением в состав СССР стран Балтии, которую российский историк М.И. Мельтюхов назвал «борьбой за Прибалтийский плацдарм». Автор монографии вынужден признать, что в контексте потенциального вооруженного конфликта оно принесло Советскому Союзу

ощутимые выгоды, расширив стратегические возможности Красной армии. В противном случае Эстония, Латвия и Литва могли стать разменной монетой в руках Гитлера. Решившись на войну с СССР, Гитлер нарушил бы нейтралитет этих государств (что и произошло с Бельгией и Голландией по завершении французской кампании Вермахта 1940 г.). Но тогда Красной армии пришлось бы противостоять немецкой агрессии, направленной против прибалтийских государств, в неблагоприятной стратегической ситуации.

Заслуживает внимания анализ польским историком военного планирования Германии и СССР, которое они направляли друг против друга. Гитлер, который находился в постоянном контакте с Генеральным штабом и Верховным командованием Вермахта, был уверен в слабости Красной армии и в значительном превосходстве над ней. Это, как рассчитывал фюрер, сулило легкую победу в предстоящей войне против Советского Союза.

Оперативное планирование Красной армии накануне германского нападения на СССР было направлено, по мнению С. Дембского, на подготовку удара, опережающего планы немцев. Но, готовясь к осуществлению этой стратегической концепции, советское государство и его вооруженные силы оказались не подготовленными к оборонительным действиям.

В современной российской и зарубежной историографии порой по-разному интерпретируется ключевой вопрос об объективных и субъективных причинах, приведших к началу германо-советской войны, о роли Сталина и Гитлера в ее возникновении. Одни исследователи считают, что грандиозный вооруженный конфликт между Германией и СССР начался исключительно по вине Гитлера, который стремился к мировому господству. Другие перекладывают вину на Сталина, «распространяя» ее и на 23 августа 1939 г., утверждая, что пакт Риббентропа—Молотова открыл «зеленую улицу» германским захватам в Европе.

В этом смысле С. Дембски занимает особую позицию. Он считает, что к германо-советской войне привели ошибки, которые и Гитлер, и Сталин допустили в оценке ситуации на мировой арене, сложившейся после капитуляции Франции. Не считаясь с позицией Берлина, СССР занял Бессарабию и заставил Германию согласиться на то, чтобы и Северная Буковина вошла в его состав. Тем самым был растрочен и без того небольшой кредит доверия, который выдал Гитлер Сталину в августе—сентябре 1939 г. Одновременно Гитлер, который, особенно после «Зимней войны», имел невысокое мнение о боеготовности и боеспособности Красной армии, начал подумывать о возможности вооруженного столкновения с «непредсказуемым со-

седом». Однако, в конечном счете, Гитлер недооценил огромный потенциал Советского Союза.

В свою очередь, Сталин, как утверждает автор, был уверен, что Германия, которая была не в силах справиться вооруженным путем с Британской империей, тем самым «обречена» на сотрудничество с Советским Союзом и войну против него (по крайней мере, летом 1941 г.) не развяжет.

Следует отметить, что Гитлер начал войну против СССР не из-за Бессарабии и, тем более, не по причине присоединения к нему Северной Буковины. Гитлер, и это лишний раз подтверждает содержание рецензируемой монографии, делая планы сокрушения СССР, захвата военным путем и дальнейшего покорения европейской территории СССР. Несмотря на пакт о ненападении, он сохранял неприязнь к Сталину и к идеологически враждебной ему коммунистической (большевистской) идеологии.

Что касается Сталина, то в ситуации актора, претендовавшего на роль активного игрока с Гитлером, причем «на равных», он, особенно после «Зимней войны» с Финляндией, предпочитал действовать более осторожно, избегая вооруженного столкновения, путем дипломатических и политических импровизаций, однако постоянно помня о государственных интересах СССР. До поры до времени эта тактика давала свои позитивные результаты (присоединение стран Балтии, возвращение Бессарабии, ранее оккупированной Румынией), что видно, в частности, из содержания рецензируемой книги. Однако в этой же монографии показано, что с весны 1941 г. Гитлер стал явно «переигрывать» Сталина (в частности, благодаря своей активной политике на Балканах, приведшей в лагерь союзников Германии Болгарию и Румынию, а Югославию — к военному поражению от вермахта). Начавшаяся 22 июня 1941 г. война между Германией и СССР на первом этапе (вплоть до поражения Вермахта в Сталинградской битве в феврале 1943 г.) отличалась тактическими и определенными стратегическими преимуществами страны-агрессора. Однако Сталину и советскому военно-политическому руководству удалось мобилизовать все силы на фронте и в тылу, ценой неимоверных усилий переломить ситуацию, взять стратегическую инициативу в свои руки и, в конечном счете, одержать победу.

На мой взгляд, является спорным употребление польским историком некоторых дефиниций, которые противоречат современной российской историографии. Так, воссоединение Западной Украины и Западной Белоруссии в результате похода Красной армии в сентябре—октябре 1939 г. названо им «оккупацией». Аналогичный термин применяется к действиям советской стороны по вхождению в состав СССР стран Балтии (Литва, Лат-

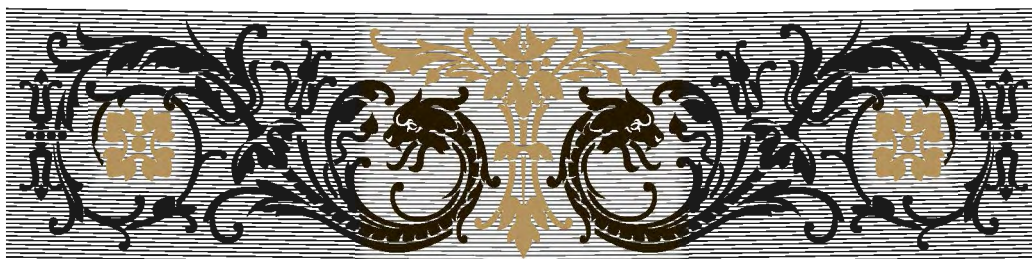
вия, Эстония). Помимо всего, данные действия С. Дембски характеризует как «аннексию».

В целом его книга представляет собой оригинальное научное исследование, основанное на солидной источниковой базе. В монографии С. Дембского преобладают хорошо фундированные, отличающиеся новизной, авторские наблюдения и выводы. Это исследование — весомый вклад в историографию Второй мировой войны и советско-германских взаимоотношений 1939–1941 гг.

 Токарев Василий Александрович

кандидат исторических наук,
Политехнический колледж (г. Магнитогорск)

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Уважаемые авторы!

Журнал является научным, по тематике — историческим.

В редакцию журнала предоставляются три документа в отдельных файлах:

1. Статья (публикация источника, рецензия).
2. Аннотация к статье (публикации источника, рецензии).
3. Сведения об авторе.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Редакция журнала принимает все материалы (текст статьи, аннотацию, сведения об авторе) только в электронном виде в редакторе Microsoft Word (с расширением «.doc» или «.rtf»), набранные шрифтом Times New Roman без автоматических переносов. В имени файлов обязательно указывается фамилия автора.

СТАТЬЯ

Объем статьи — от 1 до 2 авторских листов (40–80 тысяч знаков с учетом пробелов); кегль — 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный. По согласованию с редакцией принимаются статьи и бóльшего объема. Обязательными компонентами статьи являются:

ФИО автора и заголовок статьи

О.А. Сухова

ГУБЕРНАТОРЫ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА В НАЧАЛЕ XX В.

Ключевые слова (после статьи указываются 4–6 понятий, терминов, имен собственных, несущих в тексте основную смысловую нагрузку)

Ключевые слова: П.А. Столыпин, И.А. Блок, контроль за губернаторами, крестьянский террор

Сноски

Оформление сносок:

Сноски в статье следует проставлять постранично («внизу страницы»), их нумерация должна быть сквозной (например, с 1-й по 32-ю); шрифт (кегель) — 12.

Иванов И.И. История европейских стран. М., 2002. С. 14.

Иванов И.И. К вопросу о развитии европейских стран // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 1–11.

Для иностранных изданий: *Johnson J.* The History of USA. London, 2002. P. 14.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Список использованной в статье литературы следует представить в конце статьи в романском алфавите.
2. Список литературы (References) в романском алфавите для международных баз данных, повторяет все источники литературы, независимо от того, имеются ли среди них иностранные. Если в сносках на русском есть ссылки на иностранные публикации, они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите.

3. Транслитерируются фамилии авторов и русскоязычные названия источников. Переводятся названия статей, монографий, сборников статей, конференций.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении ученых // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190–199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. The system of peer review in scientific information provision // *Information Support of Science. New Technologies: Collected papers* [Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh. Informatsionnoe obespechenie nauki // *Novye tekhnologii: Sb. nauch. tr.*] Nauchnyi Mir, Moscow. P. 190–199.

4. Список литературы в латинице может готовиться с помощью систем транслитерации свободного доступа (<http://www.translit.ru>) и переводчика Google. Вручную делать транслитерацию не допускается в целях избежания ошибок.

АННОТАЦИЯ

Аннотация с указанием названия статьи и фамилии автора представляется в отдельном файле (.doc или .rtf).

1. Название файла: «Фамилия автора — Аннотация».
2. Объем: 1000–1500 знаков с пробелами.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

В отдельном файле (.doc или .rtf) должны содержаться:

1. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
2. Ученая степень, звание, должность и место работы (полное название учреждения, города, страны).
3. Контактная информация: адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы (служебный, мобильный), e-mail.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Публикация в журнале может сопровождаться иллюстрациями.

1. Иллюстрации и фотоснимки в электронном виде высылаются отдельными файлами: формат TIFF или JPG; размер не менее 2 Мб.
2. К иллюстрации необходима подпись с описанием события, объекта и датировкой. Также следует указать привязку иллюстраций к тексту статьи в отдельном документе (.doc или .rtf).
3. Редакция оставляет за собой право подбора или замены иллюстраций к статье.

Члены редколлегии в трехмесячный срок принимают решение о публикации присланного материала.

**Материалы высылаются на электронный адрес:
historical.reporter@gmail.com**

**Материалы журнала включены в систему
Российского индекса научного цитирования.**

Для заметок

Компьютерный набор редакции. Дизайн и верстка Ю.В. Филимонова.
Подписано в печать 20.12.2017 г. Формат 70×100 1/16. Усл.-печ. л. 20,3. Заказ № 55

Адрес редакции: 105005, Москва, Аптекарский пер., д. 4, стр. 2, офис 214
Тел.: +7 (495) 737-76-32, факс: +7 (495) 730-61-76
E-mail: info@runivers.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-51055 от 03 сентября 2012 г.

© АНО «Руниверс», 2017

---

*Материалы, публикуемые в журнале «Исторический вестник», могут не совпадать
с точкой зрения редакции.*

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в типографии Издательского центра РГГУ. Адрес: 125993, Москва, Миусская пл., 6.
Электронная почта: kentavr@rggu.ru. Тел.: +7 (499) 973-42-05

Журнал издается при поддержке ООО «НИКОХИМ».

Следующий выпуск «Исторического вестника» будет посвящен русской революции 1917 г. как историческому феномену, проблеме соотношения войны и революции, внешних вызовов и внутренних угроз в революционную эпоху, а также осмыслению революционного транзита в историко-компаративистском контексте.

ПРОЕКТ РУНИВЕРС

Свободный доступ к материалам по отечественной истории и культуре

Тысячи дореволюционных книг и журналов

Старинные атласы с уникальными картами
российских земель и городов

Все дореволюционные военные энциклопедии

Полное собрание законов Российской империи

Собрание архивных документов

Это и многое другое вы можете найти на сайте www.runivers.ru

Книжная серия «Наглядная хронология»

Планируется выпуск следующих изданий:

От Руси к России (X-XVI века)

Рождение Российского царства

Россия в эпоху Смуты

Россия при первых Романовых

Россия при Петре Великом

Россия в эпоху дворцовых переворотов

Россия при Екатерине Великой

Россия в первой половине XIX века

Россия во второй половине XIX века

Россия в XX веке